

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2024

ТОМ 9 NO 1

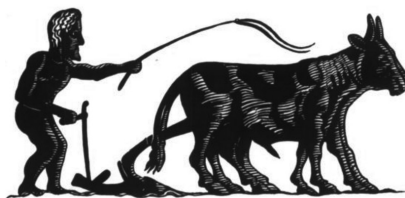
Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дж. Пэллот, председатель, Оксфордский университет (Великобритания)
А.М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС
М.Г. Пугачева, ответственный секретарь, НИУ ВШЭ
И.В. Троцук, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС
И.А. Кузнецов, РАНХиГС
П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)
Т.Г. Нефедова, Институт географии РАН
Дж.С. Скотт, Йельский университет (США)
О.П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН
Н.И. Шагайда, РАНХиГС
С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.И. Алексеев, МГУ им. М.В. Ломоносова
В.В. Бабашкин, РАНХиГС
С.М. Боррас Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)
С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)
В.Г. Виноградский, РАНХиГС
О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)
А.В. Гордон, ИНИОН РАН
В.А. Ильиных, Институт истории СО РАН
Ким Чан Чжин, Университет Сангконгхоу, Сеул, Южная Корея
В.В. Кондрашин, Институт российской истории РАН
Э.Н. Крылатых, РАНХиГС
А.А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС
С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)
В.А. Мау, РАНХиГС
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)
А.В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики
им. А.А. Никонова
Е. Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)
А.Д. Радыгин, РАНХиГС
Судхир Кумар Сутхар, Университет Джавахарлала Неру (Индия)
В.Я. Узун, РАНХиГС
Цзинцон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 3, офис 2003
Телефон: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

РЕДАКТОР ВЕБ-САЙТА Е.С. Никулина; КОРРЕКТОР И.Е. Кроль;
ДИЗАЙН: Издательский дом «Дело», РАНХиГС
В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;
Картина «Бабы». Малявин Ф.А. 1905. Государственный Русский музей,
Санкт-Петербург

© РАНХиГС, 2024

Содержание

Теория

- Красильников С. А.* Репрессивное раскрестьянивание в СССР как исследовательская проблема: подходы и поиски новых решений 6

История

- Агапов М. Г.* От «Севера России» к «Русскому Северу»: интеллектуальное присвоение северных территорий Европейской части России в середине XVIII — первой половине XIX века 23
- Егоров А. К.* Крестьянские волнения на Северо-Западе России летом 1831 года 39
- Корниенко Н. В.* Огнестойкое строительство в деятельности «губмелиоратора Платонова» (по материалам Государственного архива Воронежской области) 54

Современность

- Бреславский А. С.* Пригороды Улан-Удэ: практики гражданства и реализация «права на город» 75
- Балабейкина О. А.* Феномен вновь образованных сельских населенных пунктов на примере Республики Удмуртия 96
- Захаров К. В., Макарова Е. А., Коновалов А. М., Ломсков М. А.* Влияние региональных социально-экономических факторов на незаконную добычу промысловых зверей 107
- Реусова Т. В., Стрелетова О. А., Балакирев Н. А., Новиков М. В., Орлова Е. А.* Основные товарные свойства шкурок фермерского помесного соболя 124

Рецензии

- Бабашкин В. В.* Угнетенные умственностью 141
- Кузнецов И. А.* В поисках «самодетерминирующейся социальной реальности». 150
- Никулин А. М., Никулина Е. С.* Павел Зырянов: община, государство, личность в истории России 156

Научная жизнь

- Гречухина В. М.* «Человеческий капитал в сельском развитии»: обзор международной российско-китайской научно-практической конференции 163

Russian peasant studies

Vol. 9. 2024. No 1

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

J. Pallot, Chairman, University of Oxford (UK)
A.M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
M.G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE
I.V. Trotsuk, Deputy Editor, RUDN University, RANEPA
I.A. Kuznetsov, RANEPA
P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)
T.G. Nefedova, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences
J.C. Scott, Yale University (USA)
O.P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
N.I. Shagaida, RANEPA
S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil) I.A. Kuznetsov, RANEPA

ADVISORY BOARD

A.I. Alekseev, Moscow State University
V.V. Babashkin, RANEPA
S.M. Borrás Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)
S. Wegren, Southern Methodist University (USA)
V.G. Vinogradsky, RANEPA
O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)
A.V. Gordon, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences
V.A. Il'inykh, Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
Kim Chan Jin, Sangkonghou University, Seoul, South Korea
V.V. Kondrashin, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
E.N. Krylatykh, RANEPA
A.A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA
S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)
V.A. Mau, RANEPA
S. Merl, University of Bielefeld (Germany)
A.V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for Agrarian Issues and Information Science
E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)
A.D. Radygin, RANEPA
Sudhir Kumar Suthar Jawaharlal Nehru University (India)
V. Ya. Uzun, RANEPA
Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow, Russian Federation.

Phone: +7-499-956-95-56

Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

THEORY

- Krasilnikov S. A.* Repressive de-peasantization in the USSR as a research question: Approaches and search for new solutions 6

HISTORY

- Agapov M. G.* From the “North of Russia” to the “Russian North”: Intellectual appropriation of the northern territories of the European part of Russia in the mid-18th — first half of the 19th centuries 23
- Egorov A. K.* Peasant unrest in the North-West of Russia in the summer of 1831 39
- Kornienko N. V.* Fire-resistant construction of the “governor-ameliorator Platonov” (based on the materials from the State Archive of the Voronezh Region) 54

THE PRESENT TIME

- Breslavsky A. S.* Suburbs of Ulan-Ude: Practices of citizenship and the “right to the city”. 75
- Balabeykina O. A.* The phenomenon of new rural settlements on the example of the Republic of Udmurtia. 96
- Zakharov K. V., Makarova E. A., Konovalov A. M., Lomskov M. A.* The influence of regional social-economic factors on the illegal hunting of fur-bearing animals 107
- Reusova T. V., Strepetova O. A., Balakirev N. A., Novikov M. V., Orlova E. A.* Main commercial features of local sable skins 124

REVIEWS

- Babashkin V. V.* Fatigue from intelligence. 141
- Kuznetsov I. A.* In search of a “self-determining social reality” 150
- Nikulin A. M., Nikulina E. S.* Pavel Zyryanov: community, state, personality in the Russian history. 156

SCIENTIFIC LIFE

- Grechukhina V. M.* “Human capital in rural development”: A review of the international Russian-Chinese scientific-practical conference 163

Репрессивное раскрестьянивание в СССР как исследовательская проблема: подходы и поиски новых решений¹

С. А. Красильников

Сергей Александрович Красильников, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН. 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8. E-mail: krass49@gmail.com

Аннотация. При рассмотрении феномена спецпоселения сталинской эпохи применительно к крестьянскому его компоненту в данной публикации предлагается со-единение репрессивной парадигмы изучения с социально трансформационной, названной автором «репрессивное раскрестьянивание». Последнее в отношении депортированных в спецпоселение крестьян с семьями определяется как государственная политика, основанная на принуждении, насилии и дисциплинировании наказанием, следствием чего становится утрата крестьянством большинства базовых мировоззренческих ценностей (в том числе религиозных); происходит деформация трудовых стимулов, трудового этоса; трансформируются модели семьи и связей между поколениями. Данный процесс рассмотрен с позиций динамики его исследования с конца 1980-х годов (историографический аспект). Осуществленный трудами ряда исследователей (Н. А. Ивницкий, В. Я. Шашков, В. Н. Земсков) концептуальный «прорыв» обеспечивался и одновременно ограничивался анализом информационного потенциала корпуса делопроизводственных источников центральных органов власти и управления. Отмечено влияние на историков своеобразного диктата источников: структура и дискурс охранительной документации определяли доминирование в ней количественных характеристик (численность, дислокация, сферы применения труда, условия жизни и т.д.) и не отражали неявные качественные стороны жизнедеятельности ссыльных (маргинальность, адаптационность, эксцессивность, повседневность). Зафиксировав наличие в современной литературе терминологических рудиментов («раскулачивание», «правовое положение» и др.), автор акцентирует внимание на необходимости обращения к таким качественным понятиям, как «режимность спецпоселений», «иерархия статусов ссыльных», «межпоколенческие связи и конфликты», «цена репрессий». Будучи основой раскрестьянивания, социально-профессиональная мобильность ссыльного крестьянства, включая переход в другие страты (рабочие, служащие), в целом нивелировалась его режимным статусом.

Ключевые слова: насильственное раскрестьянивание, динамика исследований, крестьянская семья, ссылка, режим спецпоселения, мобильность, маргинальность

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-1-6-22

-
1. Статья выполнена по теме госзадания «Динамика экономического и социального развития Азиатской России в контексте геостратегических вызовов конца XIX — начала XXI вв.» (FWZM-2021-0003).

При определении подходов, на платформе которых нами проведена определенная инвентаризация существующих ныне в исторической литературе исследовательских направлений для рассмотрения феномена крестьянской ссылки сталинской эпохи, необходимо произвести разделение уровней теории на три (макро-, мезо- и микроуровень). Роль макротехники выполняет *цивилизационная модель*, в рамках которой события в России/СССР следует рассматривать под углом зрения глобального процесса *раскрестьянивания*, проходившего особенно интенсивно в конце XIX — первой половине XX века, подразумевая под ним переход крестьянства как базовой социально-экономической страты традиционного общества в другие страты, имевший национально-территориальную и страновую специфику и варианты. В СССР реализован один из них — этатизация (огосударствление) аграрного производства и человеческого ресурса с утратой большинством крестьян своих основных экономических и социокультурных характеристик. Нами рассматривается *предельно жесткий вариант раскрестьянивания* — *репрессивный*, осуществляемый сталинским режимом в ходе всего периода его существования — в форме крестьянской ссылки на спецпоселение.

Для изучения данного феномена на среднем уровне теории, мезоуровне, следует обратиться к тематике *институционального* подхода. Последний представляется оптимальным, поскольку включает в себя важнейшие элементы осуществления репрессивного раскрестьянивания: политико-идеологический (государственный), определявший цель репрессий; управленческо-организационный (решение режимных, экономических и др. задач); ресурсный (необходимые средства для их осуществления — кадровые, финансовые, материальные, структурные, информационные и др.). Реальной целью институтов власти и управления в данном случае являлось достижение намеченного результата путем формирования системы крестьянских спецпоселений как подсистемы принудительного труда в экономике. Ссылное крестьянство превращалось в максимально возможный/допустимый эксплуатируемый трудовой ресурс, потенциал которого предполагалось распределить в различные, преимущественно базовые сектора экономики, желательного на колонизируемых территориях, чтобы превратить ссылных в «постоянные трудовые кадры» в местах дислокации комендатур.

Исследовательский микроуровень представлен анализом структур, отражающих *повседневность* крестьянской ссылки на местном, низовом уровне (районные и поселковые комендатуры и хозяйственные органы, эксплуатировавшие труд спецпереселенцев), где непосредственно соприкасались и взаимодействовали между собой режимные, хозяйственные органы и ссылные крестьяне. Здесь необходимо применение разработок ряда социогуманитарных дис-

С. А. Красильников
Репрессивное рас-
крестьянивание
в СССР как ис-
следовательская
проблема...

циplin, исследующих действие механизмов и практик разнонаправленного характера — адаптационных и дезадаптационных, сопутствовавших и препятствовавших так называемому оседанию спецпереселенцев в местах их расселения. Основным объектом анализа выступает ссыльная крестьянская семья не только как базовая учетная категория на спецпоселении, объект режимно-трудового управления и контроля со стороны комендатуры, но и как основа трансформации демографической, социальной, культурной жизнедеятельности ссыльного крестьянского социума в условиях несвободы. Ниже рассмотрим с точки зрения наличия трех указанных теоретических уровней исследовательское поле, сформировавшееся по проблематике репрессивного раскрестьянивания за прошедшие десятилетия, с начала 1990-х годов.

Динамика освоения проблематики

На наш взгляд, исследовательская динамика основывалась на нескольких базовых факторах, определявших направления, формы, интенсивность и результативность работы историков. Среди них отметим, прежде всего, влияние так называемых внешних условий, обусловленных сдвигами в политико-государственной сфере и уровнем востребованности знаний о сталинской эпохе со стороны общества. Внутренние условия формировались исходя из готовности историков к проведению данных исследований и доступности для них корпуса источников, хранящихся в государственных и ведомственных архивохранилищах России. Нами выделяются четыре стадии, пройденные историками (хронология условная):

1988–1990. *Пролог*, представленный публикациями историко-публицистического характера, где нашло отражение то, что впоследствии станет носить обобщающее название «трагедия советской деревни», составной частью которой представляли события депортации крестьянских семей на спецпоселение.

1991–1999. *Профессиональное освоение проблематики*. В ряде регионов основной концентрации крестьянских спецпоселений (Карелия, Сибирь, Урал) историками публикуются документальные сборники, появляются первые крупные работы монографического характера всесоюзного охвата (Ивницкий, 1994; Шашков, 1996).

2000–2010. *Качественное развитие исследований*. Переход документальных публикаций на новый, серийный уровень (выпуски «Трагедия советской деревни», «Деревня глазами ВЧК–ГПУ–ОГПУ–НКВД», «Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение», «История сталинского ГУЛАГа»). Публикация ряда монографий со всесоюзным (Ивницкий, 2004; Земсков, 2003; Виола, 2010) и региональным (Красильников, 2003; Игнатова, 2009; Чернолуцкая, 2011) охватом.

2010 — настоящее время. *Концептуальное «затишье»*. При этом происходит формирование принципиально нового информационно-справочного ресурса в виде региональных Книг памяти, посвященных высылке и пребыванию на спецпоселении крестьянских семей (Республика Коми, Новосибирская, Омская области, Красноярский край). Тем самым создается возможность перехода исследований «вглубь», на уровень изучения трансформации крестьянской семьи в условиях спецпоселения.

Следует констатировать очевидную взаимосвязь и взаимовлияние внешних и внутренних факторов, которые на протяжении чуть более 30 лет определяли результативность исторических исследований в данной области. Наиболее важные результаты оказывались достижимыми в благоприятных политико-государственных условиях первого постсоветского десятилетия, когда были созданы правовые основы для реабилитационных действий в отношении репрессированного крестьянства и сделан доступным для изучения значительный корпус документальных источников. Одновременно с этим историки получили достаточно редкий по продолжительности временной отрезок для поступательного эволюционного освоения тематики репрессивного раскрестьянивания в форме ссылки на поселение. Это позволило выстроить два параллельных процесса — источниковедческого и концептуального освоения громадного объема новой информации. Введение в научный оборот источников шло эволюционно, по восходящей — от публикаций отдельных документов и их комплексов к серийным изданиям корпусов источников, системно отразивших репрессивную политику сталинского режима. Тот же алгоритм присутствовал и в динамике научной рефлексии — от отдельных публикаций к монографическим изданиям. Формировались «точки сборки» на пересечении двух указанных направлений: авторы знаковых монографий (Н. А. Ивницкий, Линн Виола) выступали активными публикаторами источников, в том числе в составе коллектива, работавшего над серийным изданием «Трагедия советской деревни». В данной предметной области был достигнут пик реализации творческого потенциала. Затем, начиная с 2010-х годов наступило концептуальное «затишье», обусловленное отсутствием новых подходов и оценок теоретического характера. По нашему мнению, причины следует искать в нынешнем состоянии сформировавшегося концептуального поля.

Концептуальное поле

К настоящему моменту сложились несколько исследовательских платформ, в рамках которых работают современные историки. Безусловно, центральное место занимает изучение репрессивной политики партийного государства, что позволяет отнести данное направление к разряду *институциональной истории*, поскольку

в исследованиях задействован инструментарий данного подхода: рассматриваются тенденции и механизмы, с помощью которых субъекты/акторы (различные уровни вертикали власти) обладают целеполаганием, мотивами и программой действий, распоряжаются всеми видами ресурсов для достижения поставленных целей. Приоритетом здесь выступает реконструкция процессов разработки, принятия и реализации политических решений.

Другим практически обязательным компонентом в изучении феномена репрессивного раскрестьянивания является изучение спецпоселения как подсистемы принудительного труда, что предусматривает обращение к инструментарию *экономической истории*. В работах такого рода в центре внимания находятся проблемы организации, сферы использования, механизмы эксплуатации, приемы наказаний и поощрений труда ссыльного крестьянства. Акцент делается на выявлении и оценке роли фактора внеэкономического принуждения в сталинской модели экономики.

Третьим обязательным компонентом концептуального осмысления репрессивного раскрестьянивания являются социоструктурные процессы, вызванные массовыми репрессиями, к числу которых следует отнести проблемы социальной мобильности и маргинальности, что предполагает обращение к методам *социологии* и *социальной истории*. Социоструктурная динамика предусматривает реконструкцию масштабов и форм катастрофической нисходящей социальной мобильности репрессированных ссыльных крестьян с переводом их в застойное маргинальное, дискриминационное состояние как части так называемого спецконтингента, находившегося на «дне» социальной иерархии в сталинском обществе. Приоритетом здесь становится анализ социальных сдвигов в обществе в целом, со времени «Великого перелома» носивших негативный, деструктивный характер, ярким проявлением которых было репрессивное раскрестьянивание и формирование новой массовой маргинальной общности.

Еще один из приоритетных компонентов, входящих в данное концептуальное поле, — осмысление феномена миграций, носивших ярко выраженный принудительный характер, что относится к предмету изучения *исторической демографии*. Среди специалистов ведется дискуссия по поводу правомерности употребления термина «депортация» применительно к крестьянской ссылке. На наш взгляд, в данном случае это синонимы (принудительная миграция, депортация), поскольку процессы и политика репрессий в форме высылки имеют два вектора: как вне страны, так и во внутренние ее территории, намеченные для этого. Единственный процедурный нюанс состоял в том, что высылка за пределы страны не сопровождалась определением последующей траектории для высылаемых, тогда как высылка внутрь страны, если она имела массовый характер, носила режимный порядок и предполагала ссылку в определенные местности. Становясь предметом интереса

демографии, принудительные миграции требуют учета таких параметров, как прирост и потери ссыльного контингента (рождаемость и смертность), учет факторов, влияющих на ссыльных (заболевания, побег, аресты и т.д.). Приоритетом здесь выступает не только выявление демографических изменений в ссыльном социуме, но и того, что можно назвать ценой депортаций в человеческом измерении.

Относительно новым и перспективным направлением в истории спецпоселений, требующим концептуальной разработки, является *гендерная тематика*. Безусловно, гендерное измерение депортационных процессов даст возможность получить новое знание о том, какую роль играло динамично менявшееся соотношение полов и возрастов в спецпоселенческом социуме. На основе доступной статистики исследователи могут говорить о возрастании женского фактора в жизнедеятельности ссыльного социума в силу функциональных изменений (замещение женщинами роли глав семей вследствие арестов мужчин на начальном этапе депортации (высылки) и последующих репрессий уже на спецпоселении, мобилизаций военного времени и т.д.). Здесь же уместно рассмотреть межпоколенческие взаимоотношения и конфликты, связанные с политикой предпочтений, предоставлявшихся спецпоселенческой молодежи (возможности снятия со спецучета, разрешение на выезд из спецпоселков для учебы и работы и т.д.).

Очевидно, что на макроисследовательском уровне необходимо рассмотрение сталинской политики и практики репрессивного раскрестьянивания как особого направления в рамках такой междисциплинарной области, как *крестьяноведение*. Находясь на стыке социогуманитарных наук (социология, экономика, демография, статистика, антропология и др.), изучая крестьянский мир с присущим ему особым образом жизнедеятельности, восприятия и поведения в его взаимоотношениях с социальным окружением и институтами власти, крестьяноведение обладает значительным методологическим и методическим потенциалом для историков. Инструментарий социологии (структурно-функциональный анализ, типы и формы социальной мобильности, референтные группы и др.) дает возможность изучения и интерпретации социальной динамики крестьянства, методы и подходы демографии и антропологии позволяя глубже исследовать процессы трансформации крестьянской семьи в экстремальных условиях сталинской эпохи и т.д. Среди историков процессы раскрестьянивания «по-социалистически» наиболее глубоко изучает В. А. Ильных (Ильных, 2012: 130–141). Однако, какой бы тематики в рамках изучения крестьянства данного периода ни касаться, принципиальным остается вопрос о состоянии понятийного аппарата, с которым работали и работают историки при реконструкции государственной политики в отношении репрессированного и ставшего спецпереселенцами крестьянства.

ТЕОРИЯ

Воспользуемся приемом фиксации проблематики «на входе» (советская историографическая традиция) и ее движения к современному состоянию (постсоветская историография), отметив наиболее распространенные случаи понятийной трансформации, которые не лишены противоречий и своеобразных «ловушек». Советская традиция диктовала историкам применение таких идеологических стереотипов, как «кулак», «ликвидация кулачества как класса», «раскулачивание». В постсоветских исследованиях также воспроизводятся эти термины. В одних случаях историки, используя подобную терминологию и понимая ее несостоятельность, прибегают к закавычиванию, поясняя, что в качестве языка для научного описания процессов государственной политики в деревне с конца 1920-х годов эти термины неприменимы. Однако гораздо более частым явлением в современных работах стало заимствование без оговорок понятия «раскулачивание», которое проникло и в заглавие исследований (Шашков, 1996; Ивницкий, 2004; Раскулаченные спецпереселенцы, 1993). Впрочем, даже автор признанной классической работы В. Н. Земсков применяет данный термин без оговорок, хотя в дальнейшем закавычивает словосочетания «кулацкая ссылка», «бывшие кулаки» (Земсков, 2003: 10–18). Очевидно, что «застрявший», рудиментарный термин прошлой эпохи означал для современников событий соединение в нем двух элементов — социального (объекта государственной политики) и репрессивного (экспроприационного), затем он закрепился в массовом сознании как синоним экономических репрессий. Однако для исследователей его применение более чем сомнительно, поэтому, в частности, ряд историков, не найдя подходящего эквивалента, попросту закавычили его либо в заглавии работы, либо в самом тексте (Гущин, 1996; Чернолуцкая, 2011: 54). Выход же из ситуации, на наш взгляд, достаточно прост — обозначать данное явление как репрессивное раскрестьянивание.

Другим рудиментом, заимствованным определенной частью современных историков, выступает постулат о «правовом положении» спецпереселенцев, которым они обладали наряду с обязанностями, на них налагавшимися. Понятно, что таким образом определяло статус репрессированного крестьянства и других категорий спецпереселенцев само государство в ряде своих постановлений, а затем — в подзаконных актах репрессивных органов, осуществлявших управление и надзор над спецпоселениями. Между тем пишущие об этом в монографиях или диссертациях историки тем самым невольно отождествляют декларируемые в различных документах нормы с реальным их воплощением. Однако очевидно, что эти законодательные нормы не могли быть реализованы в условиях спецпоселения, где действовало не право, а жесткие режимные правила. Право на труд даже конституционно трактовалось как обязательное

занятие общественно-полезным трудом, а в репрессивной практике оно превращалось в принуждение к нему. Спецпереселенцы лишались возможности выбора вида трудовой деятельности, они передавались по договорам хозяйственным организациям, всецело распоряжавшимся их трудовым потенциалом. Эвфемизмом звучит понятие «ограничение» в перемещениях — они очерчивались местами расселения и трудовой деятельности, а нарушения «ограничений» трактовались как побег и преследовались в административном и судебном порядках. Из заработной платы на производстве производились процентные удержания на содержание аппарата комендатуры. Даже пресловутое восстановление в избирательных правах, которое традиционно рассматривалось как индикатор наличия у спецпереселенцев активного избирательного права, не давало большинству их обладателей возможности выезда после 1935 года из спецпоселения.

Приведем достаточно характерный пример того, по каким основаниям надзорные органы осуществляли дифференциацию ссыльного крестьянства. Это, в частности, касалось спецпереселенцев, принудительно закрепленных государством в сфере сельского хозяйства (неуставные артели). Согласно правительственному постановлению от 9 сентября 1938 года, последние переводились на положение уставных артелей (колхозов), что создало некоторую коллизию в определении их нового статуса, которая разрешалась чисто казуистическим приемом. Так, Наркоматом юстиции РСФСР 17 октября 1939 года в регионы спец(труд)поселений было направлено следующее разъяснение: «...Специальных переселенцев — бывших кулаков, организованных в колхозы и ныне являющихся колхозниками, а также специальных переселенцев — кулаков, которые сейчас являются единоличниками, необходимо подразделить на следующие категории: 1) если это кулаки, которые в 1930–31 гг. были высланы и проживают в местах особого поселения (трудпоселках), то ни форма организации их труда, ни сам характер специального поселения в определении сущности социального положения ничего не изменили. Эту группу осужденных, как и прежде, нужно отнести к социальной группе нетрудящихся; 2) если же спецпереселенцы восстановлены во всех правах, добровольно остались жить в указанном поселении и объединились в колхоз, или остались вне колхоза, то их следует отнести к категории колхозников...»². Из подобного разъяснения буквально следовало, что утрата прежнего «кулацкого» статуса и переход в разряд «бывших кулаков» даже в условиях занятия в спецартелях обязательной трудовой деятельностью не снимали с большинства спецпереселенцев маркировки «нетрудящихся».

Приведенная здесь в качестве примера реальная дискриминация, которой подвергались спецпереселенцы, свидетельствует

2. Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-1027. Оп. 10. Д. 206. Л. 117.

о том, что «правовые нормы» гасились невозможностью их осуществления. Поэтому правомерно поставить вопрос о фактически действовавшем в условиях спецпоселения не каком-либо «правовом положении», а о режимном статусе, определявшемся совокупностью подзаконных актов, которыми руководствовались структуры, руководившие спецпоселениями. Ситуация усугублялась тем, что даже режимные документы не служили защитой от комендантского произвола на местах.

Не случайно в монографии Н. А. Ивницкого в разделе о «правовом положении» спецпереселенцев в первой же фразе говорится: «Правовое положение раскулаченных регламентировалось различными нормативными документами как органов власти, так и ведомственными инструкциями <...> Раскулаченные, разумеется, не имели ни гражданских прав, ни льгот» (Ивницкий, 2004: 127–128). Хотя сказанное автором относилось к начальному периоду крестьянской высылки, но приведенный им фактический материал свидетельствовал о сложившейся практике на протяжении всех 1930-х годов. Более того, Ивницкий завершил данный раздел констатацией, что «накануне войны все ранее принятые “либеральные” постановления (в данной сфере. — С. К.) не выполнялись» (Ивницкий, 2004: 149).

Следующим рудиментом советской историографии, который формально и фактически преодолевался историками после 1991 года, хотя и с куда меньшими издержками, стал постулат о «трудовом перевоспитании бывших кулаков». Современные исследователи, избежав данной терминологической «ловушки», в целом единодушны в том, что «трудовое перевоспитание» ссыльного крестьянства, как заимствование советской пенитенциарной идеи «перековки» преступников в местах лишения свободы, в данном случае являлось своего рода эвфемизмом, прикрытием процесса выживания крестьян в условиях спецпоселения. Однако в трудах современных историков можно зафиксировать случаи переноса данного явления из сферы труда в сферу идеологии, когда речь идет о «культурно-просветительной», «политико-воспитательной», «пропагандистской» работе, проводившейся в спецпоселках. Тем не менее если говорить о содержании процесса мировоззренческой трансформации в спецпоселенческой среде и не брать во внимание проблематику школьного образования, то «перековка» молодежи и тем более средних и старших возрастных групп ссыльных практически не изучена. Чаще всего изучение подменяется перечислением организационных, институциональных форм деятельности (клубы, красные уголки, курсы ликбеза и т.д.) без оценок качественной, результативной стороны их работы.

Наиболее дискуссионным и не переосмысленным рудиментом является итоговое, оценочное суждение о значении феномена крестьянской ссылки в его экономическом измерении. В советской историографии отмечалось, что прошедшие «трудовое перевоспитание

бывшие кулаки» своей деятельностью способствовали экономическому развитию регионов своего принудительного размещения. Исследователь советской переселенческой политики Н. И. Платунов писал, что «преобразование кулачества в трудящийся класс» предполагало «производительное использование трудовых сил выселенных кулацких семей, промышленно-промысловое и сельскохозяйственное освоение новых территорий» (Платунов, 1976: 216).

В постсоветской историографии проблематика экономического измерения крестьянской ссылки оказалась в своего рода «серой» оценочной зоне. Относительно консенсусным в кругу исследователей стал тезис об «использовании» государством крестьянского трудового потенциала путем его трансформации в универсальную «рабсилу», которая при этом входила, как часть «спецконтингента», в систему принудительного труда. Нетрудно заметить, что историки, заимствуя в своих работах из охранительного дискурса стереотипное словосочетание «использование труда» спецпереселенцев в интересах государства, тем самым невольно продлевают жизнь пропаганде советской модели всеобщего огосударствления труда.

Признавая применение различных форм труда и его стимулирования — от поощрения до принуждения, функцией советского государства, — большинство историков в итоговых оценках тем не менее пишут о «вкладе» спецпереселенцев в освоение северных и восточных регионов страны, о «роли» спецпереселенцев в развитии экономики и культуры регионов расселения, об «активном участии» спецпереселенцев в формировании основных отраслей народного хозяйства и т.д. Несколько отличную, «срединную» позицию занял Земсков. Повторив в Заключении устоявшийся оборот о «значительном вкладе» спецпереселенцев в развитие окраинных регионов, он далее поставил под сомнение экономический эффект от насильственных переселений, которые «являлись делом нерентабельным, затратным» (Земсков, 2003: 282). В приведенных оценках заложено очевидное противоречие: термины «вклад», «роль», «участие» предполагают, прежде всего, добровольность, согласие, активность, мотивацию деятельности и в той или иной мере эффективность труда. Между тем очевидно, что термин «использование» являлся прагматическим прикрытием эксплуатации труда ссыльных крестьян. Труд же, построенный на принуждении, на эксплуатации, на дискриминационных практиках, выступал применительно к самим спецпереселенцам как инструмент адаптации и выживания в условиях несвободы, в лучшем случае давая потенциальную возможность перехода к труду наемному с надеждой на изменение неправового и маргинального социального статуса, существовавшего в спецпоселках. При этом ожидаемое избавление от стигматизации и после перехода на более высокую иерархическую ступень в качестве «постоянного кадра рабочих» сфер промышленности, транспорта и т.д. было не очевидным. Так, «лишенчество» членства в профсоюзах блокировало применение к ним даже тех относи-

тельно небольших льгот, которыми наделялись «правовые» рабочие. О статусной дифференциации крестьян в спецартелях, формально переведенных перед войной на положение колхозов, говорилось выше.

Констатируя наличие в постсоветской отечественной историографии крестьянской ссылки отмеченных выше четырех рудиментарных элементов прежней парадигмы («раскулачивание», «правовое положение», «перевоспитание», «роль в освоении»), рассмотрим позиции современных историков с учетом того, как данные «ловушки» осознаются ими и в какой мере происходит их преодоление.

«Точки роста»

Заметным явлением в «застывшем», по сути, к 2010-м годам концептуальном поле стал цикл статей представителя нового поколения историков А. С. Иванова из Сургута, в которых проступают контуры научного переосмысления проблематики принудительных миграций (Иванов, 2015: 60–67; 2016: 94–99; 2018а: 40–46; 2018б: 45–53; 2019: 203–210). Ядром концептуального рассмотрения данного феномена выступает понятие режимности как качественного, атрибутивного признака системы спецпоселений.

Исследователи и ранее отмечали наличие данной характеристики, используя ее при описании основных сторон функционирования спецпоселений — от нормативных положений, регулировавших жизнедеятельность в них, до практик комендатурной повседневности. Однако Иванов сформировал и эмпирически подтвердил универсальность и системность действия режимных норм и установлений в условиях спецпоселений, равно как и девиаций, отклонений от них. Тем самым его исследовательская парадигма свободна от рассмотренных выше концептуальных рудиментов. В традиционном понимании режимность есть совокупность нормативных требований и установок, обеспечивающих особый порядок деятельности структур, требующих закрытости, секретности, экстерриториальности, контроля над перемещением работников, предусматривая различные ограничения для них. Автор, операционализируя данные функции применительно к эмпирическому материалу, выделяет во взаимосвязи такие аспекты, как режимное пространство, режимная идентичность, режимный/дискриминационный труд, сформированная на этой основе иерархия спецпоселенческого социума, режим социализации спецпоселенческой молодежи и др. Для каждого из свойств режимности он выделяет свои характеристики, которые фиксируются в источниках.

Так, режимное пространство спецпоселений представлено такими признаками, как: ограничение перемещения для «режимных» людей; противоречие нормативных актов друг другу; закрепление экстерриториальности; характеристики обладали динамикой во вре-

мени. Иванов отметил важное противоречие данного аспекта режимности: с одной стороны, установка на «перековку» допускала возможность для спецпереселенцев определенной территориальной мобильности, но с другой стороны, режимность ограничивала возможность их проживания в райцентрах и городах, консервируя у спецпереселенцев традиционное сельское сознание и поведение. Установленная экстерриториальность спецпоселений и «изоляция» не снимала, а порождала при формировании режимно-производственных комплексов в местах принудительного размещения различные практики связей и взаимодействий с местным населением, коренными этносами и т.д.

Автору принадлежит классификация свойств границ режимности: 1) расплывчатость и волатильность, когда границы зависели от конкретных задач, решавшихся режимно-производственными коллективами; 2) пульсирующий характер режимности (степень влияния режимных барьеров на повседневность в спецпоселениях различалась в процессе взаимодействия режимной вертикали и спецпоселенческой горизонтали); 3) текучесть границ режимности как следствие «бездомности», которая не только превращала спецпереселенцев в мобильную рабочую силу, но и позволяла режимному пространству возникать в неожиданных местах или нарушать его, несмотря на нормативные запреты (в частности, наличие спецпоселенок-домработниц у комендантов). Ивановым предложена также новая трактовка понятия «режимной идентичности», формирование которой он связывает с базовой категорией «режимности», выделяя в ней следующие черты: коллективная идентичность («неправовая»); имплицитность (стремление к скрытности); принудительность (навязывание режимности); травматичность (чувство своей социально-правовой неполноценности); многоуровневость (при общности режимного статуса сохранение своей принадлежности к той или иной социальной, поселенческой, этнической, профессиональной общности).

А. С. Иванов предпринимает и попытку (хотя и в осторожной форме) переосмысления стереотипных оценок «вклада» и «роли» принудительных миграций в развитии регионов размещения спецпереселенцев, используя такой термин, как «влияние» данного фактора на экономическую, демографическую и социокультурную ситуацию в указанных территориях, и предлагая учитывать процессы в их векторной разнонаправленности. Анализируя ситуацию военного и послевоенного периодов на Северо-Западе Сибири в формате изменений в территориальном размещении и балансе рабочей силы в связи с появлением здесь спецпереселенцев и формированием режимно-производственных комплексов, автор фиксирует не только запланированные, но и непредвиденные последствия произошедших сдвигов в различных областях (хронический дефицит в сфере жизнеобеспечения населения, противоречия функций режимности и производственной деятельности и т.д.). Мобилиза-

ционно-охранительные методы «оседания спецпереселенцев» в местах их режимного расселения приносили лишь среднесрочные результаты: после отмены режимности происходил массовый отток депортантов.

Каков творческий потенциал концепта режимности спецпоселений? В рамках устоявшегося подхода, базировавшегося на корпусе делопроизводственной документации Центра, где аккумулировалась информация, циркулировавшая в обоих направлениях (сверху вниз и снизу вверх), историки в той или иной степени оказываются ее заложниками, выстраивая свою аналитику исходя из минимальной критики источников (а то и вовсе без нее), перепроверить данные которых историкам чаще всего не представлялось возможным. Ядро информации в них представлено, прежде всего, количественными характеристиками («кубо-километрами») в ущерб качественным, которые гораздо сложнее выявить и измерить. Подходы, разрабатываемые Ивановым, предлагают считывание информации из источников о различных сторонах режима спецпоселений, основанное на выявлении качественных сдвигов в них (уровни идентичности, иерархии статусов, степени маргинализации, адаптированности, социализации различных групп спецпереселенцев и т.д.), которые напрямую не зафиксированы в официальном делопроизводстве охранительных органов.

Чем важен подход режимности для установления черт и механизмов репрессивного раскрестьянивания? Вчерашний крестьянин, встроенный в пространство спецпоселений, становится «режимным человеком», приписанным/прикрепленным к определенной сфере занятости и трудовой общности, теряет свои прежние базовые характеристики. В некотором смысле возникает статусное созвучие с существовавшими до отмены крепостного права категориями государственных и кабинетских крестьян, приписанных к заводам и мануфактурам (приписные крестьяне). Члены сельскохозяйственных и промысловых спецартелей в сталинскую эпоху оказывались на положении новых «приписных крестьян». Отметим, что исследователь Н. М. Игнатова применяет данную характеристику для тех спецпереселенцев, чей труд эксплуатировался в промышленности: «Спецпереселенцы стали в своем роде “заложниками” экономических потребностей государства, *приписными рабочими* (выделено нами. — С. К.) на лесоразработках, шахтах, рудниках и фабриках» (Игнатова, 2009: 41). Принцип прикрепленности ссыльного к конкретному спецпоселку и определенному производству (артель, леспромхоз и т.д.) Иванов трактует следующим образом: спецпереселенец, утратив в ходе репрессии гражданскую правосубъектность, осознает навязанный ему принудительный статус, выступая просителем в отношениях с комендантами, управленцами на производстве (Иванов, 2018а: 42). Добавим также, что здесь речь идет об утрате ссыльным крестьянством не только прежней хозяйственно-эко-

номической субъектности, но и возникновении, вследствие действия данных факторов, того состояния, которое исследователь определяет как феномен «бездомности» спецпереселенцев в широком значении данного понятия, превращения их в мобильную, территориально перемещаемую текучую рабочую силу (Иванов, 2019: 208).

В качестве некоторого итога проведенного обзора обратимся к возможности использования историками применительно к процессу репрессивного раскрестьянивания категории «цена», которая обычно рефлексирована в терминах «издержки», «потери» и т.д. Нами под «ценой» понимаются безвозвратные утраты политико-экономического, социально-демографического, культурного и человеческого потенциала, ставшие следствием, результатом носивших экстремальный характер больших социальных действий и преобразований (войны, революции, реформы и т.д.). Укажем ниже ряд ее измерений.

В *социоструктурной динамике* в течение краткого по историческим меркам периода (1930–1935 годы) произошла громадная, фактически катастрофическая ломка социальной структуры страны, главной тенденцией которой выступало раскрестьянивание в различных формах («плановое»/оргнабор, стихийное, репрессивное). В *социально-профессиональном измерении* репрессивное раскрестьянивание проявилось в реализации государственной политики формирования из ссыльного крестьянства универсального эксплуатируемого трудового ресурса для базовых секторов экономики. По данным на конец 1940-х годов, менее четверти взрослых спецпереселенцев было занято в традиционной сельскохозяйственной сфере, тогда как 40% относились уже к группе рабочих, а 4% — к служащим (Земсков, 2003: 174). В *области мотивации труда* его стимулы оказывались деформированы принципом принудительности, служба базовым основанием для выживания в условиях спецпоселения. В *социально-стратификационном измерении* ссыльное крестьянство находилось в маргинальном положении, выход из которого регулировался режимными механизмами, преимущественно для молодежи. В *семейно-демографическом измерении* действовали разнонаправленные тенденции (сохранение и распад), которые проявляли себя в разной степени на разных стадиях спецпоселения. В целом результирующей следует считать деградацию трудового потенциала семьи (изменение половозрастной структуры и сокращение доли трудоспособных членов): треть живших в спецпоселках взрослых ссыльных крестьян в конце 1940-х годов относились к группам не работавших (домохозяйки, престарелые, иждивенцы, инвалиды) (Земсков, 2003: 175). Принципиальным вопросом для дальнейшего исследования проблемы выступает установление синхронизации или несовпадения динамик «общего» и репрессивного раскрестьянивания в сталинскую эпоху.

Библиография

- Виола Л. (2010). Крестьянский ГУЛАГ: мир сталинских спецпоселений. М.: РОССПЭН.
- Гущин Н. Я. (1996). «Раскулачивание» в Сибири: методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск: Наука.
- Иванов А. С. (2015). Влияние принудительных миграций на развитие Северо-Западной Сибири (1941–1945 гг.) // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв. Екатеринбург. С. 60–67.
- Иванов А. С. (2016). Колониальный дискурс в историографии истории спецпоселений // Magna Adurgit: Historia Studiorum. № 1. С. 94–99.
- Иванов А. С. (2018а). Режимная идентичность спецпереселенцев (1930–1950-е гг.): базовые характеристики // Северный регион: наука, образование, культура. № 4 (40). С. 40–46.
- Иванов А. С. (2018б). Иерархия спецпоселения // Вестник Томского государственного университета. История. № 51. С. 45–53.
- Иванов А. С. (2019). Границы режимного пространства спецпоселений сталинской эпохи (на материалах Западной Сибири // Тюменская область: историческая ретроспектива, реалии настоящего, контуры будущего. Тюмень. С. 203–210.
- Ивницкий Н. А. (1994). Коллективизация и раскулачивание (начало 1930-х годов). М.: Интерпракс.
- Ивницкий Н. А. (2004). Судьба раскулаченных в СССР. М.: Собрание.
- Игнатова Н. М. (2009). Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930–1950-е гг. Сыктывкар: Инф.-изд. отдел Коми научного центра Уро РАН.
- Ильиных В. А. (2012). Раскрестьянивание сибирской деревни в советский период: основные тенденции и этапы // Российская история. № 1. С. 130–141.
- Земсков В. Н. (2003). Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. М.: Наука.
- Красильников С. А. (2003). Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: РОССПЭН.
- Платунов Н. И. (1976). Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 — июнь 1941 гг.). Томск: Изд-во Томского университета.
- Раскулаченные спецпереселенцы на Урале (1930–1936 гг.) (1993). Сб. док-тов. Екатеринбург: Наука.
- Чернолуцкая Е. Н. (2011). Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток: Дальнаука.
- Шашков В. Я. (1996). Раскулачивание в СССР и судьбы спецпереселенцев. 1930–1954. Мурманск. Изд-во Мурманского государственного пед. ин-та.

Repressive de-peasantization in the USSR as a research question: Approaches and search for new solutions

Sergey A. Krasilnikov, DSc (History), Chief Researcher, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Nikolaeva St., 8, Novosibirsk, 630090. E-mail: krass49@gmail.com

Abstract. When considering the peasant component of special settlements in Stalin's epoch, the author proposes to combine the repressive paradigm with the socially transformative one, which leads to the idea of repressive de-peasantization. This term focuses on the peasantry and peasant families deportation to special settlements as a state policy based on coercion, violence and discipline through punishment, which resulted in the loss of the most basic values (including religious ones) by the peasantry, the deformation of labor incentives and ethos, the transformation of family mod-

els and intergenerational ties. These issues are considered in the article through their study since the late 1980s (historiographical approach). Thus, the conceptual “break-through” (N. A. Ivnitsky, V. Ya. Shashkov, V. N. Zemskov) limited this analysis to the records of the central authorities, and the dictate of such sources affected the historical discourse, determining the dominance of quantitative characteristics (numbers, dislocations, spheres of labor application, living conditions, etc.) and the ignorance of the implicit qualitative aspects of the exiles’ life (marginality, adaptability, excessiveness, everyday activities). Having noted the presence of terminological ‘relics’ in contemporary historical works (“*raskulachivanie*”, or de-kulakization, “legal status”, etc.), the author emphasizes the need to consider such qualitative concepts as “regulation of special settlements”, “hierarchy of exiles”, “intergenerational ties and conflicts”, and “the price of repression”. As the basis of de-peasantization, the social-professional mobility of the exiled peasantry, including to other strata (workers, employees), was generally leveled by its regime status.

Key words: forced de-peasantization, dynamics of research, peasant family, exile, special settlement regime, mobility, marginalization

References

- Chernolutskaia E. N. (2011) *Prinuditelnye migratsii na sovetskom Dalnem Vostoke v 1920–1950-e gg.* [Forced Migrations in the Soviet Far East in the 1920s and 1950s.], Vladivostok: Dalnauka.
- Gushchin N. Ya. (1996) *Raskulachivanie v Sibiri: metody, etapy, sotsialno-ekonomicheskie i demograficheskie posledstviya* [“De-kulakization” in Siberia: Methods, Stages, Social-Economic and Demographic Consequences], Novosibirsk: Nauka.
- Ignatova N. M. (2009) *Spetspereselentsy v respublike Komi v 1930–1950-e gg.* [Special Settlers in the Komi Republic in the 1930s — 1950s], Syktyvkar: Inf.-izd. otdel Komi nauchnogo tsentra Uro RAN.
- Il`inyh V. A. (2012) Raskrestianivanie sibirskoj derevni v sovetsky period: osnovnye tendentsii i etapy [De-peasantization of the Siberian village in the Soviet period: Main trends and stages]. *Rossijskaya Istorija*, no 1, pp. 130–141.
- Ivanov A. S. (2015) Vliyanie prinuditelnyh migratsij na razvitie Severo-Zapadnoj Sibiri (1941–1945 gg.) [The impact of forced migrations on the development of Northwest Siberia (1941–1945)]. *Chelovek v usloviyah modernizatsii XVIII–XX vv.*, Ekaterinburg, pp. 60–67.
- Ivanov A. S. (2016) Kolonialny diskurs v istoriografii istorii spetsposelenij [Colonial discourse in the historiography of special settlements]. *Magna Adsurgit: Historia Studiorum*, no 1, pp. 94–99.
- Ivanov A. S. (2018a) Rezhimnaya identichnost spetspereselentsev (1930–1950-e gg.): bazovye kharakteristiki [Regime identity of special settlers (1930s — 1950s): Basic characteristics]. *Severny Region: Nauka, Obrazovanie, Kultura*, no 4, pp. 40–46.
- Ivanov A. S. (2018b) Ierarkhiya spetsposeleniya [Hierarchy of special settlements]. *Vestnik TGU. Istorija*, no 51, pp. 45–53.
- Ivanov A. S. (2019) Granitsy rezhimnogo prostranstva spetsposelenij stalinskoj epokhi (na materialah Zapadnoj Sibiri) [Borders of the regime space of special settlements in Stalin’s era (based on the materials about Western Siberia)]. *Tjumenskaya oblast: istoricheskaya retrospektiva, realii nastoyashchego, kontury budushchego*, Tyumen, pp. 203–210.
- Ivnitsky N. A. (1994) *Kollektivizatsiya i raskulachivanie (nachalo 1930-h godov)* [Collectivization and De-kulakization (Early 1930s)], Moscow: Interpraks.

- Ivnitsky N. A. (2004) *Sudba raskulachennyh v SSSR*. [The Fate of the Dispossessed in the USSR], Moscow: Sobranie.
- Krasilnikov S. A. (2003) *Serp i Moloh. Krestiyanskaya ssylka v Zapadnoj Sibiri v 1930-e gody* [Sickle and Moloch. Peasant Exile in Western Siberia in the 1930s], Moscow: ROSSPEN.
- Platunov N. I. (1976) *Pereselencheskaya politika sovetskogo gosudarstva i ee osushchestvlenie v SSSR (1917 — iyun 1941 gg.)* [Resettlement Policy of the Soviet State and Its Implementation in the USSR (1917 — June 1941)], Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta.
- Raskulachennye spetspereselentsy na Urale (1930-1936 gg.)* [Dispossessed Special Settlers in the Urals (1930–1936)] (1993). Ed. by T. I. Slavko, Ekaterinburg: Nauka.
- Shashkov V. Ya. (1996) *Raskulachivanie v SSSR i sudby spetspereselentsev. 1930–1954* [Dispossession in the USSR and the Fate of Special Settlers. 1930–1954], Murmansk: Izd-vo MGPI.
- Viola L. (2010) *Krestiyansky GULAG: mir stalinskih spetsposelenij* [The Unknown Gulag: The Lost World of Stalin's Special Settlements], Moscow: ROSSPEN.
- Zemskov V. N. (2003) *Spetsposelentsy v SSSR. 1930–1960* [Special Settlers in the USSR. 1930–1960], Moscow: Nauka.

От «Севера России» к «Русскому Северу»: интеллектуальное присвоение северных территорий Европейской части России в середине XVIII — первой половине XIX века

М. Г. Агапов

Михаил Геннадьевич Агапов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Центр урбанистики Тюменского государственного университета. 625003, Тюмень, ул. Володарского, 6. E-mail: magapov74@gmail.com

Аннотация. Нормативность понятия «Русский Север» представляется на первый взгляд самоочевидной, однако понятие возникло лишь в середине XIX века, а закрепилось в политическом и повседневном языке только на рубеже XIX–XX веков. Понятие «Русский Север» зародилось в трудах отечественных ученых, общественных деятелей и чиновников середины XVIII — первой половины XIX века. Культурное конструирование территории состояло в установлении связей, основанных и на фактах, и на вымысле, благодаря чему и возникали «Сибирь», «Кавказ», «Русский Север» и другие «миры» как аналитические категории. Они рождались из разнообразного набора интеллектуальных операций, таких как наблюдение, описание, сравнение, систематизация, дифференциация и т.д., осуществлявшихся государственными чиновниками, учеными и путешественниками, поэтами и философами. Культурное конструирование северной имперской периферии было неотделимо от культурного конструирования центра, поскольку наблюдатели из центра едва ли могли описать главные отличия периферии, не формулируя одновременно по умолчанию и собственную исходную позицию. Во второй половине XVIII века дискурс о Северном крае формировался в рамках имперского камерализма, с характерным для него распределением территорий и населяющих их народов по «шкале сравнительной цивилизованности» (термин Л. Вульфа). Во второй половине XIX века доминирующим стал русификаторский дискурс, нацеленный на радикальную пересборку имперского общества как единого национально-государственного тела. Именно в этом контексте «Север России» был переосмыслен как «Русский Север», что дало новые основания для символического присвоения территорий северных народов.

Ключевые слова: Северный край, Русский Север, камерализм, имперское разнообразие, хлебопашество, старообрядчество, география власти, русификация

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-1-23-38

Нормативность понятия «Русский Север» представляется на первый взгляд самоочевидной. Понятие прочно закреплено в историографии, посвященной различным аспектам прошлого северных территорий Европейской части России (Кизеветтер, 1919; Ополонников, 1977; Макаров, 1993; Теребихин, 2004; Власова, 2015 и др.). В качестве топонима оно используется в различных проектах территориального брендинга областей и населенных пунктов Се-

веро-Западного федерального округа РФ (Суворова, 2013; Бодрова, 2018; Тимошенко, 2021). Наконец, «идея северности России» является одним из направлений конструирования современной версии российской «самобытности» (Головнёв, 2022). «Русский Север» все чаще предстает некоей мифопоэтической вневременной сущностью, укорененной в национальной истории как ее своеобразный стержень (Шнирельман, 2015; Матвейчев, Беляков, 2019). Вместе с тем понятие «Русский Север» появилось сравнительно недавно, оно вошло в употребление лишь в 80–90-е годы XIX века как специфический инструмент государственной риторики (Калуцков, 2008; Шабаяев, Жеребцов, Журавлев, 2012; Мельникова, 2019).

Целью данной статьи является реконструкция зарождения понятия «Русский Север» в трудах отечественных ученых, общественных деятелей и чиновников середины XVIII — первой половины XIX века. В рассматриваемый период для наименования северных пределов Российской империи использовались такие речевые конструкции, как «северная сторона», «северные наши страны», «полуночные страны», «приполярная Украина», «Северный край», «Российский Север», «Север России». Они обозначали огромные территории, простирающиеся к северу от «коренной России», скорее как сферу ее влияния, нежели как ее органическую часть. Их принадлежность империи еще следовало обосновать, что и было сделано учеными, обеспечившими, выражаясь словами Л. Вульфа, «интеллектуальное покорение этого края посредством науки» (Вульф, 2003: 229). При этом культурное конструирование периферии было неотделимо от культурного конструирования центра: они притягивали внимание современников как взаимно дополняющие части одного целого и на карте, и в сознании, поскольку наблюдатели из центра едва ли могли описать главные отличия периферии, не формулируя одновременно по умолчанию и собственную исходную позицию (Вульф, 2003: 521). Культурное конструирование или изобретение территории состояло в установлении связей, основанных и на фактах, и на вымысле, благодаря чему и возникали «Сибирь», «Кавказ», «Русский Север» и другие «миры» как аналитические категории (Вульф, 2003: 516). Они рождались из разнообразного набора интеллектуальных операций, таких как наблюдение, описание, сравнение, систематизация, дифференциация и т.д., осуществлявшихся государственными чиновниками, учеными и путешественниками, поэтами и философами — личностями, нередко совмещавшими в себе сразу несколько из перечисленных аспектов.

«Как великая и славная, но древним совсем неизвестная часть света, в Российской империи известна учинилась»

В основе петровской модернизации России лежали принципы «имперского камерализма», согласно которым «добрый порядок» до-

стигался посредством рациональной организации государственных учреждений и эффективного использования всех естественных ресурсов страны (Campanola, 2010: 147). Изыскание и опись последних должны были осуществить академические экспедиции. В частности, в 1772–1775 годах Север Европейской части России обследовала экспедиция Ивана Лепехина — Николая Озерецковского (Лукина, 1961: 339). В своих отчетах они часто упоминали «тяжелую зимнюю стужу» и «угрюмый вид окрестностей», но при этом неизменно подчеркивали, что северные земли лишь на первый взгляд «полны унынием». Чрезвычайно перспективными, «чаемыми прибытками как для казны, так и для народа», Лепехин и Озерецковский считали морские — звериные, рыбные и сальные — промыслы «поморян» Архангелогородской губернии (Лепехин, 1805: 8–14, 192). Но почему в то время, когда голландские промысловики сколачивали себе на добыче морского зверя в «Северном океане» (Баренцевом море) целые состояния, «поморяне» в массе своей бедствовали, едва сводя концы с концами? Причину столь странно-го положения дел ученые объясняли технологической отсталостью «поморян», их приверженностью традиционным, нередко основанным на суевериях, методам судостроительства, мореходства и охоты (Лепехин, 1805: 361–363).

Во многом благодаря Лепехину и Озерецковскому Север Европейской асти России был нанесен на политическую карту страны, взвешен на весах экономики и включен в различные камеральные реестры. Помимо прочего, таким образом окраины империи превращались в границы (Кивельсон, 2012: 249). Однако отдаленность «приполярной Украины» от стратегически важных для С.-Петербурга торговых путей, малонаселенность и труднодоступность значительно снижали ее ценность в глазах российской монархии. Тем не менее северные территории заняли свое место в имперском ментальном пространстве и как таковые — в процессе интеллектуальной сборки «имперского общества» как принципиально гетерогенного, полиэтнического и мультикультурного поля социального, дискурсивного и политического взаимодействия (Что такое «новая имперская история», 2007: 225).

При описании российских «последних земли пределов, простирающихся к северу» петербургские ученые опирались на общие для европейской науки античные тексты, черпая из них необходимую терминологию («уповательно для избежания какого-либо варварского слова, о котором римские авторы ничего не знали» (Лепехин, 1805: 377)) и вписывая таким образом свои труды в глобальный академический контекст. Вслед за Михаилом Антонием Баудрандом, автором составленной на основе античных текстов «Geographie ordine litterarum disposite» (1682 год), Озерецковский отождествлял «Русский Север» с северной частью «Азиатской Сарматии». Весьма произвольно цитируя труд Баудранда, он сообщал, что в XVII веке это была «северная часть государства Московско-

го, или Белая Россия», в состав которой входили «провинция Двинская, Кондора, Печора, Пермия, Самоедия, Сибирь, Вятка, Лапландия, Лукомория» (Лепехин, 1805: 374)¹. Омывавшие северные земли России воды Мирового океана Баудранд именовал «Сарматским морем». Примечательно, что у Овидия так назывался Понт Эвксинский (Черное море). В этой связи Озерецковский замечал, что у первых греков север был во Фракии, но по мере расширения цивилизации и открытия новых земель он переносился все дальше, пока не достиг предположенной области. Соответственно, и название «Сарматское море» постепенно сместилось с Черного моря на Белое море. «Сарматское море, — пояснял Озерецковский, — есть часть океана Северного к Белому морю и к Северной части Московского государства, прилежащая между устьями рек Оби и Двины» (Лепехин, 1805: 375). Озерецковский также утверждал, ссылаясь на «Краткий российский летописец» М. В. Ломоносова, что «распространение славян северных до рек Выми и Печоры и даже до Оби» произошло задолго до того, как «Ермак открыл вход в Сибирь военной рукою» (Лепехин, 1805: 383, 397). Так к Московскому государству были «приобщены... народы сей части: емь, лопь, двинян, югров или югдоров, зырян и пермов», у которых, подчеркивал Озерецковский, за исключением «югров и пермов», не было собственных князей. Иначе говоря, русские, по Озерецковскому, еще в стародавние времена привнесли в «северные страны» государственность и «подали первый повод, что сия великая и славная, но древним совсем незнаемая часть света, в Российской империи известна учинилась» (Лепехин, 1805: 396).

Народы Севера Европейской части России на «цивилизационной шкале» науки XVIII века

Население Севера Европейской части России составляли, согласно Озерецковскому, прежде всего два народа — россияне и самоеды — отличающиеся друг от друга «языком, верою и образом жизни» (Лепехин, 1805: 206). Если происхождение первых выводилось от «славян северных», то происхождение вторых оставалось загадкой. В. Н. Татищев называл самоедов потомками сарматов (Татищев, 1950: 131). Озерецковский считал их «азиатским народом», начало и происхождение которого «относить надлежит ко внутренним местам Сибири» (Лепехин, 1805: 202). Положение обитателей Севера Европейской части России на «шкале сравнительной цивилизованности» (термин Л. Вульфа (Вульф, 2003: 77)) определялось следующими критериями: 1) культурная близость «славенороссийскому народу»; 2) восприимчивость к проповеди христианской ре-

1. В соответствующем фрагменте сочинения Михаила Антония Баудранда «Белая Россия» не упоминается (Baudrand, 1682: 680).

лигии и 3) лояльность российским властям. Ни одному из этих признаков самоеды не соответствовали. Они проживали «на берегах азиатских Ледовитого моря» от Мезени до Оби и от Оби до Лены (Лепехин, 1805: 197, 205), на землях, с точки зрения «коренных россиян», совершенно непригодных для проживания, и вели кочевой, то есть дикий в классификационной системе науки того времени образ жизни (Вульпиус, 2023: 281–286). Просвещенному цивилизатору самоеды представлялись «крайне нечистоплотными», «всеядными», «грубыми и безграмотными», «тупоумными». В глазах Озерецковского они были *enfants terribles* Севера, к тому же воинственными, склонными к «набегам и покушениям» на отдаленные русские остроги (Лепехин, 1805: 279).

На более высокой ступени развития, по мнению Озерецковского, стояли зыряне. Считавшиеся потомками легендарной чуди (Ломоносов, 1760: 5), они обитали при реках Ижме, Вычегде и Выми, вели оседлый образ жизни, занимались хлебопашеством, были «опрятнее прочих деревенских жителей». В XIV веке зыряне были «просвещены святым крещением» и, сохранив свой собственный язык, освоили русский. Зыряне представляли собой наглядный пример того, как «дикие» северные племена могут быть «через долгое время и принятием христианской веры присовокуплены к российскому народу» (Лепехин, 1805: 282, 397).

Высшую ступень в составленной Озерецковским иерархии групп населения «Северного края» занимали «приморские россияне», называемые также «беломорцами» или «поморскими поселянами». Однако здесь было важное исключение: «поморских поселян» — ревностных старообрядцев Озерецковский относил к самому низкому уровню иерархии, ставя их в один ряд с самоедами: и тех, и других он находил глубоко суеверными, нечистоплотными и «вонючими» (Лепехин, 1805: 118–119). Более умеренных в приверженности к «старой вере» «поморских поселян» Озерецковский описывал заметно доброжелательнее. Тем не менее в XVIII веке «поморские поселяне» еще не считались частью «славенороссийского народа» (Лескинен, 2010: 4–5). Признать в них «своих» представителям «коренной России» мешали, во-первых, разительно отличающийся от привычного им уклада «поморский» образ жизни; во-вторых, широко распространенное среди «поморских поселян» раскольничество и, в-третьих, подозрение «поморских поселян» — как это часто бывало в отношении жителей имперских окраин — в сепаратистских настроях.

«Приполярная Украина»: бесхлебный и раскольнический край

Всем россиянам, бывавшим в «Северном крае», бросалось в глаза отсутствие здесь характерных для «коренной России» форм сельского хозяйства. Бедность «приморских россиян», вызывавшая озабочен-

ность властей, считалась прямым следствием отсутствия на севере развитого земледелия. В 1785 году назначенный правителем Олонекского наместничества Г. Р. Державин выделил в своем отчете три причины «весьма недостаточного» хлебопашества в крае. Во-первых, «ежегодное почти от дому отлучение [местных сельских жителей] в другие города [на заработки]», то есть отходничество, главным образом в С.-Петербург и Петрозаводск, реже — в Новгород (Поденная записка, 1958: 162, 166, 185). Во-вторых, местные жители явно предпочитали полевым работам рыболовство и добычу морского зверя. «Большая же часть поселян ездят на рыбные промыслы в Мурманске... ловят треску, пикшей и палтасину и продают в Архангельске». Расхожее среди «беломорцев» выражение «Море — наше поле; даст Бог рыбу, даст и хлеб» не только отражало экономическую основу их жизненного уклада, но и подчеркивало их отличие от обитателей хлебопашной «коренной России» (Поденная записка, 1958: 166, 174, 188). Наконец, в-третьих, развитие земледелия в «Северном крае» было объективно ограничено «по холодности климата». В тех случаях, когда местные жители все же брались за полевые работы, они предпочитали выращивать «только рожь, ячмень, овес, пшеницу, коноплю, лен и горох» (Поденная записка, 1958: 188–189). Но и эти злаковые культуры далеко не всегда оправдывали трудозатраты по уходу за ними. Выгоду приносило выращивание льна (Поденная записка, 1958: 165). Казалось бы, отчет Державина ясно указывал на наиболее перспективные направления (судоходство, рыболовство, льноводство) развития северного хозяйства. Однако вся эта деятельность воспринималась им и другими имперскими чиновниками исключительно как способ уклонения «приморских россиян» от хлебопашества, которое, помимо прочего, воспринималось и как важная дисциплинирующая практика. В отдалении от правительства, без контроля со стороны помещиков «приморские россияне», по наблюдениям Державина, становились «своевольны и несколько грубы к ближним начальникам» (Поденная записка, 1958: 177).

Посетивший в 1791 году «северорусские губернии» (Олонекскую, Архангельскую и Вологодскую) частный путешественник отставной секунд-майор П. И. Челищев также высказал озабоченность слабыми началами гражданственности («единоземцев своих Россиян») (Челищев, 1886: 87). Он сообщал в Академию наук, что русское население «приполярной украины» еще недостаточно глубоко восприняло идею государственной пользы, вследствие чего и стояло несколько особняком от «россиян». В частности, Челищев укорял северных жителей в хищническом истреблении лесов (переводе ценных для кораблестроения пород деревьев на смолокурение), в работе на иностранных лесопромышленников («сребролюбивых иноземцев», «разорителей края») и в упорной приверженности раскольническим толкам, покрывающим «обширный сей край... густым туманом лжеверия и буйства», от которого происходит «вредная государственным интересам народная гибель» (Челищев, 1886: 23, 86, 139–140, 273).

Присоединение России к континентальной блокаде после заключения Тильзитского мира и последовавшая затем Англо-русская война изменили геополитическое значение Севера Европейской части России. В 1807–1812 годах, пока Балтийское море было прочно заперто британским флотом, Архангельск пережил свой второй расцвет, вернув себе потерянный после основания С.-Петербурга статус главных морских ворот Российской империи. После того как британский флот разорил Колу и весь Мурманский берег (Рейнеке, 1880: 18–19), всем их жителям именованным указом Александра I от 6 мая 1810 года было разрешено производить в Норвегии мену трески и палтусины на ржаную муку без взимания за привоз рыбы установленной пошлины². 12 сентября 1811 года действие указа было распространено на Кемский уезд и Сумский посад³. Рассматриваемая первоначально как временная мера, льготная меновая хлебная торговля неоднократно расширялась на новые территории и продлялась, пока, наконец, в 1838 году не была установлена бессрочно. К этому моменту льготный район включал полностью Кольский, Кемский и частично Архангельский и Онежский уезды Архангельской губернии. В официальных документах он стал именоваться «Поморским краем», а его жители — «поморами». Как точно заметил Д. Л. Семушин, «поморская торговля создала поморов» (Семушин, 2014: 136). Таким образом, в первой четверти XIX века «приполярная Украина» была заново включена в российскую мозаику имперских окраинных систем особых статусов, льгот и привилегий (Урушадзе, 2019).

Лично познакомившись летом 1819 года с «Северным краем», Александр I решил включить Архангельскую, Вологодскую и Олонецкую губернии в один из пяти проектируемых округов (генерал-губернаторств) великорусских губерний (Болтунова, 2022: 43). Однако уже в самом начале царствования Николая I этот проект был отвергнут и вопрос об отношении «Северного края» к «коренной России» остался открытым. Зарождающаяся местная интеллигенция сделала своей трибуной «Архангельские губернские ведомости». Архангельские краеведы, литераторы и поэты — И. Варовчиков, И. Муромцев, П. Кузьмищев, М. Истомин, М. Заринский, О. А. Богуслав и др. — представляли свой край и его население как органическую часть России. Столичные интеллектуалы в целом поддерживали такой взгляд на Европейский Север страны. Н. И. Надеждин относил к «Великой России» «все губернии нынешней Российской империи, расположенные по водам Северной Двины, Волги и Дона, включительно с бассейнами Ильменя, Ладоги и Онеги». Основанием для такой категоризации служила не столько общность историче-

2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1 (далее — ПСЗ-1). Т. 31. № 24221. С. 175–176.

3. ПСЗ-1. Т. 31. № 24767. С. 837–838.

ских судеб названных земель (этот вопрос активно дискутировался), сколько их сходство «в гражданском отношении... по так называемому “Учреждению о Губерниях”» (Надеждин, 1837).

Размышления об исторических судьбах «наших северных стран» занимали центральное место на страницах выходившего в С.-Петербурге в 1845–1847 годах учено-литературного журнала «Финский вестник». Его издатель и редактор Ф. К. Дершау ставил своей целью познакомить читателей с историей, литературой и современной жизнью северных стран. Интеллигенция северорусских губерний с большим интересом восприняла выход «Финского вестника». Материалы столичного журнала неоднократно перепечатывались в «Архангельских губернских ведомостях». В 1845 году Ф. К. Дершау опубликовал программную статью «Север Европейской России». В ней, насколько нам известно, впервые было использовано понятие «русский север», к которому автор отнес «во-первых, Финляндию, потом губернии: Архангельскую, Олонецкую, Вологодскую, северную часть Пермской губернии, Вятской, Костромской, Ярославской и Новгородской, Петербургскую, Эстляндскую, Лифляндскую и Курляндскую» (Дершау, 1845: 33). Следует заметить, что Дершау занимался конструированием «русского севера» в то самое время, когда с подачи министра просвещения и президента Академии наук графа С. С. Уварова российская научная и общественно-политическая мысль была занята разработкой теории имперского национализма. Центральным положением последней был тезис о «самобытности» России, который требовал надежного историко-культурного обоснования (Велижев, 2022). Откуда российская «самобытность» брала свое начало? Официальная доктрина указывала на Московское царство. Н. И. Надеждин считал, что «начала нашей исторической жизни связаны с Карпатами и Дунаем» (Надеждин, 1842). Дершау был убежден в северном происхождении и северных перспективах российской государственности. Противопоставляя русский север скандинавскому, он утверждал, что последний уже выполнил свою историческую миссию — она заключалась в том, чтобы «положить основания нескольким государствам» (Дершау, 1845: 27) — тогда как первому еще только предстоит исполнить свое всемирно-историческое предназначение (Дершау, 1845: 88). Североцентристский взгляд Дершау на российскую историю не встретил сочувствия у разработчиков «национального» исторического нарратива. «Северный край» представлялся им слишком отдаленным и дремучим для того, чтобы воспринимать его всерьез.

Сетования по поводу пренебрежения со стороны правительства нуждами северных губерний не сходили в это время со страниц «Архангельских губернских ведомостей». Стараясь привлечь внимание имперского центра к «Северному краю», местные интеллектуалы и общественные деятели с неизменным постоянством продвигали в губернской и по возможности в столичной печати три взаимосвязанных тезиса: во-первых, о ресурсном богатстве Севера России; во-вторых, о нависшей над ним угрозе иностранной экс-

пансии; и, в-третьих (но не по важности), о его исконно русском характере. Инкорпорация в национальное тело представлялась общественным деятелям «Северного края» первейшим и надежнейшим способом его экономического и социального «оживления». Голосом «Севера России» в 40–50-е годы XIX века был архангельский предприниматель, краевед и публицист Осип (Иосиф) Августович Богуслав. Позиционируя беломорцев «истинно русскими», «верными сынами Отечества», крепко привязанными к своему далекому краю, Богуслав буквально требовал от правительства, чтобы и оно, в свою очередь, было радетьельным отцом своим детям, то есть покровителем, защитником их деловых интересов. В той ситуации, когда краеугольным камнем официальной идеологии стала «национальная религия», общественность считавшегося раскольническим края приложила немало усилий для того, чтобы доказать свою лояльность государственной церкви. В 1847 году местный поэт М. Истомин воспел «Северный край» как «Святой Руси оплот полночный» (Истомин, 1847). Переосмыслению Севера России как одного из общенациональных центров Русского православия способствовал пришедшийся на 1840–1850-е годы заметный рост потока паломников в Соловецкий монастырь (Алексеева, 2016). Его героическая оборона во время Крымской войны (1853–1856) и визит в 1858 году на Соловки императора Александра II содействовали повышению статуса Севера России в иерархии имперских территорий.

Переписание Севера России в посткрымский период: дискурс русификации как модернизации и физической ассимиляции

С началом либерализации российской внутривосточной жизни память о новгородском прошлом «Северного края», которая всегда присутствовала на региональном уровне, стала важной частью либерального историко-философского нарратива (Lübke, 1984). В эпоху Великих реформ сокращение культурной дистанции между имперским центром и его европейской северной периферией во многом обуславливалось востребованностью воображаемого республиканского (новгородского) опыта как альтернативы самодержавной (московской) модели развития страны. Отправляющиеся на «дальний север» путешественники 50–60-х годов XIX века старательно искали там «в неприкосновенной целости следы славянского новгородского элемента» (Максимов, 1859б: 370). Однако при ближайшем знакомстве с жителями «Северного края» они были вынуждены признать несоответствие поморов их идеализированному образу, составленному в литературных салонах: «Большого застоя, большого невнимания к делу трудно найти и в ином месте, и в иных делах русского человека, как в беломорских промыслах» (Максимов, 1859а: 437). «...Помор архангельский так же, как и всякий другой русский человек, на трех сваях сто-

ит: авось, небось, да как-нибудь; хотя тот и другие давно и хорошо знают, что знайка бежит, незнайка лежит, что во всяком деле почин дорог» (Максимов, 1859б: 239).

С. В. Максимов отправился на Белое Поморье по поручению Морского министерства. Начинаящему беллетристу предстояло дать обстоятельное описание местных жителей, рассматривавшихся чиновниками в качестве потенциальных рекрутов российского флота (Максимов, 1986: 82). В написанной по итогам путешествия книге «Год на Севере» Максимов представил широкую панораму народной жизни далекого края. Как и многие его современники-«народоведы», он был озабочен проблемой этнографического разнообразия и национального единства страны (Могильнер, 2008). Ключ к ее решению Максимов видел в модернизирующей русификации, которая, с одной стороны, должна была обеспечить рост благосостояния местного населения, а с другой — сделать его органической частью единого национально-государственного тела. В отличие от своих предшественников Максимов выступал не только за культурную (освоение русского языка, христианизация, перенимание образа жизни и т.д.), но и за физическую русификацию (ассимиляцию) индигенного населения. Так, обрисовав физический облик лопаря, он заключал, что тот «составляет как бы переход от инородческого племени к русскому, хотя бы, например, от того же самоеда к печорцу» (Максимов, 1859а: 393). Печорцев (ижемских зырян), в свою очередь, Максимов считал продуктом «смеси коренных зырян с людьми русской крови новгородского происхождения» (Максимов, 1871: 479)⁴. Он с восторгом отмечал, что наиболее развитые, по его оценкам, местные «племена» «большею частию или уже обрусели, или находятся в последнем, близком к этому великому делу периоде» (Максимов, 1859а: 392). Если ассимиляция не удавалась или шла недостаточно быстро, то индигенное население подвергалось риторической маргинализации и «лишалось» прав на свои земли в пользу «великороссов», которым приписывались исключительные способности в деле освоения новых территорий. Так, Максимов утверждал: «Умение освоиться с чужой местностью в течение шести-семи веков, как с родною, дает почти прямое право считать русское племя за аборигенов побережья Белого моря, а настоящих аборигенов — финское племя лопарей — как пришлецов, как гостей на чужом пиру и притом гостей почти лишних и ненужных» (Максимов, 1859а: 391–392).

Заключение

На первый взгляд русификаторский дискурс не отличался от камералистского: он также распределял местные племена по «шкале сравни-

---

4. В более ранних изданиях книги С. В. Максимова «Год на Севере» такая оценка зырян не встречается.

тельной цивилизованности», утверждая приоритеты прогрессивного развития отдаленных окраин и их населения. Однако по своей сути русификаторский и камералистский языки различались кардинально. Тогда как последний не подрывал и не опровергал существующий миропорядок, лишь фиксируя и каталогизируя разнообразные сущности, первый был нацелен на «революционный акт переописания» (термин М. Могильнер (Могильнер, 2008: 16)). Зародившийся под влиянием биологического эволюционизма в русле беллетризованного народоведения, русификаторский дискурс был нацелен на радикальную переборку имперского общества. С. В. Максимов относился к числу тех российских этнографов (в 1900 году он получил звание почетного академика Петербургской академии наук), кто понимал этнографию как историю русификации (ассимиляции) этнических меньшинств (Могильнер, 2008: 88). Ситуация имперского разнообразия воспринималась ими как ненормальная. Речь шла о формировании единого национально-государственного тела, посредством распространения вплоть до самых крайних пределов страны доминирования государствообразующей имперской «народности» (Пулькин, 2021). Именно таким образом была заложена основа для символического присвоения территорий северных народов (Мельникова, 2019: 6).

Библиография

- Алексеева Н. В.* (2016). Традиция поклонения святым местам на Русском Севере в XIX в. // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. № 4. С. 167–172.
- Бодрова О. А.* (2018). «Поморский бренд» в культурно-массовой деятельности Мурманской области // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 15. С. 32–41.
- Болтунова Е. М.* (2022). «Край... от взора Монаршего несколько отдаленный»: Центральная Россия в первой половине XIX в. // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. № 2 (32). С. 35–52.
- Велижев М. Б.* (2022). Чаадаевское дело: идеология, риторика и государственная власть в николаевской России. М.: Новое литературное обозрение.
- Власова И. В.* (2015). Русский Север: историко-культурное развитие и идентичность населения. М.: ИЭА РАН.
- Вульпиус Р.* (2023). Рождение Российской империи: концепции и практики политического господства в XVIII веке. М.: Новое литературное обозрение.
- Вульф Л.* (2003). Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение.
- Головнёв А. В.* (2022). Северность России. СПб.: МАЭ РАН.
- Дершау Ф. К.* (1845). Север Европейской России // Финский вестник. Т. 4. С. 21–94.
- Истомин М.* (1847). Судьбы Архангельска // Архангельские губернские ведомости. № 15. С. 211–212.
- Калуцков В. Н.* (2008). Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф.
- Кивельсон В.* (2012). Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века / Пер. с англ. Н. Мишаковой. М.: Новое литературное обозрение.
- Кизеветтер А. А.* (1919). Русский Север: Роль Северного края Европейской России в истории русского государства: исторический очерк. Вологда: Вологодское центральное общество сельского хозяйства.

- Лепехин И. И. (1805). Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. Часть IV: в 1772 году. СПб.: При Имп. Акад. наук.
- Лескинен М. В. (2010). Великороссы/великорусы в российской научной публицистике (1840–1890) // Славяноведение. № 6. С. 3–17.
- Ломоносов М. В. (1760). Краткий российский летописец с родословием. СПб.: Тип. Императорской Академии наук.
- Лукина Т. А. (1961). Экспедиции академика Лепехина в XVIII в. // Труды института истории естествознания и техники. Т. 41. М.–Л.: Издательство АН СССР. С. 324–352.
- Макаров Н. А. (1993). Русский Север: таинственное средневековье. М.: Б/и.
- Максимов С. В. (1859а). Год на Севере. Том I. Белое море и его побережья. СПб.: Издательство книгопродавца Д. Е. Кожанчикова.
- Максимов С. В. (1859б). Год на Севере. Том II. Поездка по северным рекам. СПб.: Издательство книгопродавца Д. Е. Кожанчикова.
- Максимов С. В. (1871). Год на Севере. СПб.: Тип. А. Траншеля.
- Максимов С. В. (1986). Литературная экспедиция (по архивным документам и личным воспоминаниям) // Максимов С. В. Литературные путешествия. М.: Современник. С. 80–108.
- Матвейчев О., Беляков А. (2019). Гиперборея: приключения идеи. М.: Книжный мир.
- Мельникова Е. А. (2019). «Здесь русский дух...»: к истории Русского Севера на символической карте воображаемой России // Кунсткамера. № 1 (3). С. 6–22.
- Могильнер М. (2008). Ното imregii. История физической антропологии в России (конец XIX — начало XX в.). М.: Новое литературное обозрение.
- Надеждин Н. И. (1837). Великая Россия // Энциклопедический Лексикон. Т. 9. Вар. — Вес. СПб.: Тип. А. Плюшара. С. 261–276.
- Надеждин Н. И. (1842). Записка о путешествии по южно-славянским странам // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. XXXIV. Отд. II. С. 87–106.
- Ополовников А. В. (1977). Русский Север. Памятники зодчества. М.: Стройиздат.
- Поденная записка, учиненная во время обозрения губернии правителем Олонецкого наместничества Державиным. 1785 год июля 19 (1958) // Пименов В. В., Эпштейн Е. М. Русские исследователи Карелии (XVIII в.). Петрозаводск: Государственное издательство КАССР. С. 157–191.
- Пулькин М. В. (2021). Укрепляя империю: политика русификации на северных окраинах России в XIX — начале XX в. (по материалам Олонецкой губернии) // Исторический курьер. № 5. С. 87–97.
- Рейнеке М. Ф. (1880). Описание города Колы, в Российской Лапландии. СПб.: Тип. Н. Греча.
- Семущин Д. Л. (2014). «Поморская торговля» и «Русские поморья» с точки зрения российского Государственного законодательства XIX века // Арктика и Север. № 15. С. 125–146.
- Суворова М. Е. (2013). Бренд «Вологда — культурная столица Русского Севера» в восприятии вологжан // Вестник Череповецкого государственного университета. № 3 (49). С. 42–45.
- Татищев В. Н. (1950). Россия или, как ныне зовут, Россия // Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М.: Государственное издательство географической литературы. С. 107–137.
- Теребихин Н. М. (2004). Метафизика Севера. Архангельск: Поморский университет.
- Тимошенко Д. С. (2021). Брендинг арктических туристских дестинаций в России // Арктика и Север. № 42. С. 257–270.
- Урушадзе А. Т. (2019). Что такое Россия? Разнообразие как способ описания Российской империи // Новое прошлое. № 2. С. 8–18.
- Челищев П. И. (1886). Путешествие по Северу России в 1791 году: Дневник П. И. Челищева. СПб.: Тип. В. С. Балашева.
- Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она идет? Беседа с редакторами журнала Ab Imregio Ильей Герасимовым и Мариной Могильнер (2007) // Логос. № 1. С. 218–238.

- Шабает Ю. П., Жеребцов И. Л., Журавлев П. С. (2012). «Русский Север»: культурные границы и культурные смыслы // Мир России. Социология. Этнология. № 4. С. 134–135.
- Шнирельман В. (2015). Арийский миф в современном мире: В 2 т. М.: Новое литературное обозрение.
- Baudrand Michaelis Antonii (1682). *Geographia ordine litterarum disposita*. Parisiis / Vol. 2. [Paris]: Apud Stephanum Michalet.
- Campagnola G. (2010). Criticisms of classical political economy: Menger, Austrian economics and the German historical school. L.: Routledge.
- Lübke Chr. (1984). *Novgorod in der russischen Literatur (bis zu den Dekabristen)*. Berlin: Duncker & Humblot.

From the “North of Russia” to the “Russian North”: Intellectual appropriation of the northern territories of the European part of Russia in the mid-18th — first half of the 19th centuries

Mikhail G. Agapov, DSc (History), Leading Researcher, Center of Urban Studies, Tyumen State University. Volodarskogo St., Tyumen, 6625003. E-mail: magapov74@gmail.com

Abstract. The normativity of the “Russian North” concept seems self-evident; however, it was introduced only in the mid-19th century and became an integral part of political discourse and everyday language only at the turn of the 19th — 20th centuries. The concept of “Russian North” had been developed in the works of Russian scientists, public figures and officials from the mid-18th to the first half of the 19th centuries, when the cultural construction of the territory implied connections based on both facts and fiction; thus, “Siberia”, “Caucasus”, “Russian North” and other “regions” became analytical categories. They were the result of a diverse set of intellectual operations (observation, description, comparison, systematization, differentiation, etc.) carried out by government officials, scientists and travelers, poets and philosophers. The cultural construction of the northern imperial periphery was inseparable from the cultural construction of the center, since observers from the center could hardly describe the main features of the periphery without simultaneously identifying their starting position. In the second half of the 18th century, the discourse about the Northern territory became a part of the Russian imperial cameralism with its special distribution of territories and their peoples according to the “scale of comparative civilization” (L. Wolff). In the second half of the 19th century, the Russification discourse became dominant, aiming at the radical reassembly of the imperial society as a single nation-state body. Thus, the “North of Russia” was reconsidered as the “Russian North”, which provided new grounds for the symbolic appropriation of the northern peoples’ territories.

Key words: Northern Territory, Russian North, cameralism, imperial diversity, arable farming, Old-Believers, geography of power, Russification

References

- Alekseeva N. V. (2016) *Traditsiya pokloneniya svyatym mestam na Russkom Severe v XIX v.* [The tradition of worshipping holy places in the Russian North in the 19th century]. *Vestnik PGU. Seriya: Sotsialno-Gumanitarnye Nauki*, no 4, pp. 167–172.
- Baudrand M. A. (1682) *Geographia Ordine Litterarum Disposita*, vol. 2, Paris: Apud Stephanum Michalet.

- Bodrova O. A. (2018) "Pomorsky brand" v kulturno-massovoy deyatel'nosti Murmanskoy oblasti ["Pomor brand" in the cultural-mass activities of the Murmansk Region]. *Trudy Kolskogo Nauchnogo Tsentra RAN. Gumanitarnye Issledovaniya*, vol. 15, pp. 32–41.
- Boltunova E. M. (2022) "Kraj... ot vzora Monarshego neskolko otdaleny": Tsentralnaya Rossiya v pervoy polovine XIX v. ["The land... somewhat distant from the Monarch's sight": Central Russia in the first half of the 19th century]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, no 2, pp. 35–52.
- Campagnola G. (2010) *Criticisms of Classical Political Economy: Menger, Austrian Economics and the German Historical School*, London: Routledge.
- Chelishchev P. I. (1886) *Puteshestvie po Severu Rossii v 1791 godu: Dnevnik P. I. Chelishcheva* [A Trip to the North of Russia in 1791: Diary of P. I. Chelishchev], Saint Petersburg: Izd. dom V. S. Balashevs.
- Chto takoe "novaya imperskaya istoriya", otkuda ona vzyalas i k chemu ona idet? Beseda s redaktorami zhurnala "Ab Imperio" Ilyej Gerasimovym i Marinoy Mogilner (2007) [What is the "new imperial history", where did it come from and where does it go to? Conversation with the editors of the *Ab Imperio* Ilya Gerasimov and Marina Mogilner]. *Logos*, no 1, pp. 218–238.
- Dershau F. K. (1845) Sever Evropejskoj Rossii [North of European Russia]. *Finsky Vestnik*, vol. 4, pp. 21–94.
- Golovnev A. V. (2022) *Severnost Rossii* [Russia's Northernness], Saint Petersburg: MAE RAN.
- Istomin M. (1847) Sudby Arkhangelska [Fates of Arkhangelsk]. *Arkhangelskie Gubernskie Vedomosti*, no 15, pp. 211–212.
- Kalutskov V. N. (2008) *Landshaft v kulturnoj geografii* [Landscape in Cultural Geography], Moscow: Novy khronograf.
- Kivelson V. (2012) *Kartografii tszarstva: zemlya i ee znacheniya v Rossii XVII veka* [Cartographies of Tsardom: Land and Its Meanings in 17th-Century Russia], Moscow: NLO.
- Kizevetter A. A. (1919) *Russky Sever: Rol Severnogo kraya Evropejskoj Rossii v istorii russkogo gosudarstva: istorichesky ocherk* [Russian North: The Role of the Northern Region of European Russia in the History of the Russian State: A Historical Essay], Volgda: VTsOSKh.
- Lepekhin I. I. (1805) *Dnevnye zapiski puteshestviya doktora i Akademii nauk adyunkta Ivana Lepekhina po raznym provintsiyam Rossijskago gosudarstva. Chast IV: v 1772 godu* [Daily Notes of the Travelling Doctor and Adjunct of the Academy of Sciences Ivan Lepekhin in Different Provinces of the Russian State. Part IV: 1772], Saint Petersburg: Pri Imp. Akad. nauk.
- Leskinen M. V. (2010) Velikorossy/velikorusy v rossijskoj nauchnoj publitsistike (1840–1890) [Great Russians/Rus in the Russian non-fiction (1840–1890)]. *Slavyanovedenie*, no 6, pp. 3–17.
- Lomonosov M. V. (1760) *Kratky rossijsky letopisets s rodosloviem* [Brief Russian Chronicle with Genealogy], Saint Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk.
- Lübke Chr. (1984) *Novgorod in der Russischen Literatur (bis zu den Dekabristen)*, Berlin: Duncker & Humblot.
- Lukina T. A. (1961) Ekspeditsii akademika Lepekhina v XVIII v. [Expeditions of the Academician Lepekhin in the 18th century]. *Trudy Instituta Istorii Estestvoznaniya i Tekhniki*, vol. 41, Moscow–Leningrad: Izd-vo AN SSSR, pp. 324–352.
- Makarov N. A. (1993) *Russky Sever: tainstvennoe srednevekovie* [Russian North: Mysterious Middle Ages], Moscow.
- Maksimov S. V. (1859a) *God na Severe. T. I: Beloe more i ego pribrezh'ya* [A Year in the North. Vol. I: The White Sea and Its Coasts], Saint Petersburg: Izdanie knigoprodavtsa D. E. Kozhanchikova.
- Maksimov S. V. (1859b) *God na Severe. T. II: Poezdka po severnym rekam* [A Year in the North. Vol. II: A Trip along Northern Rivers], Saint Petersburg: Izdanie knigoprodavtsa D. E. Kozhanchikova.

- Maksimov S. V. (1871) *God na Severe* [A Year in the North], Saint Petersburg: Tip. A. Transhelya.
- Maksimov S. V. (1986) Literaturnaya ekspeditsiya (po arkhivnym dokumentam i lichnym vospominaniyam) [Literary expedition (based on archival documents and personal memories)]. *Literaturnye puteshestviya*, Moscow: Sovremennik, pp. 80–108.
- Matvejev O., Belyakov A. (2019) *Giperboreya: prikladyucheniya idei* [Hyperborea: Adventure of the Idea], Moscow: Knizhny mir.
- Melnikova E. A. (2019) “Zdes ruskyy duh...”: k istorii Russkogo Severa na simvolicheskoy karte voobrazhaemoj Rossii [“Here the Russian spirit...”: On the history of the Russian North on the symbolic map of imaginary Russia]. *Kunstkamera*, no 1, pp. 6–22.
- Mogilner M. (2008) *Homo imperii. Istoriya fizicheskoy antropologii v Rossii (konets XIX — nachalo XX v.)* [Homo Imperium. History of Physical Anthropology in Russia (Late 19th — Early 20th Centuries)], Moscow: NLO.
- Nadezhdin N. I. (1837) Velikaya Rossiya [Great Russia]. *Entsiklopedichesky Leksikon*, vol. 9, Saint Petersburg: Tip. A. Plyushara, pp. 261–276.
- Nadezhdin N. I. (1842) Zapiska o puteshestvii po yuzhno-slavyanskim stranam [A note about a trip to the Southern-Slavic countries]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya*, part XXXIV, div. II, pp. 87–106.
- Opolovnikov A. V. (1977) *Russky Sever. Pamyatniki zodchestva* [Russian North. Architectural Monuments], Moscow: Stroyizdat.
- Podennaya zapiska, uchinennoy vo vremya obozreniya gubernii pravitelem Olonetskogo namestnichestva Derzhavinyim. 1785 god iyulya 19 [A daily note written during the survey of the province by the ruler of the Olonets governorship Derzhavin on July 19, 1785]. Pimenov V. V., Epshtein E. M. (1958) *Russkie issledovateli Karelii (XVIII c.)*, Petrozavodsk: Gos. izd-vo KASSR, pp. 157–191.
- Pulkin M. V. (2021) Ukreplyaya imperiyu: politika rusifikatsii na severnykh okrainah Rossii v XIX — nachale XX v. (po materialam Olonetskoj gubernii) [Strengthening Empire: The Policy of Russification on Russia's Northern Outskirts in the 19th — Early 20th Centuries (Based on the Materials from the Olonets Province)]. *Istorichesky Kurier*, no 5, pp. 87–97.
- Rejneke M. F. (1880) *Opisanie goroda Koly, v Rossijskoj Laplandii* [Description of the city of Kola in Russian Lapland], Saint Petersburg: Tip. N. Grecha.
- Semushin D. L. (2014) “Pomorskaya trgovlya” i “Russkie pomory” s tochkii zreniya rossijskogo Gosudarstvennogo zakonodatelstva XIX veka [“Pomor trade” and “Russian Pomors” in the Russian state legislation in the 19th century]. *Arktika i Sever*, no 15, pp. 125–146.
- Shabaev Yu. P., Zherebtsov I. L., Zhuravlev P. S. (2012) “Russky Sever”: kulturnye granitsy i kulturnye smysly [“Russian North”: Cultural boundaries and cultural meanings]. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, no 4, pp. 134–135.
- Shnirelman V. (2015) *Ariysky mif v sovremennom mire: v 2 t.* [Aryan Myth in the Contemporary World], in 2 vols., Moscow: NLO.
- Suvorova M. E. (2013) Brend “Vologda — kulturnaya stolitsa Russkogo Severa” v vospriyatii vologzhan [The brand “Vologda is the cultural capital of the Russian North” in the perception of Vologda residents]. *Vestnik Cherepovetskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, no 3, pp. 42–45.
- Tatishhev V. N. (1950) *Russia ili, kak nyne zovut, Rossiya* [Rus or, as they call it now, Russia]. *Izbrannye trudy po geografii Rossii*, Moscow: Gos. izd-vo geograficheskoy literatury, pp. 107–137.
- Terebikhin N. M. (2004) *Metafizika Severa* [Metaphysics of the North], Arkhangel'sk: Pomorskiy universitet.
- Timoshenko D. S. (2021) Brending arkticheskikh turistskikh destinatsij v Rossii [Branding of the Arctic tourist destinations in Russia]. *Arktika i Sever*, no 42, pp. 257–270.
- Urushadze A. T. (2019) Chto takoe Rossiya? Raznoobrazie kak sposob opisaniya Rossijskoj imperii [What is Russia? Diversity as a way to describe the Russian empire]. *Novoe Proshloe*, no. 2, pp. 8–18.

- Velizhev M. B. (2022) *Chaadaevskoe delo: ideologiya, ritorika i gosudarstvennaya vlast v nikolaevskoj Rossii* [Chaadaev's Case: Ideology, Rhetoric and State Power in Nikolaev Russia], Moscow: NLO.
- Vlasova I. V. (2015) *Russky Sever: istoriko-kulturnoe razvitie i identichnost naseleniya* [Russian North: Historical-Cultural Development and Identity of the Population], Moscow: IEA RAN.
- Wolff L. (2003) *Izobretaya Vostochnuyu Evropu: Karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya* [Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment], Moscow: NLO.
- Vulpus R. (2023) *Rozhdenie Rossijskoj imperii: kontseptsii i praktiki politicheskogo gospodstva v XVIII veke* [Birth of the Russian Empire: Concepts and Practices of Political Domination in the 18th Century], Moscow: NLO.

Крестьянские волнения на Северо-Западе России летом 1831 года¹

А. К. Егоров

Александр Константинович Егоров, кандидат исторических наук, доцент, Петрозаводский государственный университет. 185910, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33; научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. 185910, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11. E-mail: akegorov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению крестьянских волнений на Северо-Западе России во время холерной эпидемии. Летом 1831 года, сразу после массового исхода рабочих из Петербурга, вызванного холерными бунтами в столице, в Петербургской и Олонецкой губерниях прошла целая серия крестьянских выступлений. В ходе этих выступлений жители нападали на карантинные пункты, врачей и чиновников, подозревая их в злоупотреблениях и отравлении народа под предлогом борьбы с холерой. Крестьяне задерживали подозреваемых, избивали и пытали их, требуя признания в предполагаемых преступлениях. Эти крестьянские волнения вызвали серьезное беспокойство властей, уделявших особое внимание сбору сведений о поведении населения в условиях эпидемии. Особенностью данных волнений было постепенное смещение эпицентра беспорядков на восток вдоль водных путей коммуникации: по рекам и каналам Мариинской системы. Эти волнения были вызваны совокупностью факторов, имевших как общероссийскую природу, так и локальную специфику. Первым важным фактором были слухи об отравлении, которые распространялись по Мариинской водной системе и ее окрестностям. Их первоисточником был Петербург, холерные бунты в котором стимулировали появление и распространение слухов об отравлении. Вторым важным фактором оказались сами водные пути коммуникации, позволявшие людям и слухам сравнительно быстро перемещаться на большие расстояния. Третий важный фактор — недоверие населения к властям, врачам и противоэпидемическим мероприятиям. Данные крестьянские волнения являются составной частью холерных беспорядков в России летом 1831 года.

Ключевые слова: крестьянские волнения, эпидемия, холера, слухи, отравление, паника, насилие, коммуникация, пути сообщения

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-1-39-53

Эпидемия холеры и народные волнения

В 1830 году в России началась эпидемия холеры, которая не только привела к большим человеческим жертвам, но и стимулировала рас-

---

1. Статья написана в рамках государственного задания Карельского научного центра РАН.

пространение агрессивных слухов, в которых вина за гибель людей возлагалась на чиновников, врачей и злоумышленников, которые под предлогом холеры якобы морили людей в больницах или повсеместно отравляли еду и воду. Подобные слухи, в свою очередь, вызвали народные волнения, во время которых отчаявшиеся люди пытались самостоятельно найти и нейтрализовать предполагаемых виновников своих бедствий. Холерные волнения начались в России осенью 1830 года и достигли апогея летом следующего, 1831 года (McGrew, 1965: 67, 106–107).

Центральным событием холерных волнений лета 1831 года в России стали массовые беспорядки 21–25 июня в столице империи Петербурге, в ходе которых толпы нападали на больницы и ловили на улицах подозреваемых в отравлении народа (McGrew, 1965: 111–113; Барабанова, 2014: 130–144; Каратыгин, 1887: 51–61; Гессен, 1932: 21–28). Холерные «бунты» в Петербурге не только были самыми массовыми волнениями в том году, но они также сыграли свою роль в провоцировании холерных беспорядков и в соседних со столицей местностях.

Вскоре после прекращения волнений в Петербурге, после 25 июня, из столицы начался исход сезонных рабочих, которые двинулись к местам своего постоянного проживания. Согласно официальным источникам, из Петербурга вышли от 10 до 12 тысяч человек². Причины исхода назывались разные. Наиболее вероятная из них заключалась в том, что люди спасались от массового насилия, а также от холеры, которая после завершения волнений достигла в столице максимальной интенсивности (McGrew, 1965: 113). По официальной версии, причиной ухода рабочих была остановка промышленных предприятий столицы³. Также есть сведения, что исход был вызван принудительной высылкой рабочих из города по решению Николая I (Эйлер, 1880: 391).

Многие тысячи человек расходились по дорогам в разные стороны от Петербурга, рассказывая местному населению о событиях в столице. Согласно официальной версии, именно сезонные рабочие стали распространять в соседних регионах слухи об отравлении, что явилось причиной массовых беспорядков; эту точку зрения можно встретить и в литературе (Каратыгин, 1887: 72; Панаев, 1870: 77, 80).

Вышедшие из Петербурга люди стали предметом особого беспокойства центральной и губернских властей. 3 июля губернатор Новгородской губернии получил распоряжение из столицы о не-

2. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 109. Оп. 6. Д. 359. Л. 15; Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб). Ф. 536. Оп. 9. Д. 979. Л. 45.

3. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 979. Л. 45.

обходимости наблюдения за вышедшими из Петербурга рабочими⁴. Известно также, что примерно в это же время управляющий Тихвинской водной системой барон Розен требовал от властей Новгородской, Тверской и Ярославской губерний предупреждать «всякие нелепые слухи, которые могут быть распространены людьми, прибывшими из Петербурга»⁵.

На основании имеющихся источников можно выделить четыре главных направления распространения слухов и массовых беспорядков.

Первым было юго-западное направление — на Лугу. В Лужском уезде начались беспорядки среди крестьян, которые подозревали своих помещиков и проезжающих по их селениям посторонних в отравлении «жизненных припасов», полей и воды⁶.

Вторым было юго-восточное направление — по Московской дороге и реке Волхов, до Новгорода и далее в Тверскую губернию. Уже в начале июля «слух, будто в С.-Петербурге поляки сыпят <...> в вино и в водовозные бочки яд, от чего люди умирают в короткое время, с признаками отравления ядом» достиг Новгорода⁷. Юго-восточное направление вызывало особое беспокойство властей, поскольку вело в Центральную Россию. Петербургский губернатор Храповицкий указывал в своем предписании губернскому правлению, что «для предупреждения беспорядков в местах по тракту от С.-Петербурга до Москвы, послан генерал-майор свиты его императорского величества граф Строганов»⁸. Опасения властей не были напрасными. 11 июля начался бунт в Новгородских военных поселениях, вызванный слухами об отравлении и вдохновляемый примерами Петербурга (Евстафьев, 1934).

Третьим было восточное направление — по Тихвинской водной системе. 10 июля новгородский губернатор писал министру внутренних дел о том, что 6 июля некоторые пассажиры корабля, оставившегося в селении Сомино на Тихвинской системе в отдаленной от столицы части Новгородской губернии, увидев на пристани врача, стали подстрекать других пассажиров к тому, чтобы поймать и избить его. Этим врачом был лекарь ведомства путей сообщения Туроли, а пассажирами оказались рабочие, шедшие из Петербурга⁹.

Четвертым стало северо-восточное направление — по Мариинской водной системе, Ладожскому озеру и реке Свирь. В предписании петербургского губернатора Храповицкого губернскому

4. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1286. Оп. 5. Д. 442. Л. 10 об.

5. РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 442. Л. 10 об.

6. РГИА. Ф. 1345. Оп. 105. Д. 341. Л. 3; ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 2. Д. 25. Л. 4–8.

7. ГА РФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 359. Л. 6.

8. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 979. Л. 45 об.

9. РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 442. Л. 10 об.

правлению указывалось, что «распущенные неблагонамеренными людьми слухи, будто бы болезнь и смертность происходят не от эпидемии, а от отравы, изданным тотчас от Правительства объявлением опровергнуты и не имели в столице особенных последствий. Между тем произошедшая от появления сей жестокой болезни остановка в промышленности вынудила разного звания рабочих и промышленников, в большом числе стекающихся каждой весной в Санкт-Петербург, отправиться обратно в свои жилища. Людей таковых вышло из Петербурга до 12 тысяч человек. Вскоре после их выхода получены сведения, что означенные нелепые слухи об отраве, распространяясь как по пути следования сих людей, так и в других ближайших к столице местах, послужили поводом к беспокойствам и беспорядкам. Первые беспокойства возникли в Ладогском (Новоладожском. — А. Е.) уезде, но принятыми тотчас мерами прекращены и порядок совершенно восстановлен <...>»¹⁰.

Согласно объявлению Храповицкого от 3 июля 1831 года, «крестьяне в Новоладожском у[езде] искали и били врачей, подозревая их в том, что они морят отводимых в больницы людей и дают вредные лекарства». А в самой Новой Ладоге «возник ропот, связанный со злоупотреблениями относительно возникшего недостатка в продовольствии по причине карантин». Также, согласно официальным источникам, «крестьяне бунтовали в Сяеских рядках, Сермаксе и Сумском»¹¹.

В центре внимания данной статьи будет именно четвертое, северо-восточное направление. В отличие от событий на юго-восточном направлении, лучше изученных, волнения в Ладожско-Свирском регионе не исследованы совсем. Между тем в этом районе сформировался единый обширный очаг волнений, вызванных слухами об отравлении, со смещением эпицентра беспорядков все дальше на северо-восток. Целью статьи является рассмотрение этих эпизодов для определения главных факторов, которые обеспечили довольно быстрое движение массовых беспорядков на северо-восток и создали условия для распространения волнений на обширную территорию. Также будут выявлены локальные особенности этих беспорядков в сравнении с холерными волнениями в других регионах. Это позволит больше узнать о холерных волнениях в России XIX века.

Волнения в Петербургской губернии

Волнения на северо-восточном направлении начались 26 июня среди государственных и помещичьих крестьян разных деревень Новоладожского уезда по южному берегу Ладожского озера. В этот день

10. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 979. Л. 45.

11. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 2400. Л. 19–19 об, 24.

помещичьи крестьяне графини Лаваль деревень Березье и Немятово в нижнем течении реки Волхов, во время крестного хода по случаю дня Тихвинской иконы Божьей Матери напали на карантинную обсервационную заставу, расположенную при устье Сяского канала. «Народ собрался около избы, в которой жил карантинный лекарь Штюц и начал кричать, что он морит людей, отравляет их ядом, и когда увидел лекаря, бросился на него и начал его бить». Помимо Штюца, был избит аптекарский помощник Гох. «Люди потребовали уничтожения лазарета и прекращения всякого лечения»¹².

Местному чиновнику удалось успокоить крестьян, однако вскоре к нему подъехали суда и лодки, находившиеся на них люди потребовали пропустить все суда и барки через карантин, говоря, что разорились и не имеют денег, «чем кормиться»¹³.

Расследование показало, что крестьяне, напавшие на заставу, были «увлечены ложным слухом, будто народ отравляют», и что эти слухи «распространяли проходившие через карантин судорабочие люди». Главными виновниками беспорядков на карантине были названы крестьянин деревни Березье Петр Мазелин и тихвинский мещанин Степан Гуляев. Последний, в частности, заявлял, что «карантины поставлены без воли правительства»¹⁴.

Агрессивные слухи, ходившие в этой местности, использовались и представителями власти. Так, смотритель указанной обсервационной заставы при устье Сяского канала Петров писал 28 июня 1831 года новолодожскому предводителю дворянства, что «по слухам довольно достоверным, дошедшим до меня и г. штаб-лекаря Барановского, крестьяне графини Лаваль деревни Кузнецовщины с прочими намерены разбить сегодня вверенную мне заставу»¹⁵. Это сообщение показывает, что после событий 26 июня крестьяне соседних селений не отказались от идеи нападения на карантин. С другой стороны, Петров, упоминая об угрозе нападения, возможно, просто хотел добиться от вышестоящих властей выделения дополнительных сил для охраны заставы.

В процессе движения рабочих на восток эпицентр беспорядков сместился также чуть восточнее. Через два дня после нападения на сяский карантин начались волнения крестьян в том же уезде, в селе Сяские рядки и соседних селениях. Местные жители напали на прапорщиков ведомства путей сообщения Рокштуля и Гущина, причинив им «жестокие побои», по подозрению в том, что они отравляют людей¹⁶.

12. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 2432. Л. 47; Д. 2400. Л. 115, 122.

13. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 2432. Л. 47 об.

14. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 2432. Л. 139; Д. 2400. Л. 115, 122.

15. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 2391. Л. 279.

16. РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 457. Л. 1.

28 июня 1831 года крестьяне Сяских рядков под предлогом желания «посмотреть канал (Сяский канал. — *А. Е.*), которого давно не видели», собрались у квартир прапорщиков Рокштуля и Глинского с целью схватить их. Толпа подозревала офицеров путей сообщения, работавших на канале, а также врачей в том, что они пускают яд на воду, который якобы «имеет действие на семь верст». Все это крестьяне якобы слышали от солдат 1-го округа путей сообщения, но не называли имен (Граф Аракчеев, 1871: 53–54).

Крестьяне потребовали от Рокштуля уехать из селения, угрожая в противном случае «поступить с ним дурно». Известно, что вопрос о том, чтобы выгнать из селения прапорщика Рокштуля, обсуждался на мирском сходе. Также жители требовали, чтобы уехал мастер 3-го класса Редьковский, угрожая в случае отказа «бросить его в канал». Причиной такой угрозы было то, что жена солдата Василия Тинькова распространяла слух, будто у унтер-офицера Редьковского есть бумаги с ядом. В толпе кричали, что «нужно бы было их обоих (Рокштуля и Редьковского. — *А. Е.*) бросить в воду!». Прапорщик Рокштуль был вынужден уехать, а Редьковского, принимая во внимание слова солдатской жены, толпа не отпустила (Граф Аракчеев, 1871: 58)¹⁷.

На следующий день, 29 июня, Рокштуль все равно был задержан: когда он переплывал на лодке через р. Сясь, он был заподозрен крестьянином Архимом Карповым в том, что лил в реку яд. Карпов рассказал об этом другим крестьянам, которые бросились в погоню за Рокштулем и задержали его. Был задержан и инженер строительного отряда прапорщик Гуцин, которого также заподозрили в том, что он лил яд в воду из бутылки (Там же: 58–59). На 29 июня приходился церковный праздник, день Петра и Павла, это обстоятельство могло повлиять на эскалацию беспорядков, поскольку создавало условия для массового скопления праздного народа.

Можно также предположить, что основанием для задержания Рокштуля были «показания», взятые жителями у задержанного ими Редьковского. Согласно данным следствия, мастер 3-го класса 1-го округа ведомства путей сообщения Иван Редьковский «разглашал, что инженер-прапорщик Рокштуль лил в реку Сясь из бутылки жидкость, которая в данной им крестьянам и утвержденной пред священником Успенско-Сяского погоста Федором Рыбинским подписке названа смертоносным зельем, заразив им будто бы четырех человек»¹⁸.

Рокштуля и Гуцина повели в деревню Пульницы, при этом «били граблями, кольями и руками и осыпали всевозможными ругательствами». Один из крестьян, житель деревни Реброво Константин Севастьянов кричал в адрес офицеров: «Они нас в землю хотят покласть!» (Там же: 60–61).

17. РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 457. Л. 1 об.

18. РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 457. Л. 1.

В Пульницах толпа встретила офицера, который вел партию рекрут из Вятской губернии. Истязаемые Рокштуль и Гуцин попросили его о помощи, но партионный офицер ответил, что просьбу их исполнить не может (Там же: 60). Этим партионным офицером был прапорщик Кандаков, который в тот же день, 29 июня, писал в своем рапорте новолодожскому предводителю дворянства Савицкому, что жители деревни Пульницы поймали двух офицеров, «якобы спущающими по реке яд, и стали обращаться с ними жестоким образом, связали и избивали их»¹⁹.

В Пульницах жители потребовали от офицеров, чтобы они дали им «письменное показание, что пускали в воду яд» «для отравы людей», угрожая пытками огнем и водой. Кроме этого, крестьян интересовало, с какой целью и откуда Рокштуль приехал, а также кто послал его в Сяские рядки (Там же: 61, 63). Под пытками Рокштуль был вынужден дать ложные показания, что «пускал в воду хлористую известь для отравления людей». Гуцина же крестьяне заставили написать записку, что у него на квартире есть марганец, серная кислота и хлористая известь (Там же: 61–62).

Вскоре местные власти смогли освободить офицеров. При этом некоторые беспорядки продолжились и дальше, когда крестьяне отказались выполнять требование новолодожского помещика Каменского о выделении отдельных квартир для помещения больных холерой и «окурке» крестьянских жилищ различными «снадобьями» для очищения воздуха. «Крестьяне заявили, что господ слушать они не будут, потому что они отравляют ядом и сыпят его в реку, и что они имеют в том расписки, которые ему и показали». Также крестьяне сказали, что кроме государя, никому подчиняться не будут (Там же: 67–68).

При разговоре Каменского с крестьянами некий пономарь рассказывал присутствовавшим, что он сам видел, как в полночь Гуцин лил яд в реку Сясь, и прибавлял, что в Петербурге велено всех останавливать и обыскивать, что он все это читал. На возражения Каменского пономарь грубо отвечал, что «господа ныне взялись всех отравлять» (Там же: 68).

Можно предположить, что этим церковнослужителем был пономарь Рогожинского погоста Андрей Васильев, который был признан следствием главным подстрекателем бунта в селе Сяские рядки и других селениях. Его обвиняли в том, что он кричал крестьянам: «Что вы делаете? Берите комиссара и бросьте его в реку»²⁰.

Главными виновниками волнений в Сяских рядках и их окрестностях были названы, помимо уже упомянутых Андрея Васильева и Константина Севастьянова, также крестьянин деревни Пульницы Степан Дементьев и десятский деревни Подрябенье Ефим Си-

19. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 2391. Л. 282.

20. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 2400. Л. 106–106 об.

доров, который, согласно материалам следствия, «гнался за офицерами, причинял им побои, угрожал бросить [их] в воду и жечь их на соломе»²¹.

Через два дня после начала волнений в Сяеских рядках, 30 июня, начались беспорядки еще восточнее, в Пашском погосте. Там местные жители напали на губернского секретаря Дементьева, ехавшего из Олонца в Петербург. Крестьяне заподозрили Дементьева в том, что он «различными снадобьями отравляет людей и морит их холерой», обвиняя его также в том, что он находится «в заговоре с поляками, действует с ними заодно против них [крестьян]», что они «видели, как он ходил по погосту, бродил по хлебам и около ручьев и отравлял хлеб и воду, употребляемые ими [крестьянами]», «что он, когда ему сказали о их несчастье — холере, предлагал вылечить одну женщину, и что когда он получил отказ, в том семействе умерло пять человек» (Там же: 79–80).

Крестьяне, собравшись толпой, в поисках яда обыскали и раздели Дементьева, оставив его в одной рубашке, затем связали его. Крестьяне потребовали от него признать себя отравителем. Вероятно, он отказался, и крестьяне собрали «мир» и приняли решение пытать Дементьева. «Его привязали к столбу, подложили под него горящий костер и стали допрашивать». Также Дементьева «секли розгами, таскали за волосы по всей деревне, перетаскивали даже через мост на другой берег реки». Дементьев был спасен только приехавшими властями (Там же: 80–82).

На суде крестьяне заявили, что они напали на Дементьева «потому, что, во-первых, подозревали в нем виновника распространившейся между ними холеры, и во-вторых, за то, что слышали, будто в Петербурге бьют многих людей, называя их поляками и обвиняя их в том, что они морят людей» (Там же: 84).

Волнения в Олонецкой губернии

Спустя еще несколько дней начались волнения крестьян далее к востоку, в Сермакской волости Лодейнопольского уезда Олонецкой губернии. Там стали распространяться «слухи о том, что кидают яд по реке Оять, [крестьяне] перестали брать воду [из Ояти], начали брать [воду] из реки Свирь и из колодцев, состоящих за присмотром»²².

В это же время, по причине появления в волости холеры, там находились «командированные на место особо учрежденным комитетом попечитель [участка] чиновник 5-го класса Шлефохт, смотритель Мартынов, олонецкий уездный лекарь Чернявский, с ними старший ученик Яков Богданов, а потом прибыл туда по особому

21. РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 457. Л. 3.

22. РГИА. Ф. 1345. Оп. 106. Д. 20. Л. 9.

от гражданского губернатора поручению для учреждения карантин-советник уголовной палаты Шкалин»²³.

«5 июля, примерно в половину первого часа пополудни, крестьяне до 200 человек, собравшись в деревне Александровщина, произвели разные буйства, отобрали от уездного лекаря Чернявского аптеку, самого его связали, прибили и привязали к столбу, равно как находившегося при нем мальчика (вероятно, Богданова. — А. Е.)». Вскоре к столбу привязали крестьян Мялочкина и Макарихина за то, что они «уклонились от толпы», а также проходившего мимо писаря смотрителя судоходства — по неизвестной причине²⁴.

Среди народа ходили слухи, что «лекарства [даваемые Чернявским] вредные, [что] в них есть яд, от которого люди помирают, кроме тех, кого лекарь лечил по домам, и забранные в карантин люди все померли»²⁵. В числе «свидетелей» злодеяний Чернявского была местная крестьянка Петрова, которая, согласно материалам следствия, говорила крестьянам, что «сын ее умер от яда, данного лекарем, и что за это его, лекаря, нужно жечь»²⁶.

Крестьяне потребовали от Чернявского «пробовать те лекарства, которые у него были», а крестьянин Рязанов заявил Чернявскому, что «много вашей братии лекарей мошенников, и ты такой же мошенник, у нас проживаешь». Дошло до того, что Чернявскому угрожали «лишить его жизни» за то, что он «отравил ядом их умерших родственников». Подозрения крестьян по отношению к Чернявскому усилились, когда они после обыска у врача «между выброшенных книг увидели одну латинскую, [и] почли ее за польскую»²⁷.

Одной из причин беспорядков было недовольство населения карантинном: «Крестьяне говорили, что они отягощены в содержании карантинного караула и что у них как жены, равно дети и родственники заражаются холерой от прибывших судов и просили карантинны уничтожить»²⁸.

Еще спустя неделю, 13 июля, начались беспорядки далее к востоку, в Важинском погосте Олонецкого уезда. В тот день в деревню Скуратово прибыл оператор (хирург) Олонецкой врачебной управы Белопольский, чтобы затем отправиться на лодке по Свири в деревню Усланку для освидетельствования и помощи двум больным из Архангельской губернии, находившимся в обсервационном доме. Однако в то время на пристани «по неизвестной причине собралось немалое количество мужиков», которые, подойдя к квартире, занимаемой дворянским заседателем земского суда Борисовым, закричали, что «надо лекаря осмотреть, нет ли принес чего». Борисов

23. РГИА. Ф. 1345. Оп. 106. Д. 20. Л. 3.

24. РГИА. Ф. 1345. Оп. 106. Д. 20. Л. 3, 109–110.

25. РГИА. Ф. 1345. Оп. 106. Д. 20. Л. 9.

26. РГИА. Ф. 1345. Оп. 106. Д. 20. Л. 61 об.

27. РГИА. Ф. 1345. Оп. 106. Д. 20. Л. 110.

28. РГИА. Ф. 1345. Оп. 106. Д. 20. Л. 111 об.

вызвал на помощь из расположенной на другом берегу Свири деревни Лаптевщина попечителя по борьбе с холерой Петра Гакуцкого, и им удалось успокоить народ²⁹.

Но когда Белопольский вместе с Борисовым и другими должностными лицами пришли на пристань и отправились на лодках до Усланки, то из Лаптевщины показались плывшие на лодках крестьяне «в немалом количестве», которые закричали, чтобы врач и его сопровождающие никуда не отправлялись. Чиновники были вынуждены вернуться; на берегу их окружила большая группа агрессивно настроенных людей³⁰.

Крестьяне отказались признавать Белопольского врачом, обвинили его в том, что оператор «при проезде рекою Свирью на судне выше Важин на плесе лил какой-то яд в воду несколько бутылок и будто бы от того заболело у них на их стороне (другой берег Свири, относящийся к Лодейнопольскому уезду Олонецкой губернии. — А. Е.) три человека»³¹. Крестьяне потребовали у чиновников предъявить паспорта, заявляя, что «лекаря им не надобно» и что «карантины все сняты». Также они потребовали показать к осмотру все принадлежащие Белопольскому вещи и лекарства, включая личные вещи в чемодане. Их требования были выполнены, но это не успокоило народ. Они потребовали от Белопольского пить из найденных при нем бутылок, очевидно, с медикаментами. Белопольский был вынужден пить уксус из одной из бутылок³².

Все это не успокоило крестьян; один из них, житель деревни Мигуновской Петр Таранкин, «замеченный несколько в нетрезвом виде», вместе с другими мужиками кричал, что «все те лекарства и бутылки надобно закопать в землю, а лекаря не отпускать никуда, а убить или утопить»³³.

Борисов был вынужден опечатать ящик с лекарствами и одежду оператора и доставить их в волостное правление. Но и там пререкания продолжились. Возбужденные люди ломались в правление, требовали выдать им лекарства. Там же была заявлена и другая, помимо отравления, причина, по которой следовало задержать врача: вышеупомянутый крестьянин Таранкин, показывая на Белопольского, кричал, что «они на государя руки поднимали, их выпустить не надобно, а лекарства все закопать в землю»³⁴. В этом эпизоде Таранкин озвучил ходивший в то время в России слух о покушении на царя (Пупарев, 1885: 83–84; Панаев, 1870: 77)³⁵.

29. Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК). Ф. 655.

Оп. 1. Д. 1232. Л. 3–4.

30. НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 1232. Л. 4 об., 32.

31. НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 1232. Л. 32.

32. НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 1232. Л. 32 об.

33. НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 1232. Л. 32 об. — 33.

34. НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 1232. Л. 33.

35. ГА РФ. Ф. 109. Оп. 6. Д. 359. Л. 15.

С большим трудом Борису, с помощью вновь приехавшего Гауц-кого, удалось успокоить крестьян³⁶.

Согласно другой версии этих событий, рассказанной демьянским чиновником Соколовым в его воспоминаниях, крестьяне, услышав от Белопольского, что он «оператор», признали его «польским императором» и решили повесить, но врача спас исправник (Соколов, 1870: 189–190).

Главными виновниками беспорядков в Важинском погосте были крестьяне, входившие в сообщество лоцманов, проводивших суда через опасные пороги на реке Свирь. Можно предположить, что они, постоянно находясь в движении вдоль водных путей коммуникации, были хорошо знакомы со слухами, привезенными рабочими из Петербурга³⁷.

Вероятно, Важинский погост был последним эпизодом в рассмотренной череде волнений. Дальше на северо-восток никаких беспорядков источниками не зафиксировано.

За пять дней, с 26 июня по 1 июля, эпицентр беспорядков сместился на довольно большое расстояние: от Волхова до границ Олонецкой губернии. Скорость движения эпицентра волнений вполне соответствует скорости распространения слухов в условиях отсутствия современных средств коммуникации. Так, Ж. Лефевр, подробно исследовавший «Великий страх» 1789 года во Франции, показал, что скорость распространения слухов составляла до 50 км в сутки (Lefebvre, 1973: 155).

Факторы возникновения волнений

Можно выделить целый ряд факторов, разное сочетание которых в разных местах привело к массовым беспорядкам.

Первым фактором были слухи об отравлении и произошедших в Петербурге беспорядках. Слухи об отравлении могли возникать и независимо от событий в Петербурге, однако их активизация и переход их в опасное состояние были вызваны именно исходом рабочих из Петербурга. Они давали местным жителям пример того, как нужно поступать с «врагами» царя и отечества (см. эпизоды с Рокштулем и Дементьевым). Отсылка к событиям в столице легитимизировала действия людей в провинции. Слухи об отравлении и связанные с ними подозрения были важнейшим фактором во всех рассмотренных эпизодах волнений.

Вторым фактором было наличие удобных водных путей коммуникации (реки и каналы Мариинской системы), по которым люди и слухи могли быстро и беспрепятственно распространяться на большой территории. Этот фактор также действовал во всех рас-

36. НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 1232. Л. 34 об.

37. НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 1232. Л. 4 об., 7–9, 31 об., 40, 42.

смотренных случаях. При этом власти находились в безвыходной ситуации: свободное передвижение людей вызывало распространение слухов и массовые беспорядки, ограничение же передвижения создавало массовые скопления людей, которые тоже не означали ничего хорошего в плане общественного спокойствия.

Особенностью слухов об отравлении в Петербургской и Олонецкой губерниях было то, что, согласно им, злоумышленники отравляли воду именно в реках и каналах, а не в колодцах и прудах, как в Центральной России. Это можно объяснить как тем, что события происходили рядом именно с каналами и реками, откуда люди брали воду и которые были важнее для повседневного существования, так и тем, что в этом регионе слух об отравлении имел своим источником петербургские слухи, в которых, если верить Пржецлавскому, польские мятежники отравили именно реку — Неву, высыпая туда мышьяк в больших количествах с зафрахтованных кораблей (Пржецлавский, 1874: 695).

Третьим фактором были карантинные меры, которые, во-первых, сами по себе вызвали недовольство местного и пришлого населения, стесняя передвижение; во-вторых, через создание массового скопления недовольных людей формировали благоприятную среду для распространения старых слухов и возникновения новых. Карантинные меры были важным фактором во время беспорядков при устье Сяского канала и в Сермакской волости.

Четвертым фактором было массовое скопление людей в дни праздников. Известно, что в традиционном обществе граница между праздником и бунтом является подвижной, праздник может легко и быстро переходить в бунт (Чеканцева, 2012: 184; Озуф, 2003: 58–59). Этот фактор был важен для событий при устье Сяского канала (день Тихвинской иконы), а также, вероятно, в Сяских рядках (Петров день).

Пятым фактором было недоверие и трудности коммуникации между народом, с одной стороны, и врачами — с другой. Этот фактор проявился во время беспорядков при устье Сяского канала, где очевидным было недоверие населения к лекарю Штюцу, который, по его собственным словам, не знал русского языка³⁸, что затрудняло его взаимодействие с местными жителями. Также можно говорить и об общем недоверии населения к чужакам, проезжавшим через их селения. Это недоверие особенно обострилось летом 1831 года в период холерной «паники». Во время волнений в Сяских рядках крестьяне даже обыскивали комедиантов, задержанных по подозрению в отравлениях³⁹.

Шестым фактором было недоверие населения к самой медицинской инфраструктуре, сформировавшейся во время эпидемии холеры и противоэпидемических мероприятий. В условиях, ко-

38. ЦГИА СПб. Ф. 536. Оп. 9. Д. 2400. Л. 83.

39. РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 457. Л. 3.

гда широкие массы населения не верили в существование болезни и приписывали смертность отравлениям (холера, как известно, поражает желудочно-кишечный тракт, вызывая рвоту и диарею), сами предметы и субстанции, которые использовали врачи против холеры, вызывали негативные эмоции и агрессивную реакцию. В этой связи особенный страх у населения вызывали бутылочки с лекарствами, которые они видели у врачей и образованных слоев населения. Этот страх был настолько велик, что получил свое отражение в записанной много лет спустя быличке, согласно которой в холерный год мужик убил старуху-«холеру», начиненную пузырьками с ядом, который она пускала в деревенские колодцы (Попов, 1903: 20–21). Недоверие к медицинской инфраструктуре проявилось во время волнений при устье Сяского канала, в Сермакской волости и Важинском погосте.

Седьмым фактором были заявления людей, которые говорили о том, что они лично видели действия по отравлению (например, пономарь в Сяских рядках). Такие заявления, будучи по своей сути меморатами⁴⁰, немало способствовали распространению слухов. При этом сами эти мемораты были основаны на эпизодах острого поведения (Degh, Vazsonyi, 1983: 20; Архипова, Кирзюк, 2020: 57–59), когда люди, уже возбужденные слухами об отравлении, начинали видеть отравление в странных действиях подозрительных лиц. Любая манипуляция с неизвестной жидкостью или другой субстанцией могла вызвать подозрения в отравлении.

Можно сделать вывод, что изученные эпизоды холерных беспорядков, представляя собой последовательную цепь событий, были обусловлены целым рядом факторов и объединены общими подозрениями в отравлениях, которые были вызваны характерными для того времени слухами, распространяемыми преимущественно по водным путям сообщения. Данные волнения, при некоторых их локальных особенностях, являются составной частью общей холерной паники, охватившей европейскую Россию летом 1831 года, во время которой население искало подозреваемых в отравлениях.

Библиография

- Архипова А. С., Кирзюк А. А. (2020). Опасные советские вещи: городские легенды и страхи в СССР. М.: Новое литературное обозрение.
- Барабанова К. С. (2014). Первая холера в Санкт-Петербурге в 1831 г.: противоэпидемические мероприятия и отношение к ним горожан // Труды Института российской истории РАН. № 12. С. 130–144.
- Гессен С. (1932). Холерные бунты (1830–1832). М.: Издательство политкаторжан.
- Граф Аракчеев и военные поселения (1871). СПб.: Русская старина.

40. Меморат — разновидность легенды, при которой рассказчик передает известный сюжет как часть своего личного опыта (в противоположность фэбулату, при котором рассказ ведется от третьего лица).

- Евстафьев П. П. (1934). Восстание военных поселян Новгородской губернии в 1831 г. М.: Издательство политкаторжан.
- Каратыгин П. (1887). Холерный год. 1830–1831. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича.
- Озуф М. (2003). Революционный праздник: 1789–1799. М.: Языки славянской культуры.
- Панаев (1870). Рассказ инженер-подполковника Панаева // Бунт военных поселян в 1831 году: рассказы и воспоминания очевидцев. СПб.: Печ. В. Головина. С. 64–129.
- Полов Г. (1903). Русская народно-бытовая медицина. СПб.: Тип. А. С. Суворина.
- Пржецлавский О. А. (1874). Воспоминания. Очерки петербургской жизни // Русская старина. Т. 11. С. 665–698.
- Пупарев А. Г. (1885). Холерный месяц в С.-Петербурге // Русская старина. Т. 47. Кн. 7. С. 69–86.
- Соколов (1870). Рассказ чиновника в городе Демьянске Соколова // Бунт военных поселян в 1831 году: рассказы и воспоминания очевидцев. СПб.: Печ. В. И. Головина. С. 170–190.
- Чеканцева З. А. (2012). Порядок и беспорядок. Протестующая толпа во Франции между Фрондой и Революцией. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- Эйлер А. А. (1880). Записки // Русский архив. Т. 2. С. 333–399.
- Degh L., Vazsonyi A. (1983). Does the Word «Dog» Bite? Ostensive Action: A Means of Legend-Telling // Journal of Folklore Research. Vol. 20. № 1. P. 5–34
- Lefebvre G. (1973). The Great Fear of 1789: Rural Panic in Revolutionary France. N. Y.: Vintage Books.
- McGrew R. (1965). Russia and the Cholera, 1823–1832. Madison: University of Wisconsin Press.

Peasant unrest in the North-West of Russia in the summer of 1831

Alexander K. Egorov, PhD (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University. Lenin St., 33, Petrozavodsk, 185910; Research Fellow, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Pushkinskaya St. 11, Petrozavodsk, 185910.
E-mail: akegorov@yandex.ru

Abstract. The article considers the peasant unrest in the North-West of Russia during the cholera epidemic. In the summer of 1831, after the mass outflow of workers from Saint Petersburg due to the cholera riots, a wave of peasant protests swept through Saint Petersburg and Olonets provinces: local residents attacked doctors and government officials, accusing them of abusing power and of poisoning the people under the pretext of fighting the epidemic. Such peasant revolts caused serious concern to the authorities that paid special attention to the population behavior during the epidemic. The distinctive feature of the peasant unrest was a gradual shift of its epicenter to the east along waterways — rivers and canals of the Mariinsky system. Peasant revolts were caused by a combination of factors that had both a nationwide nature and local specifics. The first important factor was rumors of poisoning that spread throughout the Mariinsky water system and its surroundings from Saint Petersburg due to its cholera riots. The second important factor were waterways that allowed people and rumors to travel relatively quickly over long distances. The third important factor was social distrust to authorities, doctors and anti-epidemic measures. The peasant unrest was a part of Russia's cholera riots in the summer of 1831.

Key words: peasant unrest, epidemic, cholera, rumors, poisoning, panic, violence, communication, communication lines

- Arkhipova A.S., Kirzyuk A. A. (2020) *Opasnye sovetskie veshchi: gorodskie legendy i strakhi v SSSR* [Dangerous Soviet Things: Urban Legends and Fears in the USSR], Moscow: NLO.
- Barabanova K. (2014) *Pervaya kholera v Sankt-Peterburge v 1831 g.: protivoepidemicheskie meropriyatiya i otnoshenie k nim gorozhan* [The first cholera outbreak in Saint Petersburg in 1831: Anti-epidemic measures and their perception by townspeople]. *Trudy IRI RAN*, no 12, pp. 130–144.
- Chekantseva Z. (2012) *Poryadok i besporyadok. Protestuyushchaya tolpa vo Frantsii mezhdu Frondo i Revolyutsiei* [Order and Disorder. Protesting Mob in France between the Fronde and the Revolution], Moscow: LIBROKOM.
- Degh L., Vazsonyi A. (1983). Does the word “dog” bite? Ostensive action: A means of legend-telling. *Journal of Folklore Research*, vol. 20, no 1, pp. 5–34.
- Evstafiev P. (1934) *Vosstanie voennykh poseljan Novgorodskoj gubernii v 1831 g.* [Farming Soldiers Rebellion of 1831 in the Novgorod Province], Moscow: Izd-vo politkatorzhan.
- Gessen S. (1932) *Kholernye bunty (1830–1832)* [Cholera Riots of 1830–1832], Moscow: Izd-vo politkatorzhan.
- Graf Arakcheev i voennye poselenija (1871) [Count Arakcheev and Military Settlements], Saint Petersburg: Russkaja starina.
- Eyler A. A. (1880) Zapiski [Notes]. *Russky Arkhiv*, vol. 2, pp. 333–399.
- Karatygin P. (1887) *Holerny god. 1830–1831* [Cholera Year. 1830–1831], Saint Petersburg: Tip. M. M. Stasjulevicha.
- Lefebvre G. (1973) *The Great Fear of 1789: Rural Panic in Revolutionary France*, New York: Vintage Books.
- McGrew R. (1965) *Russia and the Cholera, 1823–1832*, Madison: University of Wisconsin Press.
- Ozouf M. (2003) *Revoljucionnyj prazdnik: 1789–1799* [Fete Revolution: 1789–1799], Moscow: Yazyki slavjanskoj kultury.
- Panaev (1870) Rasskaz inzhenera-podpolkovnika Panaeva [Story of the engineer-lieutenant-colonel Panaev]. *Bunt voennykh poseljan v 1831 godu: rasskazy i vospominanija ochevidtsev*, Saint Petersburg: Pech. V. Golovina, pp. 64–129.
- Popov G. (1903) *Russkaja narodno-bytovaja meditsina* [Russian Traditional Folk Medicine], Saint Petersburg: Tip. A. S. Suvorina.
- Przhetslavsky O. A. (1874) Vospominanija. Ocherki peterburgskoj zhizni [Memoirs. Essays on the Petersburg Life]. *Russkaja Starina*, vol. 11, pp. 665–698.
- Puparev A. G. (1885) Holerny mesyats v S.-Peterburge [Cholera month in Saint Petersburg]. *Russkaja Starina*, vol. 47, no 7, pp. 69–86.
- Sokolov (1870). Rasskaz chinovnika v gorode Demijanske Sokolova [Story of Sokolov, an official in Demjansk]. *Bunt voennykh poseljan v 1831 godu: rasskazy i vospominanija ochevidtsev*, Saint Petersburg: Pech. V. Golovina, pp. 170–190.

А. К. Егоров
Крестьянские волнения на Северо-Западе России летом 1831 года

Огнестойкое строительство в деятельности «губмелиоратора Платонова» (по материалам Государственного архива Воронежской области)

Н. В. Корниенко

Наталья Васильевна Корниенко, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН. 121069, Москва, ул. Поварская, 25 а. E-mail: natalkornienko@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена одному из постоянных сюжетов творчества А. П. Платонова, связанному с его участием в организации огнестойкого строительства в родной губернии писателя. Этот факт биографии воронежского периода жизни Платонова, работавшего в те годы губернским мелиоратором, был пропущен в хрониках и комментариях к собранию его сочинений. Впервые вводимые в научный оборот материалы из фондов Государственного архива Воронежской области рассказывают об истории становления огнестойкого строительства в губернии; этими вопросами губмелиоратор Платонов был вынужден заниматься в 1925 году. Данный важный блок деловой переписки А. Платонова 1920-х годов не только дает новый документальный материал для комментирования биографий любимых героев произведений Платонова (от «Эфирного тракта» до «Афродиты»), но и рассказывает еще об одной странице жизни будущего классика русской литературы, к которой он не раз затем возвращался в своей памяти и творчестве.

Ключевые слова: Платонов, биография, Воронежская губерния, огнестойкое строительство, подраздел мелиораций, переписка

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-1-54-74

Интерпретация и комментарий

Во многих произведениях Андрея Платонова, начиная с самых ранних, среди образов «старинного времени» — дореволюционной русской деревни — мы встречаем описание дома с соломенной крышей:

- рассказ «Память» (1922): «...деревня видна — куча хат, крытых внахлобучку тою же ржаной соломой» (Платонов, 2004а: 61);
- повесть «Город Градов» (1927): «...хаты, сделанные из глины, соломы и плетня» (Платонов, 2016: 117);
- роман «Чевенгур» (1927–1929): «Дворовые колодцы осохли, а на соломенных крышах изб зеленели рожь, овес, просо и шумела лебеда: они принялись из зерен в соломенных покрытиях»; «Избы пели от страшной, накаленной солнцем

тишины, а солома на крышах почернела и издавала тлеющий запах гари» (Платонов, 2021: 13, 30);

- повесть «Впрок» (1930): «...глиносоломенные избы мелкоимущественных бедняков» (Платонов, 2020а: 252);
- повесть «Котлован» (1930): «...живут в соломенных избушках»; «...лошади разбрелись — одна остановилась у соломенной крыши и начала дергать солому из нее» (Платонов, 2020а: 113, 130);
- рассказ «Кухонный мужик Советского Союза» (1930–1931): «...страна еще глиносоломенная» (Платонов, 2020b: 104);
- рассказ «Вся жизнь» (1940): «Здесь были поля, леса, соломенные деревушки, а в них жили печальные, бедные люди» (Платонов, 2011: 74).

Приведенный ряд образов «соломенных деревушек» в художественном мире Платонова можно продолжить, это традиционные для отечественной прозы образы-символы дореволюционной русской деревни.

Образы новой деревни, воссозданной в первой повести Платонова — фантастическом «Эфирном тракте» (1926–1927), выстраиваются как антитеза хаты/избы с соломенной крышей: «Деревня резко изменила свое лицо — вместо соломы, плетней, навоза, кривых и тонких бревен, в строительство вошли черепица, кирпич, толь, терризит, цемент, наконец, дерево, но пропитанное особым составом, делающим его несгораемым. Народ заметно потолстел и подобрел характером» (Платонов, 2016: 30).

Перечисленные в этом фрагменте строительные материалы созданы, конечно, не после революции, но в приведенном тексте они появились не случайно, а их список составлен со знанием дела. В художественном мире Платонова эти стройматериалы отчетливо закрепляют в памяти текста прежде всего ценностные детали биографии самого автора, которыми он наделяет своих любимых героев — «строителей страны». Так, важным этапом в биографии инженера-изобретателя Михаила Кирпичникова («Эфирный тракт») является его работа в черепичной мастерской, которая пришлась на юношеские годы жизни героя повести; это дважды отмечается в тексте как ценностная характеристика героя: «Как умный и честный человек, как выходец из черепичной мастерской...» (Платонов, 2016: 24, 28). В рассказе «Областные организационно-философские черки» (1928) тема несгораемых строительных материалов и черепичных мастерских включается в генеральный план развития деревни, как он виделся рассказчику и, добавим, самому Платонову: «По прошлой своей работе в провинции, а также из теперешней поездки я убедился, что в деревне, кроме коллективов, нужны в первую очередь землеустройство, мелиорация и огнестойкое строительство» (Платонов, 2020b: 15). Также во многом у автобиографического героя повести «Впрок» (1930), «душевного бедняка», одна из его профессий связана

с изготовлением черепицы: он «колодезный и черепичный мастер» (Платонов, 2020а: 53). В «Котловане» отдельный сюжет посвящен кафельно-изразцовому заводу, с которым связана дореволюционная часть биографии инженера Прушевского и рабочего Чиклина и в заброшенном здании которого нашла упокоение дочь хозяина завода, мать девочки Насти. В комментарии к повести Н. И. Дужинной указано на биографический подтекст данного образа: один из двух кафельных заводов в Воронеже располагался рядом с Чугуновским кладбищем, примыкавшим к Ямской слободе, где прошло детство Платонова (Платонов, 2020а: 542). Для нашей темы также важны материалы, которые производил этот завод, закрытый в 1920 году: помимо керамики это были огнеупорный кирпич и алебастр, важные строительные материалы. В планах строительства общепролетарского дома, который проектирует Прушевский, планируется использовать материал особой «надежности» (Платонов, 2020а: 87). Генетически структура образа «надежного» материала, да и самого дома, восходит к проекту Ивана Копчикова из «Рассказа о многих интересных вещах» (1923) использовать при строительстве «большевицкого» фантастического дома-сада пропитанные какой-то чудо-жидкостью «несгораемые» материалы: «Пожар, выходит, был не страшен большевицкому дому» (Платонов, 2004а: 260). В «Котловане» несколько раз отмечается, что строительство общепролетарского дома не закончено. И здесь не обойтись не только без реально-исторического и философского комментария, но и без внутритекстовой связи недостроенного дома с заброшенным кафельным заводом, ранее выпускавшим строительные материалы.

Окрашенные особой сердечной интонацией памяти детства и юности писателя темы «соломенных деревушек» и черепичных мастерских найдут развернутое описание в рассказе «Афродита» (1944), где, можно сказать, собраны и процитированы их основные сюжеты, мотивы и детали. В воспоминаниях главного героя рассказа «Афродита» полковника Назара Ивановича Фомина теме строительства черепичных мастерских в родной его губернии отведено особое и почетное место, напрямую связанное с работами Платонова по мелиорации (строительством колодцев, осушением болот) и электрификации сел губернии:

«Назар Фомин заведовал вначале сельским огнестойким строительством в районе; это считалось небольшой должностью. Но он воодушевился этой работой, он принял ее в свое сердце — не как службу, но как смысл своего существования, и он смотрел страстными глазами на впервые изготовленное в кустарной мастерской черепичное изделие; он погладил тогда первую черепичную плитку, понюхал ее и унес к себе в комнату, где жил, чтобы вечером и наутро еще раз рассмотреть ее — действительно ли она вполне хороша и прочна, чтобы на долгие годы лечь вместо соломы в кровлю сельских хат и тем сберечь крестьянские жилища

от пожаров. Он тогда же изучил статистику пожаров в своем районе по земским сведениям и рассчитал, что если черепица заменит соломенную кровлю, то крестьянство от одной экономии на убытках от огня может, например, через три года построить в каждом селе по артезианскому колодцу с обильной здоровой водой или еще что-либо, а в последующие три-четыре года можно на те же средства, спасенные черепицей от огня, построить местную электрическую станцию с мельницей и крупорушкой. От этих соображений Назар Фомин мог, не скучая, долго смотреть на черепичную плитку и думать о том, как ее сделать еще прочнее и дешевле, — черепица была тогда его чувством и переживанием, она заменяла ему книгу и друга-человека; позже он понял, что никакой предмет не может заменить ему человека, но в молодости ему хватало одного воображения человека. <...>

В начале своей работы Фомин делал черепицу для огнестойких покрытий; затем его обязанности увеличились, и вскоре он был избран заместителем председателя поселкового совета, а по действительному значению своей деятельности он стал главным инженером всех работ в поселке и в окружающем его районе» (Платонов, 2010: 347–349).

Приведенные образы и сюжеты из произведений Платонова прочитываются и могут быть интерпретированы в историческом контексте и контексте русской прозы о деревне второй половины XIX — первых десятилетий XX в. Выявленные в архиве материалы об организации огнестойкого строительства в Воронежской губернии переводят наши интерпретации сюжетов и образов огнестойкого строительства в плоскость реального комментария, наполняют их деталями истории страны, Воронежской губернии и личной биографии писателя. Как и другие сюжеты его прозы, восходящие к воронежскому периоду жизни (работы по электрификации губернии, борьбе с засухой и голодом, общественно-мелиоративным мероприятиям), сюжеты и образы, связанные с организацией огнестойкого строительства, благодаря архивным материалам обретают автобиографический статус. Материалы по огнестойкому строительству дополняют летопись жизни писателя еще одной страницей деятельности «губмелиоратора Платонова», нашедшей отражение в его творчестве.

Осмыслению этого архивного материала посвящена вторая часть нашей статьи. Материалы по огнестойкому строительству в Воронежской губернии за 1925 год отложились в фонде губернского земельного управления (ВГЗУ) Государственного архива Воронежской области (фонд Р-19) в делах всех уездов, а также в отдельных единицах хранения: «Материалы о восстановлении и развитии огнестойкого строительства в Воронежской области» (Оп. 78. Д. 12) и «Сведения и заявки на восстановление и новую организацию производства огнестойкого строительства по Воронежской губернии» (Оп. 78. Д. 32).

«...Это считалось небольшой должностью»

В подотдел сельскохозяйственных мелиораций Воронежской губернии, которым руководил Платонов, вопросы огнестойкого строительства были переданы в конце января 1925 года. До этого они в основном находились в ведении Губернского отдела коммунального хозяйства (Губкоммунхоза), хотя в фондах ГАВО отложились деловые бумаги по вопросам огнестойкого строительства уже осени 1924 года с визой заведующего мелиоративными работами Платонова. Губернский отдел коммунального хозяйства имел двойное подчинение — Губернскому исполкому (ГИК) и Главному управлению коммунального хозяйства (ГУКХ) НКВД. Это было серьезное ведомство, в ведении которого находился весь комплекс строительных предприятий губернии. В 1923 году вопросы огнестойкого строительства были переданы в Наркомат земледелия (Наркомзем, НКЗ), где создается особый орган по развитию огнестойкого строительства в деревне — «Бюро огнестойкого строительства», однако все строительные предприятия (цементные заводы, черепичные мастерские) оставались в ведении Губкоммунхоза. Как следует из циркулярного письма НКЗ «О работе по сельскому огнестойкому строительству» от 2 января 1925 года, направленного в адрес Губземуправлений страны («Уполномоченному НКЗ, областным и губернским Земуправлениям»), по итогам первого года работ по восстановлению огнестойкого строительства (это 1924 год) Воронежская губерния оказалась среди губерний, в которых «ничего не сделано», то есть на последнем месте. Распоряжение НКЗ предписывало срочно исправить эту ситуацию: формировать кадры умелых мастеров; «провести энергичную борьбу против постройки и ремонта соломенных крыш»; «развить» в деревне пропаганду огнестойкого строительства и организовывать товарищества («правильно поставить дело огнестойкого строительства с возможно полным удовлетворением всех запросов с/населения возможно только через само население»), а Губернским земельным управлениям (ГЗУ, ГУБЗУ) «немедленно приступить к составлению перспективного плана работ по восстановлению и развитию сельского огнестойкого строительства в губернии»; разработанный план внести на утверждение Губплана — не позже 1 марта, копию с заключением Губплана представить в НКЗ и т.д. На циркуляре имеется распоряжение руководителя ГЗУ, датированное 21 января: «Мелиорация / т. Платонову / Разработать доклад и внести его Технической комиссии. Предварительно связаться с Госстрахом».

Платонов в эти дни был занят подготовкой к Саратовскому краевому совещанию по общественно-мелиоративным работам, поэтому оставляет на этом документе свой автограф — распоряжение своим заместителям по подотделу с.-х. мелиораций:

«Доложить мне по приезду из Саратова.

АП

25/І 25»¹.

30 января — 2 февраля Платонов участвует в работе Саратовского краевого совещания по общественно-мелиоративным работам, выступает с докладом на вечернем заседании 30 января (Антонова, 2016: 456).

По возвращении из Саратова ему предстояло решать поставленные задачи по *новому направлению* порученной его подотделу работы. Общим вопросам ее организации посвящена его докладная записка, представляющая краткую историю огнестойкого строительства в Воронежской губернии и его современное состояние. Документ не датирован; нами датируется условно началом февраля 1925 года:

«ЗАВЕДУЮЩЕМУ ГУБЗЕМУПРАВЛЕНИЕМ
 Губмелиоратора А. П. ПЛАТОНОВА

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Огнестойкое строительство в Воронежской губернии являлось и является одной из насущных потребностей населения и данного положения доказывать не приходится, достаточно лишь указать, что одним из главных факторов является, с одной стороны, отсутствие лесного строительного материала, а с другой, обилие на местах ископаемого сырья для нужд огнестойкого строительства.

Уже в восьмидесятых годах само население учло необходимость применения ископаемых богатств, применяемых в огнестойком строительстве, создавая по своей инициативе мастерские кустарного типа.

Параллельно с этим, вопросом огнестойкого строительства заинтересовалось и бывшее Министерство Земледелия, результатом чего было учреждение особого П/отдела по огнестойкому строительству, поставившему в конце концов это дело на должную высоту.

В Воронежской губернии огнестойким строительством занялось бывшее Губернское Земство и в результате развернуло к 1914 году работу по всей губернии, открыв до 14 шт<ук> показательных мастерских и до 45 мастерских, частью постоянных и частью передвижных с количеством станков от 1-го до 2-х.²

1. Государственный архив Воронежской области (далее — ГАВО). Ф. Р-19. Оп. 78. Д. 12. Л. 36–36 об.

2. Вопросы огнестойкого строительства регулярно рассматривало Губернское земское собрание. Материалы доклада по огнестойкому строительству за 1915 год и принятые земством решения по расходам и ассигнованиям на это направление показывают, что выделялись ссуды на строительство новых заводов и мастерских, на подготовку кадров («содержание 4 стипендиатов в школе огнестойкого строительства»); на показательные постройки; на выпуск специальной литературы и журналов; на содержание технического персонала. С каждым

Организация передвижек объясняется тем, что спрос населения на изделия по району действия мастерских далеко превышал их производительность и поэтому в целях пропаганды и хотя бы частичного удовлетворения спроса вызвало необходимость устройства передвижек.

С начала империалистической войны развитие огнестойкого строительства естественно остановилось и в конце концов замерло, ожидая умелого и любящего это дело вдохновителя.

Уже в 1921 году Центром было обращено внимание на упадок огнестойкого строительства и необходимость его восстановления и дальнейшего развития, почему Наркомземом был выделен, хотя и недостаточный, особый фонд на пропаганду, была выпущена серия разного рода плакатов и воззваний под редакцией и общим руководством знатока этого дела т. БЕЛОВЕНЕЦА³.

Из выше приведенного краткого очерка уже ясно видно громадное значение и насущная потребность в восстановлении и упорядочении огнестойкого строительства вообще, а для Воронежской губернии, в частности, ввиду отсутствия леса, остро нуждающейся в дешевом и прочном строительном материале.

Для надлежащей постановки этого дела, считаю необходимым организацию при Мелиоративном П/отделе секции по огнестойкому строительству с приглашением для руководства 2-х специалистов, предусмотренных по штату и оплачиваемых из §1 ассигнований.

В развитие целесообразности данного положения считаю необходимым обратить Ваше внимание на следующее: со дня революции и по настоящее время уже созданные в свое время мастерские по выработке огнестойких строительных материалов, претерпевали и претерпевают целый ряд перебросок от одного учреждения к другому в поисках действительно заинтересованного в поднятии общего уровня благосостояния сельского хозяйства учреждения, и естественно таким учреждением является Губземуправление, т.к. ни ГСНХ⁴, на учете которого до последнего времени значились эти мастерские, ни ГОКХ⁵, принявшие большую часть этих мастерских, не поставили да и не могли поставить работу этих мастерских, преследуя исключительно цели извлечения от их эксплуатации только прибылей, и также идейная незаинтересованность привела к тому, что большая часть

годом росли цифры выработанной в губернии черепицы (Огнестойкое строительство // Воронежский телеграф. 1916. 26 января. С. 2. Раздел: Местная хроника).

3. Белавенец Митрофан Иванович (1874-?) — специалист по глиноведению, с 1897 был владельцем и управляющим кирпичных и черепичных заводов; с 1902 года публиковал статьи, брошюры, плакаты по теме огнестойкого строительства; на 1924 год приходится большая серия подготовленных им плакатов и брошюр.
4. ГСНХ — губернский совет народного хозяйства, орган ВСНХ.
5. ГОКХ — губернский отдел коммунального хозяйства.

(до 80%) мастерских бездействует и постепенно разрушается, а только несколько сданы в аренду выгодно для сдатчика, но создавших условия сильного вздорожания продукции, зачастую до цен недоступных беднейшему крестьянству и даже середняку, с завистью глядящих на своего более зажиточного односельчанина.

Подтверждать данное положение примерами заняло бы много времени и места, достаточно лишь сказать, что иллюстрационные материалы имеются в делах любого УМХ⁶, где можно видеть отказы населению в сдаче или в аренду мастерских по мотивам неприемлемости предлагаемой населению арендной платы за эксплуатацию последних.

На основании приведенного полагаю, что дальнейшее промедление и оттяжка в организации дела огнестойкого строительства приведет к его полному упадку, тогда как это дело является одним из факторов поднятия общего уровня благосостояния сельского населения.

Губмелиоратор (ПЛАТОНОВ)»⁷.

По докладной Платонова принимается решение на уровне Губисполкома, о котором на страницах губернской газеты подробно рассказывал заместитель заведующего Губземуправления В. А. Симончик, отметив, что принято решение пригласить не двух, как просил Платонов, а одного специалиста по огнестойкому строительству⁸.

10 и 11 февраля в «Воронежской коммуне» печатается объявление ГЗУ о приеме на работу в отдел с.-х мелиораций ГЗУ специалиста по огнестойкому строительству (Антонова, 2016: 458).

12 февраля в уезды — гидротехникам и инженерам — отправляется следующее распоряжение губмелиоратора Платонова: «ГЗУ, восстанавливая сельское хозяйство, огнестойкое строительство в губернии, стремится в это дело втянуть само население путем организации в кооперативные товарищества.

Поэтому ГЗУ предлагает Вам при организации Мелиоративных товариществ вводить в уставы, их задачи, и огнестойкое строительство.

Эти задачи... больше привлекут население к организации означенных товариществ»⁹.

Деловая переписка губмелиоратора за февраль свидетельствует, что Платонов при всей своей колоссальной занятости на обществено-мелиоративных работах держит под своим личным контролем вопросы организации огнестойкого строительства, лично решает вопрос отношений с Губкоммуналделом,

6. УМХ — уездное мелиоративное хозяйство.

7. ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 78. Д. 12. Л. 16–17.

8. Симончик. Об огнестойком строительстве в крестьянском хозяйстве // Воронежская коммуна. 1925. 11 февраля. С. 2.

9. ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 78. Д. 12. Л. 1.

о чем свидетельствует, в частности, записка его заместителя С. И. Старикова в Воронежский коммунотдел от 20 февраля: «Вопрос по огнестойкому строительству разрешен лично Губмелиоратором тов. ПЛАТОНОВЫМ в Губкоммунотделе»¹⁰. Это оказался один из наиболее сложных вопросов, без решения которого нельзя было вести организацию огнестойкого строительства.

До 1925 года и даже в 1925 году черепичные мастерские находились в ведении Губкоммунхоза, сопротивляющегося передаче своей собственности другому хозяйству. Подотдел с.-х. мелиораций был крайне заинтересован в передаче ему предприятий по производству материалов для огнестойкого строительства, весьма важных и в проведении общественно-мелиоративных работ.

14 февраля датирован циркуляр Губземуправления по кадровым вопросам, сформулированным в документах НКЗ; под ним также имеется подпись «Губмелиоратора Платонова»:

«Губземуправление, приступая к восстановлению дела огнестойкого строительства в губернии, находит необходимым привлечь к выполнению этой работы подготовленных в дореволюционное время специалистов огнестойкого строительства — техников, мастеров и постоянных рабочих.

Поэтому необходимо теперь же озаботиться выяснением сохранившегося на местах контингента таких лиц и располагать полными сведениями об этих специалистах огнестойкого строительства. <...>

Губземуправление просит Уземуправление и Упрофбюро взять на учет всех техников, мастеров и рабочих по огнестойкому делу в уезде и сведения эти прислать в Губзбу не позже 1-го марта.

Сведения сообщать по следующей форме»¹¹.

К письму был приложен образец формы, по которой сведения о специалистах должны быть представлены в ГЗУ; форма включала следующие разделы: ФИО, место жительства, специальность, где и когда окончил курс по специальности огнестойкого строительства, практический стаж, место службы в настоящее время.

С марта на документах по огнестойкому строительству появляется подпись инженера-архитектора Вл. П. Кондратьева, который теперь в подотделе мелиораций будет отвечать за это направление работы. 20 марта датирована деловая записка в губзеуправление с предложением по формированию штата нового подразделения подотдела мелиораций, подписанная Платоновым (автограф подписи) и Кондратьевым. В первом пункте записки ставится вопрос о связи мероприятий по огнестойкому строительству с губернской программой расселения: «По смете на аппарат по строительству при расселении Комиссией

10. ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 78. Д. 12. Л. 2.

11. ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 78. Д. 27. Л. 42.

Губисполкома утвержден штат в 9-ть техников по одному на уезд за счет Госбюджета по 100 руб. в м<еся>ц»¹².

Упомянутое расселение входило в государственную программу решения вопроса землепользования, по которой на выделенных землемерами землях строились новые поселки для переселенцев. Подотдел мелиораций предлагал использовать штат, выделенный на расселение, при строительстве в новообразованных поселках огнестойких домов и других противопожарных строений.

Подпись Кондратьева встречается почти на всех документах по огнестойкому строительству, а их было подготовлено немало: разнообразные планы на ближайший год и на 10 лет, сметы расходов, пояснительные записки, отчетные материалы, переписка с земельными отделами уездов и с сельскими товариществами, визы на письмах из уездов и т.п.

Платонову, погруженному в проведение общественно-мелиоративных работ, было важно иметь на этом участке подотдела хорошего специалиста и человека, которому он мог доверять. О дружеском характере отношений, сложившихся между губмелиоратором и заведующим огнестойким строительством, может служить и сентябрьское письмо в контору Гостехиздата за подписью Платонова и Кондратьева — со списком необходимых подотделу мелиораций современных научно-технических журналов: «Электрификация» (ежемесячный журнал; орган Научно-технического управления ВСНХ СССР, выходил с 1923 г.), «Вестник инженеров» (научно-технический журнал, орган Всесоюзной ассоциации инженеров (ВАИ), выходил с 1915 г.), «Инженерный труд» (научный журнал, орган Всесоюзного межсекционного бюро инженеров и техников ВЦСПС, выходил с 1925 г.), «Наука и техника» (популярный научно-технический журнала, выходил с 1922 г.), «Строительная промышленность» (орган ОНТИ-Госстройиздата, выходил с 1923 г.) и др.¹³.

В подотделе к марту, как того и требовал циркуляр НКЗ от 2 января, был подготовлен план по огнестойкому строительству. 4 марта Платонов присутствует на заседании Технической коллегии Губмелиозема¹⁴, на котором обсуждался «проект перспективного плана работ по восстановлению и развитию огнестойкого строительства». В докладе подотдела мелиораций и принятом по нему постановлении отражена общая, весьма драматическая ситуация, сложившаяся в губернии с вопросами огнестойкого строительства. Это видно из сопоставления приведенных следующих данных по Воронежской губернии:

12. ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 78. Д. 27. Л. 122.

13. ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 78. Д. 8. Л. 332.

14. Губмелиозем — Губернский отдел землеустройства и мелиорации.

«До войны и 1917 г. — в деле огнестойкого строительства по губернии обращалось оборотного капитала -----
----- 6.000.000 р.

Оборудованных и действующих кирпичных заводов было ----- 18.

Оборудованных и действующих черепичных мастерских -----27.

Крестьянин был сыт и кредитоспособен.

Ныне же крестьянин разорен и войнами, и неурожаем, и некредитоспособен до того, что снимает железную крышу с хаты и везет ее на базар, заменяя железо соломой.

Кирпичных заводов действует только ----- 2

и ни одной черепичной мастерской.

Оборотного капитала на первый год трудно ожидать более 50.000 рублей, т.е. — менее 1/100 прежнего.

Предполагая, что в течение 25 лет будет отпускаться на кредитование огнестойких построек по 50.000, ссудный капитал возрастет до 1.500.000 рублей (считая нарастание процентов) и это даст только ¼ часть довоенного оборотного капитала 6.000.000 рублей.

В губернии расположено до 544000 крестьянских дворов при средней оценке в 500 рублей двор со службами.

Стоимость всех дворов — 277.000.000, переустройству подлежит половина, т.е. на сумму 135.000.000 р. или, распределяя работу на 25 лет, следовало бы затрачивать по 5.000.000 руб. ежегодно.

Это доказывает, что средства и размер специального ссудного капитала по огнестойкому строительству должен быть весьма значительным и увеличиваем ежегодно и в большой прогрессии, т.к. надо перестроить не 40 дворов, как намечено в перспективном плане, а почти полмиллиона дворов в губернии, где в одном 1924 году выгорело 2200 дворов.

Разница между настоящим и прошлым колоссальная, а цель достижений осталась та же и даже увеличилась, а потому подход к разрешению вопроса должен быть предельно осторожен и ни одна кровная копейка государственных денег, собираемых с того же крестьянина, не должна быть израсходована ошибочно, непроизводительно, или еще тем хуже бестолково растратчена, а посему прилагаемый план работ по максимальной программе будет выполнен только тогда, когда организация дела поднимется на достаточную высоту, и когда крестьянство выйдет из состояния экономического кризиса последних лет, усугубившихся двухлетним неурожаем»¹⁵.

В уездах организацию работы по огнестойкому строительству курировали земельные отделы (УЗО), а отвечали за ее исполнение

15. ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 78. Д. 27. Л. 54–54 об.

уездные мелиораторы, которым и поручалось организовать или содействовать организации местных товариществ огнестойкого строительства; об этом прямо говорилось в цитируемом документе «Осведомить всех уездных мелиораторов о программе деятельности огнестойкого строительства Губзу, с предложением осуществить ее путем содействия и пропаганды организации кооперативных товариществ О. С. С. на местах»¹⁶.

В эти же мартовские дни на Техническом совещании ГЗУ был заслушан доклад подотдела с.-х. мелиораций о перспективном плане работ по восстановлению и развитию огнестойкого строительства в Воронежской губернии на 1925 год. От подотдела на совещании присутствовали заместитель губмелиоратора П. А. Солдатов и архитектор В. П. Кондратьев. 20 марта Платонов участвует в заседании Технической коллегии Губмелиозема (Антонова, 2016: 459); эта же дата и подпись Платонова проставлена на документах, подготовленных для отправки теперь уже в Управление НКЗ, это — «Проект перспективного плана работ по восстановлению и развитию мероприятий Сельского Огнестойкого Строительства в Воронежской губернии на 1925 операционный год с пояснительной запиской к нему»¹⁷.

«Надлежащие мероприятия» по огнестойкому строительству

Первые документы об организации в уездах товариществ огнестойкого строительства датируются мартом 1925 года. Это присланные в подотдел мелиорации протоколы общих собраний новостроящихся поселков, подтвержденные, как и положено, председателем сельсовета, и письма в самые разные инстанции. Документы интересны своим рассказом об одной из страниц жизни деревни середины 1920-х годов, свидетельством, как принятые в самых высоких инстанциях решения претворялись в жизнь, и конечно, стилем изложения, в котором соединяются, никак не согласуясь между собой, бюрократические штампы, лирика и эпика. Главными темами народных ходатайств была тема «отпуска кредита для постройки огнеупорных зданий»; просили подотдел составить смету самых дешевых огнеупорных зданий и ходатайствовать о выделении кредита «с рассрочкой от 10 до 15 лет, иначе поселок ни в коем случае не сможет, ввиду того что поселок состоит из беднейшего крестьянства, а также во владении поселка лесов совершенно не имеется»¹⁸. А вот биография одного из поселков, присланная в подотдел вместе с выпиской из протокола общего собрания:

16. ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 78. Д. 27. Л. 57.

17. ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 78. Д. 27. Л. 35.

18. ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 78. Д. 12. Л. 99.

«В ГУБЗО

От Уполномоченных поселка Сухой Лог и Председателя Мелиоративного Общества «ЖИВОЕ ДЕЛО»

Объяснительная записка о биографии поселка

Поселок наш состоит из 60 домохозяев<, > в коих имеется 300 едоков, поселок этот выселяется из села Сухого-Донца на свое поле, которое расположено от села в 15 верстах, переселение производится путем землеустройства, на весну 1925 года поселок должен приступить к переселению; в поселке каждый домохозяин состоит членом мелиоративного общества под названием «Живое дело»; в поселке имеется живого инвентаря: волов восемь (8) пар, лошадей 5 шт<ук>, коров — 20 шт<ук> <,> в общем мелкого скота 30 шт<ук> и мертвого инвентаря в общем имеется также в недостаточном количестве <,> поселок находится <от> ближайшей станции Чертковой и Кантемировой¹⁹ в 90 вер<стах>. На месте расположения поселка имеются следующие материалы для устройства — песок и глина для выработки кирпича и также камень имеется разного качества. Специалисты имеются как по клаже кирпича<, > также по выработке такового. Материал для извести таковой имеется от расположения поселка в 15 верстах, специалисты по выработке извести таковые имеются. Что касается леса<, > имеются вербы в общественном пользовании с селом Сухим Донцом, но что же касается крыши<, > огнеупорных как-то: черепицы и железа <для> крыши<, > таковые вблизи заводов не имеются, а посему просим на этот счет, как-то<, > например<, > крыши, просим объяснить откуда можно приобрести таковую и настоящим просим Губзо не задержать нашу переписку и просим дать точные пояснения по адресу Воронежской губернии Богучарского уезда Монастыршенской вол<ости> с. Сухого-Донца уполномочен<ному> поселка Сухой Лог.

Уполномоченный поселка (ФЕДОРОВ)

Предправления Мелиоративного Товарищества [подпись]

16/III-25г.

Подписи уполномоченного поселка и Предуправления Сухой-Донецкий С. Совета свидетельствует

Предсельсовета [подпись]

Секретарь [подпись]

Место печати»²⁰.

По присланным документам в подотделе составляется ходатайство (на бланке подотдела, с датой 25 апреля) о выделении поселку кредита. В подотдел также спускались ходатайства из уездов о получении кредитов, отправляемые руководству ГЗУ; но именно подотделу приходилось объяснять крайне неблагоприятную ситуацию с финансированием открытой кампании огнестойкого

19. Правильно: станции Чертково и Кантемировка.

20. ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 78. Д. 12. Л. 98.

строительства. Вот, к примеру, некоторые пункты из письма за подписями Платонова и Кондратьева, составленного как ответ на ходатайство поселка «Путь новой жизни» из Усманского уезда:

1) «...Вспомогательные кредиты на выработку цементной черепицы будут открыты... не ранее 20 сего апреля, когда ожидается получение сумм по этой статье из Центра»;

2) «При этом Губзу предупреждает, что кредит на всю Воронежскую губернию открыт в сумме 28000 р., из коих на мероприятия подобные Вашим будет разассигновано только одна треть, т.е. 9000 р., что при наличии 30 уже имеющихся заявок дает вероятно незначительное пособие»;

3) «Губзу ходатайствует в настоящее время о расширении кредитов»;

4) «ГЗУ просит Вас дополнить Ваше отношение сведением, от кого приняли Вы Вашу мастерскую и дать сведение об оборудовании и где находится та мастерская, из коей Вы полагаете сделать позаймствование станков, кому она принадлежала до 1917 г. и в чем ведении и как охраняется в настоящее время»²¹.

В письме в Губисполком (копия в Губплан) от 8 апреля, также подписанного Платоновым и Кондратьевым, указывалось на еще один бич этой кампании — ведомственную неразбериху. Оказалось, что «перспективные планы огнестойкого строительства» разрабатываются комиссиями трех ведомств — сельскохозяйственной секции (профсоюзы), Коммунохозяйства (НКВД), межведомственной комиссией губплана; каждая из комиссий представляла и отстаивала свой проект плана:

«Некоторые аналогичные соображения всех трех проектов разработаны в прямо противоположных направлениях, а по сему Губземуправление, во избежание дальнейшей несогласованности работ трех комиссий ходатайствует перед Губисполкомом, для успеха дела, — объединить их работу — в одну Комиссию, дополнив состав ея Представителем Инспекции Сельскохозяйственного Банка в лице Заведующего делом субсидирования мероприятий Огнестойкого Строительства»²².

17 апреля газета «Воронежская коммуна» в постоянном разделе «По нашему краю» дала два материала. В первой статье, основанной на материалах подотдела мелиораций, представлена общая, весьма драматическая, картина. Сообщалось, что в настоящее время в губернии нет ни одного действующего кирпичного завода против 18 до революционных, и ни одной черепичной мастерской против 18 до революционных. Не менее впечатляющей выглядела и общая ситуация с пожарами в губернии:

«Горимость в губернии значительная: в среднем в год у нас выгорает не менее 2.200 крестьянских дворов, при средней стоимости

21. ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 78. Д. 12. Л. 23.

22. ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 78. Д. 12. Л. 81, 82.

двора со всеми службами в 700 р. — убыток, приносимый пожарами, достигает ежегодно 1.500.000 руб. Причем обычно крестьянин после пожара разоряется, т.к. страховая премия по губернии не превышает 120 р. на двор»²³.

Заменить соломенные крыши на черепичные, запустить производство огнестойких материалов — о первых результатах этой работы речь шла в опубликованной в этом же разделе газеты небольшой заметке (с символической подписью: *Крестьянин*) о павловской черепице и планах открыть цементный завод в с.-х. коммуне Карла Маркса. Это была одна из старейших коммун губернии, в апреле отмечавшая свое пятилетие.

Письмо в Москву, в Бюро сельского огнестойкого строительства отдела мелиорации Наркомзема, от 30 апреля за подписями заведующего ГУБЗУ (губернского земельного управления) Н. Д. Архипова, губмелиоратора Платонова и специалиста Кондратьева свидетельствует, что ситуация с организацией огнестойкого строительства в губернии была просто катастрофической; причины были все те же: отсутствие должного финансирования и нерешенность вопроса передачи мастерских и заводов из ведения подразделения НКВД — Госкоммунхоза в подотдел мелиораций ГЗУ. Отношениям с последним учреждением посвящено 6 пунктов письма:

«...В ведении Воронежского Губкомхоза находится в настоящее время разбросанных по губернии — 26 мастерских цементной черепицы, со 136 станками, каковые Губзу и предполагало принять в свое распоряжение, но встретило сопротивление в вышеуказанном циркуляре НКВД²⁴»;

«Все черепичные мастерские в 1924, 1925 г. и до сего дня бездействуют»;

«В 1923 году Губкомхозом было пущено в ход 8 мастерских и выработано 165.000 штук черепицы, каковая лежит до сих пор не проданная в силу ее дороговизны — 60 р. за тысячу себестоимости (довоенная цена была в среднем 25 р.), население губернии вообще не обладает покупательной способностью в силу неурожая»;

«В текущем 1925 году, хотя цена цемента снизилась с 7 р. 60 к. до 6 р. 70 к. за бочку в Воронеже (приходится выписывать из Новороссийска или ст. Амвросиевки) — все же вырабатывать цементную черепицу нецелесообразно, и Губзу изыскивает способ развить выделку гончарной черепицы, цена коей будет ниже цементной на 30%»;

«Воронежский Губкомхоз в течение 1925 г. пускать в действие производства цементной черепицы не предполагает».

23. М. Н. Сельское огнестойкое строительство // Воронежская коммуна. 1925. 17 апреля. С. 2. Раздел: По губернии.

24. Речь идет о ГУКХ, которое входило в НКВД.

Письмо заключало предложение, направленное на решение вопроса стройматериалов, необходимых для проведения как мероприятий огнестойкого строительства, так и мелиоративных работ:

«С постройкой собственного Губернского Цементного завода, проектируемого Губзу, или при снижении до довоенной нормы цены портландского цемента, изделие черепицы из цемента должно быть восстановлено, и передача мастерских в распоряжение Губзу будет желательна»²⁵.

Подотделу мелиораций, которому поручили отвечать за организацию огнестойкого строительства в губернии, приходилось одновременно и постоянно, с одной стороны, напоминать уездным мелиораторам, что они ко всем своим прежним работам в уезде еще отвечают за огнестойкое строительство (так, к примеру, 4 мая за подписью Платонова и Кондратьева циркуляр НКЗ от 2 января отсылается «Всем «Умелиораторам» — «для сведения и исполнения»²⁶); с другой, выяснять свои непростые отношения с другими подразделениями ГЗУ (подотделами землеустройства, агрономии, расселения), Губпланом и Госкредитом, все с тем же Госкоммунхозом, который по старой памяти органа НКВД претендовал не только на строительные предприятия, но и на выделяемые на огнестойкое строительство финансовые кредиты.

При этом вышестоящие органы требовали от подотдела регулярных отчетов по выполнению плана. 26 мая на заседании Президиума Губиполкома вопрос «неотложности энергичного проведения в жизнь мероприятий огнестойкого строительства» докладывал член Губплана И. Е. Гребеник²⁷.

Вот фрагменты из доклада-отчета Губзу за подписями заместителя заведующего ГЗУ А. А. Авилова, Платонова и Кондратьева от 2 июля в Губплан, с объяснением общей ситуации и отношений, сложившихся между Губзу и Госкоммунхозом:

«Губземуправление обращает внимание на бесспорность следующих основ сельского строительства, каковые зародились в практике настоящей деятельности Губзеуправления, и им же проводятся в жизнь как факторы непосредственно окружающие быт нашего сельскохозяйственного производителя-крестьянина.

...Начнем с начала образования села, т.е. первоначальное выселка, — эти выселки растут как грибы — развитие их количественно загружает целое делопроизводство Губзу.

Губзеуправление через посредство своих агентов отмежевывает для выселков землю, выбирает и намечает места усадебных дворов, местные землеустроители и агрономы, будучи на месте

25. ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 78. Д. 12. Л. 95.

26. ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 78. Д. 12. Л. 88.

27. ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 78. Д. 12. Л. 111.

распланированного селения, будучи окружены заинтересованными крестьянами, дают им советы и руководят всеми их запросами на почве их строительства, как скотных дворов, зернохранилищ, так и жилища — и эту деятельность агенты Губзеуправления понимают как свою служебную обязанность.

Было бы странно думать, что агроном или землеустроитель, отмежевав площадь для селения, предложил бы крестьянам для дальнейшего строительства их дворов и построек искать нередко за 50 или 80 верст представителя Губкомхоза, для дальнейших деталей планировки села. <...>

Все запросы с мест о восстановлении прежних производств огнестойких материалов, об их руководстве и кредитовании поступают непосредственно в Губземуправление.

Руководство делом сельского строительства в настоящее время оказывает Мелиоративная Часть Губзу, имеющая специальный орган огнестойкого строительства, в лице одного инженера и одного профессора по исследованию полезных ископаемых, 9-ти Уездных Мелиораторов с их помощниками.

Губземуправлением налажено производство в 2-х цементных мастерских колодезных колец и черепицы в Богучаре и Острогжске с достаточным штатом рабочих и запасом цемента»²⁸.

18 — 20 июля проходило масштабное мероприятие — Губернское мелиоративное совещание, под председательством Платонова. Первым в повестке совещания стоял вопрос по общественно-мелиоративным работам («Доклад уездных мелиораторов о ходе, состоянии общественно-мелиоративных работ, их ликвидации и видах на будущее мелиораций в уездах»), вторым — «Доклад об увязке мелиоративных мероприятий с землеустройством», третьим — доклад Кондратьева по огнестойкому строительству. Общая ситуация с огнестойким строительством в губернии была представлена в выступлении Кондратьева вполне объективно:

«Воронежская губерния в пожарном отношении весьма неблагоприятна — только 12% сельских строений покрыты огнеупорными материалами, остальные 88% соломой. В то же время губерния очень бедна лесом: на общую площадь территории губернии приходится всего 6,7 % леса, когда в северной части Республики свыше 50 %, а на юге 11 % леса. Отсюда понятно, как важно для нашего крестьянства создание огнестойких построек. Пригодный сырой материал (глина), камень, у нас в губернии имеется в достаточном количестве. Некоторая остановка за цементом: привозной «портладский» цемент сравнительно дорог, а потому удобнее было бы усилить производство местного цемента»²⁹.

28. ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 78. Д. 12. Л. 111–112.

29. Протокол заседания Воронежского губернского совещания. Машинопись с правкой Платонова // ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 77. Д. 44. Л. 28 об. Документ

Платонов внимательно читал стенограмму выступления инженера Кондратьева, о чем свидетельствует его правка текста и запись на полях:

«Добавить на 5–8 строк о возможности производства цемента из мест<ных> цем<ентных> мергелей без особых затрат» (Андрей Платонов, 2013: 210).

В принятой по докладу Кондратьева резолюции отмечалась громадная роль и государственное значение огнестойкого строительства деревни, подчеркивалось, что основная работа в этом направлении закрепляется и выполняется Мелиоративной частью ГЗУ (Там же: 221).

В публикуемых «Воронежской коммуной» 22–26, 28 июля (с. 3) материалах Мелиоративного совещания доклад Кондратьева не был представлен. 2 августа газета дала статью (без подписи) о радикальном недофинансировании огнестойкого строительства:

«К данному времени для целей восстановления огнестойких производств из Центросельбанка на губернию пошло всего 26.600 руб., которые уже распределены между 21 т<оварищест>вами по восстановлению 12 кирпичных заводов, 7 черепичных мастерских и 2-х известково-обжигательных заводов»³⁰.

В огнестойком строительстве, как и в проведении общественно-мелиоративных работ, в 1925 и 1926 годах остро стоял вопрос цемента. Из-за недостатка цемента не работали черепичные заводы и мастерские; в качестве примера назывался черепичный завод в Павловске, который не работал 8 месяцев, что привело к невыполнению поступивших заявок на павловскую черепицу и т.п.; подотделу мелиораций рекомендовалось обратить серьезное внимание на сложившуюся ситуацию³¹.

Огнестойкое строительство в 1925 году не имело еще такого размаха и масштаба, как мелиорация. Да и сам Платонов до конца года был плотно занят на идущих в губернии общественно-мелиоративных работах, но это направление работы подотдела он не терял из виду, прекрасно понимая значимость огнестойкого строительства для жизни деревни. Платонову удалось добиться включения в перспективный план промышленности губернии на 1926 год постройку цементного завода при станции Подгорная в месте залежей мергелей³².

опубликован в факсимильном издании материалов жизни Платонова (Андрей Платонов, 2013: 197–223).

30. Сельское огнестойкое строительство // Воронежская коммуна. 1925. 2 августа. С. 3. Раздел: По нашему краю.

31. Огнестойкое строительство. Черепичный завод нуждается в поддержке // Воронежская коммуна. 1926. 5 марта. С. 2.

32. К постройке цементного завода // Воронежская коммуна. 1926. 26 января. С. 2. Рубрика: День за днем.

Это был проект Платонова, о котором он расскажет в эссе «Страна бедняков (Очерки Черноземной области)»:

«У нас есть цементные мергеля, по химическому составу выше знаменитых новороссийских. Причем, благодаря природным отличным качествам, возможно даже кустарное производство цемента. Вблизи только ст. Подгорная ЮВЖД (Воронежская губ.) цементных мергелей залегает сотни миллионов тонн. Здесь возможно крупнейшее производство цемента, и он будет дешевле новороссийского и вольского цемента потому, что его производство будет ближе к промышленным центрам республики»³³.

Из кредитов, отпущенных на восстановление сельского хозяйства в 1926 году, на сельское огнестойкое строительство выделялась значительная сумма («1.150.000 руб.»), намечалось построить в губернии 108 кирпичных заводов, 16 черепичных мастерских, 5 мастерских гончарной черепицы³⁴.

* * *

Ежедневная тяжелая работа... Ворох документов. Переписка подотдела с.-х. мелиораций (теперь иногда к этому названию подотдела добавлялось: «и огнестойкого строительства») с разными органами исполнительной власти губернии, с уездами, где идет образование товариществ по организации огнестойкого строительства, с заводами и мастерскими переплетается с перепиской губернских органов с Москвой, ответами на циркулярные письма разных органов исполнительной власти губернии и центра. Подписи и визы Платонова мы также находим на планах работ по огнестойкому строительству на 1926 год.

На февраль 1926 года в губернии было открыто 20 черепичных мастерских; Платоновым подписаны десятки смет и заявок на кредиты, на выдачу ссуд крестьянским товариществам на открытие кирпичных заводов, известково-обжигательных печей, цементных и кирпичных мастерских и т.п.³⁵

Материалы по организации огнестойкого строительства в губернии за 1925 и начало 1926 года открывают еще одну страницу биографии Платонова воронежского периода. Можно с полным правом сказать, что, как и герои его будущих произведений, губмелиоратор Платонов «воодушевился этой работой» (так он

33. Красная газета. Вечерний выпуск. Л., 1926. 13 апреля. С. 4; другой вариант статьи см.: Платонов, 2004b: 288.

34. Сельское огнестойкое строительство // Воронежская коммуна. 1926. 14 марта. С. 4.

35. Сведения и заявки на восстановление и новую организацию производства огнестойких материалов по Воронежской губернии // ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 78. Д. 32. Л. 2-40.

занимался и электрификацией, и мелиорацией родной губернии), «изучил статистику пожаров в своем районе по земским сведениям» («Афродита») и повел борьбу с пожарами и нищетой деревни.

Именно в 1925 году подотделом с.-х. мелиораций под руководством Платонова были заложены основные направления организации огнестойкого строительства в селах современной Воронежской области.

В феврале 1926 года на Всероссийском мелиоративном совещании Платонов был избран в состав Всесоюзного секретариата земсекции ЦК Всеработземлеса на должность ответственного секретаря, в конце апреля вместе с семьей он переезжает в Москву. Начинается новый период жизни и творчества инженера и писателя Андрея Платонова.

Библиография

- Андрей Платонов (2013). Личное дело /сост. О. Ю. Алейников, М. В. Бычков; под общ. ред. Н. В. Корниенко. Воронеж: Дирекция Международного Платоновского фестиваля.
- Антонова Е. В. (2016). Воронежский период жизни и творчества А. П. Платонова: биография, текстология, поэтика. М.: ИМЛИ РАН.
- Платонов А. (2010). Собрание. Смерти нет! М.: Время.
- Платонов А. (2011). Собрание. Сухой хлеб. М.: Время.
- Платонов А. (2004а). Сочинения. Т. 1. 1918–1927. Кн. 1. Рассказы. М.: ИМЛИ РАН.
- Платонов А. (2004б). Сочинения. Т. 1. 1918–1927. Кн. 2. Статьи. М.: ИМЛИ РАН.
- Платонов А. (2016). Сочинения. Т. 2. 1926–1927. Повести, рассказы, сценарии, статьи. М.: ИМЛИ РАН.
- Платонов А. (2021) Сочинения. Т. 3. 1927–1929. Чевенгур. Роман. М.: ИМЛИ РАН.
- Платонов А. (2020а). Сочинения. Т. 4. 1928–1932. Кн. 1. Повести. М.: ИМЛИ РАН, 2020.
- Платонов А. (2020б). Сочинения. Т. 4. 1928–1932. Кн. 2. Рассказы, пьесы, сценарии и статьи. М.: ИМЛИ РАН.

Fire-resistant construction of the “governor-ameliorator Platonov” (based on the materials from the State Archive of the Voronezh Region)

Natalia V. Kornienko, PhD (Philology), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences; Chief Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. Povarskaya St., 25a, Moscow, 121069.
 E-mail: natalkornienko@yandex.ru.

Abstract. The article considers one of the constant issues of Platonov’s works related to his participation in the fire-resistant construction in his native province. This fact from the Voronezh period of Platonov’s life (when he was a provincial ameliorator) was not mentioned in other chronicles and comments. Thus, the materials from the funds of the State Archive of the Voronezh Region are introduced into scientific circulation for the first time and present a story of the fire-resistant construction in the province, when the governor-ameliorator Platonov was forced to take care of such matters in 1925. This important part of Platonov’s business correspondence in 1925 provides new documentary material for commenting on the biographies of Platonov’s favorite characters (from

Ethereal Tract to Aphrodite) and presents another page in the life of the future classic of the Russian literature, to which he returned more than once in his memoirs and work.

Key words: Platonov, biography, Voronezh Province, fire-resistant construction, reclamation sub-department, correspondence

References

- Andrei Platonov (2013) *Lichnoe delo* [Personal File]. Sost. O.Yu. Alejnikov, M.V. Bychkov; pod obsh. red. N.V. Kornienko, Voronezh: Direktsiya Mezhdunarodnogo Platonovskogo festivalya.
- Antonova E.V. (2016) *Voronezhsky period zhizni i tvorchestva A. P. Platonova: biografiya, tekstologiya, poetika* [Voronezh Period in A. P. Platonov's Life and Work: Biography, Textual Criticism, Poetics], Moscow: IMLI RAN.
- Platonov A. (2010) *Sobranie. Smerti net!* [Meeting. There is No Death!], Moscow: Vremya.
- Platonov A. (2011) *Sobranie. Sukhoj hleb* [Meeting. Dry Bread], Moscow: Vremya.
- Platonov A. (2004a) *Sochineniya. T. 1. 1918–1927. Kn. 1. Rasskazy* [Works. Vol. 1. 1918–1927. Book 1: Short Stories], Moscow: IMLI RAN.
- Platonov A. (2004b) *Sochineniya. T. 1. 1918–1927. Kn. 2. Statyi* [Works. Vol. 1. 1918–1927. Book 2: Articles], Moscow: IMLI RAN.
- Platonov A. (2016) *Sochineniya. T. 2. 1926–1927. Povesti, rasskazy, stsenarii, statyi* [Works. Vol. 2. 1926–1927. Novels, Short Stories, Scripts, Articles], Moscow: IMLI RAN.
- Platonov A. (2021) *Sochineniya. T. 3. 1927–1929. Chevengur* [Works. Vol. 3. 1927–1929. Chevengur], Moscow: IMLI RAN.
- Platonov A. (2020a) *Sochineniya. T. 4. 1928–1932. Kn. 1. Povesti* [Works. Vol. 4. 1928–1932. Book 1: Novels], Moscow: IMLI RAN.
- Platonov A. (2020b) *Sochineniya. T. 4. 1928–1932. Kn. 2. Rasskazy, piesy, stsenarii i statyi* [Works. Vol. 4. 1928–1932. Book 2: Short Stories, Plays, Scripts and Articles], Moscow: IMLI RAN.

Пригороды Улан-Удэ: практики гражданства и реализация «права на город»¹

А. С. Бреславский

Анатолий Сергеевич Бреславский, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра урбанистики Тюменского государственного университета. 625003 Тюмень, ул. Ленина, д. 23. E-mail: breslavsky@imbt.ru

Аннотация. Автор показывает, как в ближайших пригородах Улан-Удэ, бурно разросшихся в 2000–2010-е гг. за счет индивидуальной усадебной застройки (в т.ч. в форме ДНТ²), изначально не обеспеченной в большинстве случаев базовой инженерно-бытовой и социальной инфраструктурой, местными жителями формировалось и отстаивалось «право на город»: комфортную среду проживания в пригородных жилых районах, равный доступ к городским общественным благам и пр. Борьба за это право включала в себя социальную и политическую мобилизацию населения, осознание и принятие жителями личной ответственности за развитие своих территорий, в том числе в рамках территориального общественного самоуправления (ТОС), получившего широкое развитие в Бурятии в 2010-е гг. Эта борьба, однако, не была повсеместной, всеохватывающей, постоянной и устойчивой, равно как и сами местные сообщества (населенные пункты, отдельные ДНТ, ТОСы) все еще остаются в основном разобщенными (как минимум по отношению друг к другу), консолидируются лишь в «моменты» решения общих проблем. Случай Улан-Удэ и его пригородов в целом указывает на ситуативную природу городского гражданства, сохраняющую фрагментарность городских и пригородных сообществ в их, казалось бы, общей борьбе за адекватное качество городской/пригородной среды, равный доступ к общественным благам и ресурсам города. Исследование указывает и на разноморальность моральных логик в обосновании «права на город», которые могут прямо противоречить друг другу, учитывая, что идеалы, заложенные в этом праве, часто попросту не осознаются рядовыми жителями. Исследование опирается на опыт включенного наблюдения автора (с 2011 г. по н.в.), серию глубинных интервью с лидерами и активистами ТОС и ДНТ пригородных поселений Улан-Удэ, записанную в 2021 г. — январе 2024 г., материалы фокус-группы по проблематике исследования (январь 2024 г.) и анализ публикаций в СМИ.

Ключевые слова: право на город, Россия, Улан-Удэ, пригороды, гражданство, территориальное общественное самоуправление, сельско-городские мигранты

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-1-75-95

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10123 «Право на город при социализме/постсоциализме: городской дискурсе, практики гражданства и place attachment» (рук. А. С. Иванов). <https://rscf.ru/project/23-78-10123/>
2. ДНТ — дачные некоммерческие товарищества.

Фактическое содержание понятия «право на город» и его реализация в современной России, пожалуй, слабо связаны с тем, что мы наблюдали и наблюдаем, например, в западноевропейских и североамериканских странах — регионах, где это право впервые было академически осмыслено и наиболее активно, пусть и волнообразно, обсуждалось с конца 1960-х годов (Lefebvre, 1968; Harvey, 2006). Рассуждая о применимости весьма политизированной концепции «право на город» А. Лефевра к современным российским реалиям, стоит обратить внимание на то, что общественный и, в частности, академический интерес к этому праву формировался в разных регионах мира обычно в период и после крупных протестных кампаний, которые могли охватывать отдельные города, регионы или страны в целом, усиливаться в периоды экономических, политических потрясений вроде глобального кризиса 2008–2009 годов (Marcuse, 2009: 187–189). Поводом для этих общественных движений была не только борьба за те или иные общегражданские права в городах, но также борьба за справедливые, демократичные, гуманные, устойчивые города, против неограниченного влияния на них и городские сообщества международных корпораций, крупного частного капитала. Это были и движения горожан за возможность более широкого доступа к городской политике. Если говорить конкретнее, речь шла, например, о борьбе против джентрификации городских территорий (не только в развитых, но и в развивающихся странах (Maier, 2009: 367), приватизации общественных пространств, ущемления прав отдельных групп городского населения по критерию дохода, расы, национальности, религии, миграционного статуса и пр. Речь идет в том числе о наиболее угнетенных, маргинализованных, низкооплачиваемых и незащищенных членах городского сообщества. При этом в европейских и североамериканских странах в такого рода движениях важную роль играли и играют, как мы знаем, независимые неправительственные организации (Maier, 2009: 369).

Является ли обозначенная повестка актуальной для городских сообществ в России? А если является, готовы ли горожане в России отстаивать ее публично? Весьма важные вопросы, дать ответы на которые сейчас сложно. Если в отдельных странах мы наблюдали и наблюдаем, как горожане мобилизуются для борьбы против переселения, за доступное жилье, образование, справедливую заработную плату, возможности трудоустройства для молодежи, протестуют против роста цен на общественный транспорт и пр. (Blokland et al., 2015: 655), то в специфических реалиях современной России повестка городских общественных движений, НКО наполнена, как представляется, несколько иным и одновременно «санкционированным» государством содержанием. В основном она не принимает и провокационные формы, вроде воинствен-

ных восстаний, общенациональных протестных движений, крупных митингов на центральных городских площадях, которые могли бы вовлечь в себя совершенно разные социальные группы населения и т.п. В этой связи рассуждать о «праве на город» в его лефевровском смысле, в логике критической городской теории сейчас весьма непросто, поскольку это все чаще предполагает не просто исследование ситуации, но и разработку программы действий по ее изменению, дальнейшую политизацию этой программы (Marcuse, 2009: 193–194).

В последние годы по понятным причинам публичная городская протестная активность в стране сошла на нет, уже и вне зависимости от ее политического контекста. Общественные движения, в повестке которых стояли вопросы городского развития, прошли через строгий государственный контроль. Наилучшие позиции получили те объединения граждан, НКО, которые сумели инкорпорироваться в государственные институты или получали их поддержку (через такие сильные финансовые инструменты, как президентские гранты для НКО, аутсорсинг части функций государственных, региональных и местных органов власти некоммерческим организациям с соответствующим финансированием и т.п.).

Однако «право на город» в России, в определенной мере ограниченное, как система ценностей и практик никуда не исчезло. При этом отдельные компоненты этого права, вроде расширенного участия в городской политике, вообще могут не волновать большинство россиян. Более реальными, как представляется, остаются универсальные запросы на качественную городскую среду, на равный доступ горожан к общественным благам города и т.п. Всем этим продолжают заниматься активные горожане, их сообщества, НКО, а также территориальные общественные самоуправления (ТОСу) на местах³.

Схожее понимание права на город с акцентом на качество городской среды, равный доступ горожан к общественным благам города транслирует и Международная хартия права на город, созданная в первой половине 2000-х годов: *«Право на город расширяет традиционную направленность на улучшение качества жизни людей в пределах их жилья и района, охватывая качество жизни в масштабе всего города и его сельских окрестностей, как механизм защиты населения, которое живет в городах или регионах со стремительными процессами урбанизации»*⁴.

Обращаю внимание на два тезиса из приведенной цитаты:

3. См.: Общероссийская ассамблея развития территорий и общественного самоуправления (в 2016–2023 — Общенациональная ассоциация ТОС). URL: <https://oatos.ru/o-nas/>
4. World Charter for the Right to the City // Global Platform for the Right to the City. URL: https://www.right2city.org/wp-content/uploads/2019/09/A1.2_World-Charter-for-the-Right-to-the-City.pdf

1) право на город распространяется не только на собственно город, но и на его сельские или полусельские окрестности (*rural or semi-rural surroundings*); 2) оно — это право — выступает как механизм защиты населения в условиях стремительной урбанизации. Вероятно, появление этого программного документа в первой половине 2000-х годов было реакцией на бурные урбанизационные процессы в странах Глобального Юга во второй половине XX века, однако он оказывается важен и для развитых стран, урбанизация в которых стабилизировалась, получила новые проявления (дезурбанизация, субурбанизация, джентрификация и пр.), что также создавало кризисные основания для «активизации» права на город, которым могли активно пользоваться как уязвимые слои населения, так и средний класс. Хрестоматийный пример — пространственная сегрегация городского населения в США, связанная с послевоенной субурбанизацией, в результате которой пригороды получили лучшие условия для развития, в то время как многие крупные городские центры приходили в упадок. При этом право на город, как в 2011 году отмечал Э. Мэррифилд, могло уже не иметь ценности для тех, кто обладает властью и богатством, уже давно превратился в жителей благополучных пригородов, покинул центр, перебравшись на городскую периферию, «оставив обездоленным задачу повторной сборки пестрых осколков центра города» (Merrifield, 2011: 475).

Это справедливо, если речь идет именно о богатых и властных жителях пригородов, а не, например, относительно бедных горожанах или сельско-городских мигрантах, для которых пригороды стали единственной реалистичной возможностью в их стремлении быть ближе к тому или иному городу, его рынку труда, инфраструктуре и прочим ресурсам. В этом случае их желание обеспечить на своих территориях качество жизни, сопоставимое с городским, потребность получить доступ к базовым городским благам могут стать основной для социальной или политической мобилизации населения в его борьбе за «право на город», инициировать специфические практики гражданства, когда люди осознанно принимают ответственность за развитие территорий, на которых они проживают. Показательна, например, история урбанизации Бразилии второй половины XX века, когда «благодаря» практике самовольного строительства многие новые горожане здесь не только стали домовладельцами в течение одного поколения, но и начали выражать свои требования государству, особенно в отношении городских услуг и инфраструктуры, а также политического участия (Holston, Caldeira, 2008: 21). Хорошей иллюстрацией такой природы возникновения «права на город» и практик гражданства, возникших «снизу» и поддержанных «сверху» (пусть и не сразу), может выступить один из городов на востоке России — постсоветский Улан-Удэ и его ближайшие пригороды (Бреславский, 2014; 2017).

Улан-Удэ — столица Республики Бурятия, третий по численности населения город в Дальневосточном федеральном округе РФ (после Хабаровска и Владивостока). На начало 2023 года, только по официальным данным, в нем проживало 436 тыс. человек⁵. Город, имея длительную дореволюционную историю, в 1923 году был «назначен» столицей Бурят-Монгольской АССР, а впоследствии стал одним из крупных промышленных, научно-образовательных и культурных центров на востоке страны (Базаров, Балдано, 2016). Масштабный прирост населения Улан-Удэ в советские десятилетия (от 20 до 350 тыс. человек) длительное время не обеспечивался сопоставимыми объемами вводимого благоустроенного жилья, в результате чего на территории республиканской столицы возникли значительные по площади неблагоустроенные массивы жилого сектора, составленные из усадебных участков с деревянными домами. Уже в современный период в административной практике эти территории получили наименование «отдаленные микрорайоны». Сегодня по всему периметру Улан-Удэ их более 40. Часть из них появилась в результате самовольного строительства еще в советский период. Так, в 2014 году администрация города отчитывалась о том, что ему в наследство с советских времен осталось 3780 самоволок⁶.

В постсоветский период, обладая в республике наибольшими ресурсами, Улан-Удэ оставался важнейшим центром притяжения внутрирегиональных мигрантов — жителей сельских районов, пгт, малых городов (как русских, так и бурят). В 1990–2010-е годы численность жителей регионального центра, несмотря на стабильно высокую выездную миграцию, увеличилась на 85 тыс. человек, или почти на четверть (24,1%), а население его ближайших пригородов — 22 сельских населенных пункта в радиусе 25 км от центра города — и вовсе выросло в 4,6 раза, с 18 до 83 тыс. человек⁷. В основе прироста в обоих случаях была преимущественно центростремительная миграция в Улан-Удэ, которая в жилищном секторе получила свое развитие главным образом в виде индивидуального усадебного строительства на обширных городских окраинах и в пригородных поселениях, в результате чего они сохранили/приобрели в основном сельский или гибридный — сельско-городской облик.

5. Численность постоянного населения РФ по муниципальным образованиям на 01.01.2023 г. // Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_MO_2023.xlsx
6. Основные результаты за 2013 г. и перспективы деятельности органов местного самоуправления ГО «г. Улан-Удэ» // Администрация города Улан-Удэ. URL: http://www.ulan-ude-eg.ru/razvit/Ocenka_effektivnosti/4.1/Ulan-Ude%20svod.pdf
7. Рассчитано автором по данным запроса в Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия.

А. С. Бреславский
Пригороды Улан-Удэ: практики гражданства и реализация «права на город»

Вновь, особенно во второй половине 1990-х — 2000-е годы на городской периферии стало процветать самовольное строительство, которое удалось прекратить в основном лишь к середине 2010-х годов, хотя отдельные акции по сносу «нахаловок» были инициированы администрацией города уже в самом начале 2000-х годов. Так, в период с 2001 по 2013 год только в Улан-Удэ было возведено 2370 самовольных домов⁸, а сколько их появилось в пристольничных районах республики⁹, а позднее «легализовано» в форме тех же ДНТ, вероятно, уже не скажет никто. Улан-Удэнские «нахаловки» получили относительно широкую известность в России не только благодаря публикациям в региональных СМИ, но и статьям Н. И. Карбаинова в центральных научных изданиях, в которых он, в частности, описывал рост гражданской активности самовольщиков в ситуации, когда возникал вопрос о насильственном сносе их домов, выявил, какие аргументы они привлекали в защиту своего «права на город» — захват городской земли и самовольное строительство (образ самовольщика как жертвы обстоятельств, образ «ничейной земли», «дедовых домов» и пр.) (Карбаинов, 2005; 2007).

Заметным направлением периферийного разрастания Улан-Удэ по обе стороны от его административных границ в 2000-е — первой половине 2010-х годов стала трансформация старых дачных товариществ в жилые территории с круглогодичным проживанием, а также создание десятков новых ДНТ, в меньшей степени — СНТ с этой же целью, а также для узаконения ранее самовольно возведенных строений¹⁰. В условиях либерализации процессов распределения и застройки городских и пригородных земель в 1990–2000-е годы подобного рода ДНТ и СНТ зачастую создавались и осваивались «предприимчивыми» жителями республики (как сельчанами, так и горожанами) с многочисленными нарушениями законодательства, а новые территории изначально не обеспечивались базовой инфраструктурой, застраивались домами настолько уплотненно, что в последующем на их территории уже сложно было разместить, например, какие-либо крупные социальные объекты. В 2014 году действующий на тот момент глава Республики Бурятия В. В. На-

8. Основные результаты за 2013 г. и перспективы деятельности органов местного самоуправления ГО «г. Улан-Удэ» // Администрация города Улан-Удэ. URL: http://www.ulan-ude-eg.ru/razvit/Ocenka_effektivnosti/4.1/Ulan-Ude%20svod.pdf

9. Фактически пригородное расселение охватывает ближайшие к городу населенные пункты Заиграевского, Иволгинского и Тарбагатайского районов республики.

10. Часть городских и пригородных ДНТ создавались жителями специально для легализации прав на захваченные ранее земельные участки и самовольно построенное жилье: В Улан-Удэ для узаконения самовольных жилых домов созданы еще семь ДНТ и СНТ. 12.10.2011 // Байкал Дейли. URL: <https://www.baikal-daily.ru/news/16/33121/>

говицын, комментируя эту ситуацию, отмечал: «*К сожалению (у нас. — А. Б.), нет практически ни одного ДНТ и СНТ, которые были бы созданы по закону*»¹¹.

Наибольшие масштабы «дачное» строительство получило в Улан-Удэ и на территории Иволгинского района республики, прилегающего к столице региона с запада. Так, если на всей территории Улан-Удэ в 2022 г. существовало 103 ДНТ и СНТ¹² (что весьма значительно), то на территории Иволгинского района действовало к этому времени уже 115 ДНТ и СНТ, в которых, по данным главы районной администрации, проживало 26 тыс. чел.¹³, или, по нашим расчетам, около 38% от официальной численности населения всего района. Совокупно более сотни ДНТ и СНТ существовало к 2022 г. и на территории еще двух пристоличных сельских районов — Заиграевского и Тарбагатаевского.

Основная проблема в развитии этих территорий заключается сегодня в том, что по российскому законодательству ответственность за инфраструктурное развитие ДНТ, СНТ и пр. несут сами собственники участков. Соответственно, бюджеты местного и регионального уровня не могут направлять средства на благоустройство этих микрорайонов (ремонт электросетей, автодорог, строительство садов и пр.), пока они не будут переданы под управление администраций населенных пунктов, нагрузка на которые в Улан-Удэ и его пригородах в последние десятилетия и так серьезно возросла. Именно поэтому часть ДНТ в последние годы была преобразована в микрорайоны ИЖС, что было выгодно жителям, поскольку в этом случае они получали формальное право на внимание и средства местных администраций.

Фактически в 2000–2010-е годы жители городских и пригородных ДНТ и СНТ в основном оставались наедине со своими проблемами. Годами город, его пригородные села, ДНТ и СНТ жили каждой своей жизнью, поскольку ни финансовых ресурсов, ни политической воли для, скажем, построения общей рабочей повестки в республике не хватало. При этом зачастую на городских окраинах, и особенно в сельских пригородах, жилищное строительство в 1990–2010-е годы не было обеспечено даже базовой инфраструктурой, что уже в 2000-е годы породило множество трудноразрешимых инженерно-бытовых, коммунальных, транспортных, экологических проблем (Бреславский, 2014; 2017). Так, подавляющее

11. Глава Бурятии: Нет ни одного созданного по закону ДНТ. 27.03.2014 // Московский комсомолец. Улан-Удэ. <https://ulan.mk.ru/news/2014/03/27/1004653-glava-buryatii-net-ni-odnogo-sozdannogo-po-zakonu-dnt.html>.

12. Глава Бурятии поручил правительству и мэрии заняться проблемами пригородных СНТ и ДНТ. 11.03.2022 // Вести Бурятия. URL: <https://bgtrk.ru/news/society/214258/>

13. ЦУР Бурятии провел прямой эфир с главой Иволгинского района. 26.07.2022 // Новая Бурятия. URL: https://newbur.ru/newsdetail/tsur_buryatii_provel_pryamoy_efir_s_glavoy_ivolginskogo_rayona/

большинство частных домов в городе (не говоря о пригородах) не было и до сих пор не подключено к центральному водо-, тепло-снабжению, городской канализации; отопление домов дровами, углем уже привело к ежегодным проблемам с качеством воздуха и пр. Буквально до последних лет значительные по численности населения пригороды Улан-Удэ не были обеспечены доступной социальной инфраструктурой (образовательными, медицинскими и пр. учреждениями), оставались слабо охвачены маршрутами городского и пригородного транспорта и т.д. Лишь в последние 3–5 лет благодаря средствам федерального и республиканского бюджетов здесь стали появляться первые важнейшие социальные объекты вроде новых школ, садов, фельдшерско-акушерских пунктов и т.п., снизившие, но не решившие полностью возникшие ранее проблемы.

В 2022 году нынешний глава Бурятии А. С. Цыденов, пожалуй, впервые в современной истории улан-удэнских пригородов публично обозначил намерение регионального правительства всерьез заняться решением проблем городских и пригородных ДНТ и СНТ: *«Мы понимаем, что легко сказать: “Уважаемые, это ваши проблемы, вы же хозяева. Вы же сами это купили, понимали, куда шли, понимали, что это не поселение, а частное товарищество, поэтому все вопросы — они ваши”. Но с учетом того, что это по факту уже становится населенным пунктом, а не дачей, и у многих ДНТ и СНТ — это единственное жилье, а не летний домик, мы понимаем, что помощь им стоит для нас огромных денег. Это касается и электросети, и состояния дорог. Опять же, чтобы зайти на эти дороги, у нас нет на это права. Мы можем зайти туда только при режиме ЧС»¹⁴.*

Если обратиться ко все той же Международной хартии права на город, то бурно выросшие пригороды Улан-Удэ (новые ДНТ, СНТ, расширяющиеся пригородные сельские населенные пункты), безусловно, выступают ее важными адресатами. С другой стороны, не будем забывать, что «право на город» — это не только своего рода юридическая категория, но и моральная. А мораль в разных логиках здесь может быть иной.

«Вот это представление о равном доступе к общим городским благам — оно слишком возвышенное, оно для интеллектуалов, понимаешь, которые могут приподняться над уровнем житейских проблем. Ну, смотри, как думает большинство горожан, кто не бывал в пригородах, в ДНТ, кто живет в квартирах. Они думают, что там сплошь сельские жители. Вот приехали, понаехали из своих деревень. Почему им город должен что-то давать? <...> А они приехали, я считаю, во многом безответственно поселились в пригородах, кто-то бесплатно получил

14. Глава Бурятии рассказал о планах правительства республики на ДНТ и СНТ. 15.04.2022 // Новая Бурятия. URL: https://newbur.ru/newsdetail/glava_buryatii_rasskazal_o_planakh_pravitelstva_respubliki_na_dnt_i_snt/

участок, кто-то небольшие деньги заплатил, и теперь ждут, что им все должны дать, что они, мол, такие бедные, обездоленные. Если ты понимаешь, что нет денег на общие нужды, зачем лезть в ДНТ?» (председатель ТОС, г. Улан-Удэ).

У самих жителей пригородных сообществ может быть другая моральная логика: для многих из них переезд в пригороды, не обеспеченные инфраструктурой, был во многом вынужденным или даже единственным возможным способом обрести свое собственное жилье у города. Одновременно местное население в своем абсолютном большинстве — это коренные жители республики («земляки») — а не «какие-то люди со стороны», что позволяет им требовать внимания со стороны региональных властей. Если рассмотреть право жителей пригородных ДНТ/СНТ на город как моральную категорию, «моральное требование, основанное на фундаментальных принципах справедливости, этики, морали, добродетели и добра» (Marcuse, 2009: 192), можно без труда найти и другие доводы для легитимации такого права.

В ситуации с ДНТ/СНТ, расположенными в Улан-Удэ и его пригородах, «право на город» даже в узком его смысле (как право на ресурсы города) проявляется, как мы видим, весьма противоречиво. Необходимо иметь в виду, что, несмотря на заметное инфраструктурное преобразование города в последние годы, строительство новых и ремонт старых социальных объектов, дорог, общественных пространств и пр., в самом Улан-Удэ остается достаточно территорий с инженерно-бытовыми проблемами как в многоэтажном, так и в одноэтажном секторе («отдаленных микрорайонах»), не говоря уже о таких сложных проблемах, как, например, модернизация общегородской энергетической и коммунальной инфраструктуры.

Основная сложность в реализации «права» жителей Улан-Удэ и его пригородов на комфортную городскую среду, равный доступ к ресурсам города все последние десятилетия сводилась, по-моему, преимущественно к финансовым вопросам, в частности, к низкой платежеспособности населения в целом, постоянному дефициту городского и республиканского бюджета. Региональным властям и сегодня приходится решать, на какие цели направить бюджетные средства, как обеспечить их справедливое распределение. Например, построить новую школу в бурно разросшемся за счет ДНТ и ИЖС пригородном селе или в одном из «отдаленных микрорайонов» Улан-Удэ? Отремонтировать 20 дворов в центральной части города или построить детские площадки на городских окраинах? Отдать приоритет дальнейшему благоустройству старых центральных городских микрорайонов или «снижать» остроту инфраструктурных проблем в новых пригородах региональной столицы? Кроме того, республиканское правительство должно решать и проблемы сельских районов, из которых население выезжает в Улан-Удэ как раз в силу отсутствия на селе современной инфраструктуры и кадров. В случае с ближайшими пригородами Улан-Удэ все также

непросто: каким населенным пунктам (а их более 20) или новым микрорайонам ИЖС, многочисленным ДНТ отдать предпочтение в благоустройстве? Как мобилизовать граждан на решение собственных проблем и одновременно не создать в их среде протестного потенциала? Безусловно, эти проблемы хорошо осознавались региональными органами власти, учитывая ту же пролонгацию процессов легализации самовольного строительства в городе и его пригородах в 2000–2010-е годы.

«Право на город» и пригородные сообщества

В данной статье я постараюсь обратить внимание лишь на ближайшие пригороды Улан-Удэ, точнее, на то, как местные жители отстаивали свое «право на город» в условиях постоянного дефицита личных ресурсов и средств бюджетов пригородных поселений. В качестве исследовательских кейсов мною были взяты пригородные поселения Улан-Удэ, расположенные на территории Иволгинского района. Среди четырех муниципальных районов республики, окружающих Улан-Удэ, именно в нем прирост населения и рост застройки за счет ДНТ, ИЖС оказался особенно выраженным. Общая численность его населения в 1989–2020 годы возросла с 24,7 до 64,8 тыс. человек, т.е. в 2,6 раза (на 162%), что вывело район на первое место по относительным и абсолютным показателям прироста населения среди всех пристоличных муниципальных районов/городских округов во всем Дальневосточном федеральном округе РФ (Бреславский, 2023: 27–28).

Существенные изменения в численности местных жителей буквально до начала 2020-х годов не сопровождались здесь сколь-нибудь сопоставимыми вложениями в инфраструктурное развитие территорий. Например, нескольким тысячам детей годами не хватало мест в районных (созданных еще в советский период) школах, детсадах, родителям приходилось искать различные способы их прикрепления в городских образовательных учреждениях. Не справлялись с нагрузкой и местные медицинские организации, администрации поселений и пр.

«Школа в Нижней Иволге — это одноэтажное здание, маленькое. И у нас дети ходили в аэропорт (мкр. Улан-Удэ. — А. Б.). Проблема была в том, что портовские кричали там, что у нас и так перегруз. В три смены все занимались. Детей некуда было девать» (председатель ТОС, Иволгинский район). *«Проблема со школами и сейчас есть: кто хочет в городские школы, понятно, что там выбор лучше, как и раньше, делают прописку в городе, как-то договариваются с руководством школ, через знакомых»* (житель ДНТ, Иволгинский район). *«К врачам я ходила в город, т.к. не хотела ехать в Иволгу. И многим так неудобно было. Почему у нас не прописывались* (в Иволгинском районе. —

А. Б.)? В чем проблема была? Потому что люди у нас обслуживаются в городе. И садики, и школа — все делали городскую прописку» (председатель ТОС, Иволгинский район).

Местные администрации на запросы жителей относительно решения их наиболее важных инфраструктурных проблем в 2000–2010-е годы, как правило, отвечали отказом, ссылаясь на слабость поселковых бюджетов. Одновременно в те же 2010-е годы на территории Иволгинского района по согласованию с местной администрацией отдельными гражданами создавались все новые ДНТ, усложнявшие ситуацию, в то время как эти территории могли быть проданы, сданы в аренду, т.е. принести местным бюджетам дополнительные неналоговые доходы для решения проблем на уже застроенных территориях.

«В основном поначалу застройка была за счет ИЖС, где-то местами были самовольщики. Но в основном по документам все было правопорядочно. Потом у нас ДНТ стали массово расти. В связи с тем, что у нас нашлись ушлые люди. Я вообще против этих ДНТ, потому что это натуральное облопошвание, грубо говоря. Они берут участки под ДНТ бесплатно, а продают платно. И говорят: у нас список есть, кто будет там строиться. На самом деле, никого из этих людей там может и не быть, они там не живут. Участки они получили, потом перепродали» (председатель ТОС, Иволгинский район).

Осознавая возникающие и усложняющиеся инфраструктурные, социально-бытовые, экологические, транспортные и иные проблемы в пригородах Улан-Удэ, местные власти фактически (в основном вынужденно) игнорировали их. Эта ситуация, несмотря на регулярные публикации в региональных СМИ, ролики на местном телевидении, не получала деятельного решения на республиканском уровне как в весьма сложные 1990-е — начало 2000-х годов, так и позднее, после стабилизации финансово-экономического положения в стране и регионе. Считалось, что

«раз нет денег у района, у республики на решение наших проблем, то и зачем что-то требовать. Как бы раньше думали, хоть ты тресни, денег нет и ничего не построить. А потом пошли государственные программы «Образование», «Медицина», дележка средств началась в городе, по районам. И здесь уже пошла активность, все зависело от людей. Главное — было успеть залезть в поезд, важно было владеть информацией. Мы взаимодействовали с нашей поселковой администрацией. <...> И мы начинали будировать, а почему не у нас строят, почему мы не делаем, а давайте телевидение позovem» (председатель ТОС, Иволгинский район).

Один из действенных примеров такого рода стратегии продемонстрировали активные жители улуса Хойтобэе Нижнеиволгинского сельского поселения, которые раньше других в районе смогли социально и политически мобилизовать население своего населенно-

го пункта, в том числе ДНТ для решения наиболее значимых инфраструктурных проблем. Отмечу, что число жителей этого улуса за весь постсоветский период выросло с 0,4 до 5,3 тыс. человек¹⁵.

«В 2000-е гг. у нас был застой, хаотичная вот эта застройка. Хотя совсем рядом город. <...> Получается, мы все себя считаем городскими, хотя находимся в сельской местности. <...> 10 лет назад мы деревней были. Натуральная деревня была. <...> коровы ходят, асфальта нет, воды нет, вообще инфраструктуры никакой нет. Ни садика, ни ФАП, школы, амбулатории нет, ничего нет. <...> В 2007 г. первый толчок пошел. Методом народной стройки построили здание одноэтажное 100 кв. м из бруса. Там была библиотека, клуб и ФАП. Район его по нашей просьбе взял под шефство. Потом уже, позже, когда ТОСы пошли активно с 2013 г., у нас ТОС «Тамир» начал работать. Они первые начали юрту спортивную делать, уже большой такой объект. И здесь глава поселения стал значительным фактором вообще. От главы все зависит. <...> И вот нас собрал. <...> Началось все с юрты, после этого пошло движение, пошла поддержка от государства, они же субсидию получили, чтобы закончить эту юрту. Потом пошли конкурсы ТОСов, и нам говорят: давайте действуйте. <...> Объявили марафон, все это у нас получилось, собрали 400 тыс. Люди активно начали подключаться методом народной стройки, ходить, кормить, участвовать. Потом так же на стадион переметнулись, его мы также быстренько сделали, трибуны. Тосовские деньги пошли. Начали главу (республики. — А. Б.) приглашать. <...> Нам было необходимо финансирование. <...> Сейчас у нас школа рядом появилась. 40 лет сидели, ничего не было, а тут мы как стахановцы за пять лет все построили» (председатель ТОС, Иволгинский район).

ТОСы (территориальные общественные самоуправления), упомянутые в интервью, не только здесь, но и по всей Бурятии в 2010-е годы стали одним из наиболее массовых и эффективных инструментов по вовлечению граждан в решение проблем местного значения, усилению их гражданской ответственности за развитие территорий, на которых они проживают. Так, если в 2010 году на территории Иволгинского района не было еще ни одного ТОС, то спустя 10 лет их общее число возросло до 78 (Бреславский, Скворцова, 2021: 175). Важно понимать, что сегодня Бурятия — один из лидеров по числу ТОС в России: более 2 тыс. этих объединений граждан по территориальному принципу были организованы во всех городах и сельских районах республики в 2010-е — начале 2020-х годов, а их инициативы покрывают широчайший спектр локальных вопросов (Бреславский, Скворцова, 2021). Важно указать, что этот результат стал возможен во многом благодаря системной финан-

15. Опираюсь на материалы запроса в Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия (Бурятстат).

совой и организационно-методической поддержке движения ТОС правительством региона и активности местных жителей. Бурятия обладает в этой связи весьма редким для российских регионов опытом «мягкого либерализма», «управления через сообщества» (Rose, 1996), интегрируя ТОСы, местных активистов в решение местных проблем.

Уникальность кейсу Хойтобэе создает относительно ранняя гражданская активность местных жителей (еще до выстраивания системы поддержки ТОС), их готовность взять ответственность за решение общих проблем на себя, настойчивая работа с населением, представителями местной, районной, региональной власти, публичная активность в средствах массовой информации, накопленный ранее «задел» собственного участия граждан в решении проблем населенного пункта (сбор личных средств, возведение объектов методом народной стройки, энергичная работа местных активных граждан).

«Все это появилось у нас благодаря людям, их настойчивости. Мы говорили, мы собирались, активно отстаивали свои интересы мощно. Сразу же массово, быстро, в магазинах, в соцсетях всех призывали. Активно говорили, что нам это надо. Простой пример: в 2015 г., когда КДЦ начали строить, на нас обратили внимание, что нам нужна школа, сад. Увидели нашу активную позицию, что мы что-то делаем, строим, кричим, пикеты устраивали, телевидение вызывали, что нашим детям некуда было идти, школы не было. Тогда нам сказали: ладно, будет вам школа, ищите участок. Мы предложили вот здесь, возле КДЦ. Нам сказали — здесь болото. <...> Они решили построить нашу школу в Нижней Иволге, за дорогой, это возле Нур-Селения. Мы такой крик подняли, сразу подписи собирать. Мы туда не пойдем в вашу школу, она у черта на куличках находится. Мы пешком не дойдем, автобусы не будут ездить. Эта школа не для нас, ничего не знаем, делайте у нас, поднимайте грунт и пр. Это мы говорили администрации района, республики. Был большой сход (в 2019 г. — А. Б.), полный зал КДЦ. Телевидение приезжало у нас тогда, мы сказали, что не согласны на изменение плана. Школа нужна была здесь. Мы говорим: решайте! Ну, решили же. Пришли к единому мнению. Район выделил дополнительно еще средства на подсыпку грунта, чтобы поднять фундамент. И вот у нас школа стоит красивая» (председатель ТОС, Иволгинский район).

Местные «пикеты» и «митинги» были здесь локального характера — в самом населенном пункте, а не, например, на центральной площади Улан-Удэ. Отмечу, что в ближайших пригородах Улан-Удэ живет сегодня более 80 тыс. человек, которые имели и имеют множество схожих проблем, но ни разу за последние десятилетия местные жители не выходили ни на центральные улицы города, ни на главную площадь, чтобы обозначить эти проблемы. Ха-

рактерной, несмотря на соседские связи, остается автономность проживания домохозяйств (своя печь/котел для отопления, своя скважина и т.п.), когда семьи мало общаются друг с другом, ограничиваясь совместными чатами, в которых решаются общие вопросы (проведение освещения, уборка и вывоз мусора и т.д.).

Отсутствие сколь-нибудь значительного числа примеров широкой социальной и политической мобилизации местных жителей (вроде кейса Хойтобэе) для борьбы за решение общих проблем, продвижение коллективных интересов опрошенные лидеры ТОС, ДНТ связывают с сохраняющейся автономностью жизни семей, их нацеленностью на решение прежде всего своих собственных проблем, исходя из ограниченности свободных денежных средств.

«Поскольку нет общности в людях, мобилизация крайне сложная. Люди приехали ведь с разных районов (республики. — А. Б.), и стать лидером там очень сложно. Мне кажется, это первая такая проблемная часть. Многие решают свои вопросы самостоятельно, в том числе через какие-то связи (житель ДНТ, Иволгинский район).

Известны лишь единичные случаи, когда жители пригородных ДНТ/СНТ устраивали пикеты и митинги в защиту своих интересов, в частности, в связи с отключением электроэнергии в отдельных ДНТ, а ранее — в связи с угрозой сноса самовольно построенных домов.

То есть причины для этого должны быть *«действительно острые <...> Где-то мы сами понимаем, кто разбирается в тонкостях ДНТ, что нам и не должны помогать. Поэтому какие-то небольшие вопросы вроде освещения, воды, вывоза мусора, собак мы сами решаем, но вот большие объекты: школы, сады нам должно государство строить, я так думаю, налоги мы платим. Многие ведь, когда переехали, строились, были без детей, это их не беспокоило, а сейчас тут по два-три ребенка в семьях, и это всех волновало, все ждали школу»* (житель ДНТ, Иволгинский район).

Одновременно, несмотря на положительный опыт движения ТОС, которые ежегодно на «гранты» регионального правительства решают отдельные небольшие вопросы на местах, многие жители и активы тех же ДНТ сегодня не стремятся к взаимодействию с официальной властью, поскольку предшествующий опыт, в том числе в рамках регулярных избирательных кампаний, оказывался для них преимущественно отрицательным. Коротко эту ситуацию с жителями ДНТ иллюстрирует следующий фрагмент интервью:

«Проблема как раз в этом и кроется. Как начинаются выборы, вы наши. Как начинается благоустройство, грейдирование — вы не наши. И вот это людей зlobит, озлабливает. Они становятся злые на свою администрацию, на контакт не идут. У них низкая активность почему? Они все время об этом говорят, у них проблема всегда эта. Как что-то сделать для них —

провести освещение, грейдирование, так, извините, вы сами соберите деньги. Ваш председатель должен все это организовать. Вы вообще отдыхайте, к нам (администрации пригородного поселения. — А. Б.) вообще не лезьте. Они как за подавнием ходят. Бегают по спонсорам, по депутатам. Они нужны как люди только тогда, когда идут выборы. А после уже нет. При этом бывают ДНТ либо сами с усами — все сами делают, либо вообще ноль, где ничего не делается» (председатель ТОС, Иволгинский район).

Несмотря на наличие общих проблем, объединяющих многие пригородные населенные пункты, ДНТ и пр., единой политической силой сами жители, как показывает исследование, себя не видят, не осознают. При этом рискну предположить, что значительную их часть и вовсе может не волновать повестка благоустройства, коллективной мобилизации для решения общих проблем.

«Они даже не знают, где они участок покупают (смеется). Они потом спрашивают, а что такое вообще ДНТ? Я вообще в каком районе нахожусь-то? В какую администрацию идти? Куда обращаться? Элементарная безграмотность людей. Они берут ценовой политикой, а документы, вот эти нюансы ДНТ или ИЖС, сейчас только начали обращать внимание. Потому что дом да дом, где он, хама угы, без разницы. Сейчас уже понимают, что на инфраструктуру деньги не дают ДНТ, иди сам со своего кармана выкладывай. И то это небольшой процент таких людей, кто понимает. Многие из деревни приезжают. Вот им лишь бы дом такой красивый был, хороший, уютный, рядом с городом. А то, что документы, главное, чтобы не было обременений, чтобы не было долгов, кредитов, не в аресте. Так же как с машиной. Многие приезжают, и лишь бы у них был участок в городе Улан-Удэ. Все, их больше ничего не волнует» (председатель ТОС, Иволгинский район).

Ситуативная природа гражданства проявляется здесь явно. Пока актуальными остаются внешние мобилизационные факторы (необходимость решения общих проблем), существует и гражданская активность. Как только проблемы решаются, гражданство «растворяется» в бытовой рутине. Это проявлялось и в тех случаях, где коллективное гражданское участие формировалось на основе многолетней, интенсивной борьбы за право на адекватную пригородную инфраструктуру:

«И вот когда мы все сделали, все расслабились. У нас же ничего нет, никаких проблем нет, значит, и объединяющего фактора нет. Все отдыхают. Теперь все заняты, все работают, никого никуда не вытацишь, например, на какие-то социальные акции, на уборку, кроме актива» (председатель ТОС, Иволгинский район).

То же касается и движения ТОСов, объединившего тысячи активных, равнодушных жителей на местах по всей территории региона. Став важной общественной сетью гражданских активистов,

ТОСы не стали самостоятельной политической силой, в том числе в Улан-Удэ и его пригородах, поскольку остаются глубоко зависимы от административной, в том числе финансовой поддержки со стороны республиканского правительства.

«Если сейчас убрать ежегодные гранты для ТОС от республики, то их останется процентов 10–15, кто самостоятельно что-то будет делать или при поддержке тех же депутатов (Народного Хурала, местных органов представительной власти. — А. Б.). ТОСы — это все равно контролируемые люди, актив в основном со стороны администрации, согласованные люди. Мы взаимосвязаны. Они нам нужны, мы им нужны. Идет взаимное сотрудничество. <...> Что-то требовать мы можем только на выборах. А выборы у нас они проходят ежегодно, то есть у них есть задачи, они бегут к председателям ТОС и активистам. Но и помогают одновременно. Всех это устраивает. Одновременно растет доверие к власти» (председатель ТОС, Иволгинский район).

При этом инфраструктурные и иные проблемы, подобные тем, что были частично решены в Хойтобэе, оставались нерешенными в большинстве остальных растущих населенных пунктах района, в том числе на территориях новой застройки вроде ДНТ, которые фактически стали «самостоятельными» поселками с многотысячным населением. Во второй половине 2010-х годов, учитывая остроту возникших здесь проблем, ситуацию в пригородах Улан-Удэ уже сложно было игнорировать на республиканском уровне:

«Конечно, когда там накопилось уже масса вопросов, а главное это коснулось тысяч людей, которые работают в городе, все это стало публично обсуждаться. Нельзя было это оставить на местных властей. Социального взрыва, может, и не было, но не забывай, что там тысячи избирателей» (председатель ДНТ, Иволгинский район).

Так, по инициативе правительства республики на рубеже 2010–2020-х годов было инициировано проектирование и строительство на территории ближайших пригородов Улан-Удэ, преимущественно в Иволгинском районе, новых ФАПов, амбулаторий, школ, спортивных, детских площадок и пр. Вполне оправданно эти объекты были привязаны к тем ранее сформировавшимся сельским поселениям, нагрузка на которые существенно возросла из-за высоких темпов заселения и жилищного строительства на окружающей их территории. К примеру, в Иволгинском районе в 2022 году началось строительство сразу нескольких новых школ в разных селах. Эти проекты на фоне длительного кризиса в решении многих проблем пригородных населенных пунктов стали настоящим прорывом, в том числе в оценках местных жителей:

«Конечно, народ это принял с ликованием, с большой радостью. Это, во-первых, решение проблем с детьми долгожданное, ну, а во-вторых, все же понимают, что там, где школа, там и развитие начинается, плюс сразу дома, участки подорожа-

ли. <...> Создали кризисную ситуацию сами люди, но и власть, которая игнорировала эти проблемы, не занималась планированием. Поэтому сейчас эти школы выглядят как манна небесная. И как будто за этим должно последовать еще много изменений» (житель ДНТ, Иволгинский район).

Появление новых школ и других социальных объектов вроде ФАП отразилось не только на частичном решении проблем с детским образованием, медицинским обслуживанием, занятостью, но повлияло и на другие сферы, в частности, на проблему автомобильных пробок. Одновременно новые школы уже стали центрами, усиливающими консолидацию местных в основном разобщенных сообществ. Важно понимать, что за последние 20–30 лет число жителей в таких селах Иволгинского района, как Поселье, Нур-Селение и др., увеличилось многократно.

«Все это разные, малознакомые друг с другом люди, из разных районов республики, с разными менталитетом, ценностями. <...> Последние годы или даже десятилетия они были заняты благоустройством своих домов, а не налаживанием отношений <...> сейчас многие знакомятся в школе впервые» (житель ДНТ, Иволгинский район). *«Отличие ДНТ от того же Солдатского — старого поселка (мкр. Улан-Удэ рядом с ДНТ, в котором проживает информант. — А. Б.), там уже сформированная социальная структура, они хорошо уже друг друга знают. То есть я приезжаю, вижу, что это монолитный поселок, сформировавшийся. А в Поселье (наиболее разросшееся за счет ДНТ село района. — А. Б.) это только-только начинает зарождаться, социальные связи, поскольку появилась школа. Соседи каждый сам по себе живет»* (житель ДНТ, Иволгинский район).

В силу сравнительно низких доходов, закредитованности значительной части местного населения процессы благоустройства городских и пригородных ДНТ в 2000–2010-е годы в основном приобрели и сохраняют затаянной и фрагментарный характер. Имеющиеся средства семьи и сегодня в основном направляют на обустройство собственного дома, участка, и уже в заметно меньшей степени — на развитие улиц/территорий ДНТ в целом.

«Тогда этот момент был переходный, когда люди дома только что построили, деньги туда вложили. Теперь начали думать чуть шире — за ограду. И этот переход был долгий и сложный. Эти 500 руб. (которые актив ДНТ собирает на общественные нужды и не может собрать со всех. — А. Б.) — это не про то, что денег мало, а про то, что житель не готов в общественную инфраструктуру вкладывать. Он говорит, это все мое (про дом и участок. — А. Б.), а это государственное. Хотя это не государственное (речь об общей территории ДНТ. — А. Б.)» (житель ДНТ, Иволгинский район).

Теоретически правом на комфортную жилую среду, равный доступ к общественным благам города и его инфраструктуре могут

и должны обладать все жители пригородных сообществ Улан-Удэ. К этому можно стремиться в логике той же Международной хартии права на город. Однако реальной борьбой за это право занимаются здесь лишь отдельные лидеры местных сообществ — инициативные граждане, лидеры и активисты ТОС-движения, некоторые председатели ДНТ и активисты, проживающие на их территории. Безусловно, в эту работу включались и отдельные лидеры в местных администрациях, где-то возглавившие эту работу, всячески поддерживающие ее. Большую поддержку гражданских инициатив в решении локальных проблем оказывает правительство региона через систему ТОС. Однако наиболее успешно «право на город» реализовали те пригородные сообщества, лидеры которых смогли, с одной стороны, мобилизовать весьма инертные и разнородные «массы» населения для коллективных действий (сбор средств, совместное строительство, общие выступления на собраниях и пр.), а с другой — нашли контакт с представителями власти, смогли обозначить для нее перспективы взаимовыгодного сотрудничества. Вот и получается, что борьба жителей пригородов Улан-Удэ за комфортную среду проживания, широкий доступ к основным общественным благам и инфраструктуре, то, что мы — исследователи — можем называть «правом на город», выстраивается здесь весьма гибко, с учетом разнообразных интересов всех участвующих сторон.

Заключение

Вопрос о том, становятся ли российские города более справедливыми, демократичными, гуманными и устойчивыми, к чему призывает Международная хартия права на город, сохраняет свою актуальность. При всей его значимости он, как представляется, все еще слабо осмыслен отечественными учеными, в то время как города и их ближайшие пригороды остаются главным местом для жизни большей части россиян. Обратив внимание на неравномерность территориального развития Улан-Удэ и его пригородной зоны в условиях стремительной сельско-городской миграции в регионе в 2000–2010-е годы, я затронул, разумеется, лишь часть этой повестки, в то время как многие из вопросов остались за пределами настоящей статьи. Так, в отдельных российских регионах, сравнительно бедных, высокодотационных, вроде Республики Бурятия, несмотря на все возрастающую поддержку государства все еще не решены многие городские проблемы, а сами города не представляют своим жителям, населению ближайших пригородов справедливые, равные возможности в доступе к общественным благам и инфраструктуре.

Отдельные, разрозненные случаи общественной борьбы населения за адекватное качество жизни на городских окраинах и в пригородных населенных пунктах Улан-Удэ имеют важное

социальное и политическое значение, но пока не позволяют говорить о фундаментальных изменениях в модели развития всего города, в которой все еще достаточно неравенства и несправедливости, и не так уж много, например, устойчивой солидарности, консолидации и т.д. Последние, как и гражданская мобилизация в целом, возникают ситуационно, «на время» — для решения отдельных проблем, в то время как большинство местных жителей, как представляется, сторонится коллективных действий. Случай Улан-Удэ в целом указывает на ситуативную природу городского гражданства, фрагментированность городских и пригородных сообществ в их, казалось бы, общей борьбе за адекватное качество городской/пригородной среды, равный доступ к общественным благам и ресурсам города. Он указывает и на разнообразие моральных императивов в обосновании «права на город», которые могут прямо противоречить друг другу, учитывая, что идеалы, заложенные в этом праве, все еще попросту могут не осознаваться рядовыми жителями.

Библиография

- Базаров Б. В., Балдано М. Н. и др. (ред.). (2016). Улан-Удэ: 350 лет: история и современность. В 2 т. Том второй: XX–XXI вв. Иркутск: Отгиск.
- Бреславский А. С. (2014). Незапланированные пригороды: сельско-городская миграция и рост Улан-Удэ в постсоветский период. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН.
- Бреславский А. С. (2017). «Пригородная революция» в региональном срезе (Улан-Удэ) // Крестьяноведение. Т. 2. № 1. С. 90–101.
- Бреславский А. С., Скворцова Ю. П. (2021). Территориальное общественное самоуправление в Республике Бурятия: опыт реализации гражданских инициатив в 2010-е гг. Иркутск: Отгиск.
- Бреславский А. С. (2023). Динамика и типы демографического развития «городских агломераций» ДФО РФ в 1990–2010-е гг. // Ойкумена. № 4. С. 23–35.
- Карбаинов Н. И. (2005). «Нахаловки» Улан-Удэ: гражданское общество на взлетной полосе // Отечественные записки. № 6. С. 192–197.
- Карбаинов Н. И. (2007). «Нахаловки» Улан-Удэ: «огораживание» пригородной земли // Социологические исследования. № 11(283). С. 136–140.
- Blokland T., Hentschel C., Holm A., Lebuhn H., Margalit T. (2015). Urban Citizenship and Right to the City: The Fragmentation of Claims // International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 39. № 4. P. 655–665.
- Harvey D. (2006). “The Right to the City” // Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures. 2003. Oxford: Oxford University Press. P. 83–103.
- Holston J., Caldeira T. (2008). Urban peripheries and the invention of citizenship // Harvard Design Magazine, Spring/Summer. P. 17–23.
- Lefebvre H. (1968). Le Droit à la ville. Paris: Anthropos.
- Marcuse P. (2009). From critical urban theory to the right to the city // City. Vol. 13. № 2–3. P. 185–197.
- Mayer M. (2009). The ‘Right to the City’ in the context of shifting mottos of urban social movements // City. Vol. 13. № 2–3. P. 362–374.
- Merrifield A. (2011). The right to the city and beyond // City. Vol. 15. № 3–4. P. 473–481.
- Rose N. (1996). The death of the social? Refiguring the territory of government // Economy and Society. Vol. 25. № 3. P. 327–356.

Anatoly S. Breslavsky, PhD (History), Senior Researcher, Center of Urban Studies, Tyumen State University, Lenina St., 23, Tyumen, 625003. E-mail: breslavsky@imbt.ru

Abstract. The author shows how local residents of the closest suburbs of Ulan-Ude (which grew rapidly in the 2000s — 2010s due to detached houses construction, including *dacha* non-commercial partnerships (DNP) without basic engineering, housing and social infrastructure) defended their “right to the city” (comfortable environment in suburban residential areas, equal access to urban public goods, etc.). The struggle for this right implied social-political mobilization, awareness and acceptance of personal responsibility for the development of territories, including in the form of territorial public self-government (TPS) that widely developed in Buryatia in the 2010s. However, this struggle was not widespread, all-encompassing, constant and sustainable as local suburban communities remained disunited and united only to solve common problems. The case of Ulan-Ude and its suburbs shows the situational nature of urban citizenship and the continuing fragmentation of urban and suburban communities in their seemingly common strive for the adequate quality of the urban/suburban environment, equal access to public goods and urban resources. The article shows a variety of argumentations for the “right to the city”, which may directly contradict each other, since the ideals embodied in this right often are not perceived by ‘ordinary’ residents. The study is based on the author’s participant observations (from 2011), in-depth interviews with leaders and activists of TPS and DNP in the suburban settlements of Ulan-Ude (2021–2024), a focus group (January 2024) and media publications.

Key words: rural migration, right to the city, Russia, Ulan-Ude, suburbs, citizenship, territorial public self-government

References

- Bazarov B. V., Baldano M. N. et al. (Eds.) (2016) *Ulan-Ude — 350 years: History and Modernity*: in 2 vols. Vol. 2: 20th — 21st Centuries, Irkutsk: Ottisk.
- Blokland T., Hentschel C., Holm A., Lebuhn H., Margalit T. (2015) Urban citizenship and right to the city: The fragmentation of claims. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 39, no 4, pp. 655–665.
- Breslavsky A. S. (2014) *Nezaplanirovannye prigorody: selsko-gorodskaya migratsiya i rost Ulan-Ude v postsovetский period* [Unplanned Suburbs: Rural-Urban Migration and the Growth of Ulan-Ude in the Post-Soviet Period], Ulan-Ude: BSC SB RAS.
- Breslavsky A. S. (2017) “Prigorodnaya revolyutsiya” v regionalnom sreze (Ulan-Ude) [“Suburban revolution”: The regional case (Ulan-Ude)]. *Russian Peasant Studies*, vol. 2, no 1, pp. 90–101.
- Breslavsky A. S. (2023) Dinamika i tipy demograficheskogo razvitiya “gorodskih aglomeratsiy” DFO RF v 1990–2010-e gg. [Dynamics and types of the demographic development of “urban agglomerations” in the Far-Eastern Federal District of the Russian Federation in the 1990s — 2010s]. *Oikumene*, no 4, pp. 23–35.
- Breslavsky A. S., Skvortsova Yu. P. (2021) *Territorialnoe obshchestvennoe samoupravlenie v Respublike Buryatiya: opyt realizatsii grazhdanskih initsiativ v 2010-e gg.* [Territorial Public Self-Government in the Republic of Buryatia: Civil Initiatives in the 2010s], Irkutsk: Ottisk.
- Harvey D. (2006) The right to the city. *Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures, 2003*, Oxford: Oxford University Press, pp. 83–103.

- Holston J., Caldeira T. (2008) Urban peripheries and the invention of citizenship. *Harvard Design Magazine*, Spring/Summer, pp. 17–23.
- Karbainov N. I. (2005) “Nakhalovki” Ulan-Udeh: grazhdanskoe obshchestvo na vzletnoi poloze [“Smart alecks” of Ulan-Ude: Civil society on takeoff]. *Otechestvennye Zapiski*, no 6, pp. 192–197.
- Karbainov N. I. (2007) “Nakhalovki” Ulan-Udeh: “ogorazhivanie” prigorodnoi zemli [“Smart alecks” of Ulan-Ude: “Enclosure” of suburban land]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, no 11, pp. 136–140.
- Lefebvre H. (1968) *Le Droit à la Ville*, Paris: Anthropos.
- Marcuse P. (2009) From critical urban theory to the right to the city. *City*, vol. 13, no 2–3, pp. 185–197.
- Mayer M. (2009) The ‘right to the city’ in the context of shifting mottos of urban social movements. *City*, vol. 13, no 2–3, pp. 362–374.
- Merrifield A. (2011) The right to the city and beyond. *City*, vol. 15, no 3–4, pp. 473–481.
- Rose N. (1996) The death of the social? Refiguring the territory of government. *Economy and Society*, vol. 25, no 3, pp. 327–356.

Феномен вновь образованных сельских населенных пунктов на примере Республики Удмуртия

О. А. Балабейкина

Ольга Александровна Балабейкина, кандидат географических наук, доцент кафедры региональной экономики и природопользования, Санкт-Петербургский государственный экономический университет. 191023 Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 30-32, литер А. E-mail: Olga8011@yandex.ru

Аннотация. Цель представленной статьи — выявление перечня вновь образованных сельских населенных пунктов на территории Республики Удмуртия за период первых двух десятилетий XXI века, а также характеристика особенностей социально-экономического функционирования и хозяйственного значения таковых. Эмпирической базой исследования послужили результаты проделанных в ноябре 2023 года официальных запросов в органы власти и управления Республики Удмуртия на получение сведений о фактах ликвидации и образования вновь населенных пунктов. Информация также получена из правовых документов республиканского значения, опубликованных картографических, научных, сетевых источников. Были установлены количественные и качественные характеристики вновь восстановленных деревень Республики Удмуртия. Зафиксирован факт высокого познавательного и практического интереса к ликвидированным сельским населенным пунктам, составлен перечень вновь образованных деревень региона на месте прежде упраздненных, приведены описания экономической деятельности их населения (преимущественно индивидуальное сельское хозяйство и агротуризм). Хотя факты восстановления ранее упраздненных деревень в Республике Удмуртия носят единичный характер, их следует оценивать позитивно и в хозяйственном, и социальном значении.

Ключевые слова: деревня, образование населенного пункта, Республика Удмуртия, руралистика, сельская местность, упраздненное поселение

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-1-96-106

Система расселения страны и ее отдельных регионов носит динамичный характер. Одни населенные пункты разрастаются и процветают, а другие, наоборот, утрачивают своих жителей и ликвидируются. Упразднение населенных пунктов может быть вызвано самыми разными причинами и факторами природного, политико-административного и общественно-экономического генеза. Например, фиксируются случаи, когда жилая и нежилая застройка поселений подверглась уничтожению в связи с последствиями цунами, ураганов, наводнений, пожаров, оползней и т.д. Если сила разрушения такова, что восстановление населенных пунктов признано нецелесообразным, они упраздняются.

Еще одна причина ликвидации поселений вызвана директивными решениями руководства страны или региона. В отечественной практике самые крупные последствия такого рода были вызваны решениями Пленума ЦК КПСС, созванного в декабре 1959 года, о реорганизации регионального и внутрихозяйственного планирования, по результатам которого сельские населенные пункты подразделялись на перспективные и неперспективные. Те, что относились к последней категории, подлежали упразднению. К началу 1980-х годов, когда Комитет по гражданскому строительству и архитектуре принял решение об отмене ранее намеченного плана, на территории РСФСР осталось 177,1 тыс. сельских поселений, т.е. менее половины от числа имевшихся на начало 1960-х годов.

Самую распространенную группу причин упразднения сел и деревень вызывают социально-экономические факторы. К таковым относится, например, хозяйственное освоение территории и возведение в ее пределах промышленных гидроэнергетических объектов. Водохранилищами гидроэлектростанций в советский период оказались затопленными сотни и тысячи населенных пунктов.

Постепенное обезлюдение и, как следствие, ликвидация поселений зачастую происходит из-за миграционного оттока трудоспособного населения. Причиной служит отсутствие возможностей для профессиональной реализации, безработица, тяжесть бытовых условий, транспортная и территориальная разобщенность с центрами, обеспеченными медицинской, образовательной, досугово-культурной инфраструктурой.

Чаще всего процессы ликвидации поселений оцениваются негативно, поскольку несут тяжелые социальные последствия. Образование нового населенного пункта, наоборот, свидетельствует о развитии хозяйственного потенциала территории.

Для России тема упразднения населенных пунктов, а также перспектив их последующего восстановления имеет особую актуальность, поскольку в истории государства уже случались периоды массового снятия с административного учета сел, деревень и иных типов сельских поселений.

Вплоть до начала 1980-х годов директивы, направленные на ликвидацию поселений, воплощались в жизнь на уровне отдельных регионов страны, особенно пострадала зона Черноземья. В дальнейшем процессы обезлюдения сел и деревень усугублялись кризисом, сопровождавшим общественно-экономические трансформации конца XX века. В одной только Воронежской области с начала 1960-х до сегодняшнего дня было ликвидировано почти 1300 поселений (Попов, 2021: 50), а Удмуртия начиная с 1920-х годов утратила более 2 тыс. сельских населенных пунктов¹.

---

1. Интерактивный атлас исчезнувших деревень Республики Удмуртия // <https://lostvillages.udsu.ru/about/>

Но в первые десятилетия XXI века в некоторых регионах России появился противоположный феномен: стали фиксироваться примеры возрождения некогда ликвидированных сел и деревень.

Научное осмысление взаимосвязанных процессов ликвидации и восстановления сел и деревень требует опоры на обширную теоретико-методологическую базу, основой которой служат труды, посвященные вопросам изменений, формирования и развития системы сельского расселения. Наиболее существенные и результативные разработки в рамках данного направления, в том числе выполненные на примерах отдельных российских регионов, принадлежат таким авторам, как А. И. Алексеев и С. Г. Сафронов (Алексеев, Сафронов, 2017), Н. В. Зубаревич (Зубаревич, 2017), А. С. Чучкалов и его соавторы (Чучкалов и др., 2021), В. С. Дементьев (Дементьев, Клейменов, 2018) и др.

Непосредственно процессы ликвидации сельских населенных пунктов, причины и последствия этого явления, а также проблемы хозяйственного использования занятых ими территорий детально рассматривались на примерах Воронежской области (Попов, 2021), Республики Карелия и Ленинградской области (Балабейкина, 2023), Мурманской области (Савоскул, Алексеев, 2019), Московской области (Никонов, 2022) и других регионов РФ. Обращались к проблематике, связанной с упразднением населенных пунктов, и зарубежные авторы (Rodríguez-Pose, 2018).

Отдельно следует отметить, что Республика Удмуртия также выступала полигоном для исследования процессов, касающихся сельских поселений, снятых с административного учета. Эти вопросы отражены в статьях А. Л. Лекомцева (Лекомцев, 2021).

Ликвидированным селам и деревням уделяется пристальное внимание в современной отечественной историографии, что особенно заметно в последние несколько лет (Балабейкина и др., 2023; Петров, 2019). Однако этого нельзя сказать о вновь образованных деревнях. К редким исключениям можно отнести исследование А. И. Алексеева и М. С. Савоскул (Савоскул, Алексеев, 2021), в котором авторы аргументированно обосновывают ближайшие перспективы восстановления в статусе жилой деревни Кузрека, расположенной на Терском побережье в Мурманской области. Но на уровне страны или региона объектом отдельного изучения вновь образованные села не стали, хотя данный феномен, безусловно, заслуживает научного осмысления.

Таким образом, цель нашей статьи — выявить примеры вновь образованных сельских населенных пунктов, представить характеристики их социально-экономического функционирования и хозяйственного значения на уровне отдельного региона — Республики Удмуртия.

Материалы и методы

В качестве полигона исследования выбрана Республика Удмуртия, как пример административно-территориального субъекта РФ,

в пределах которого на протяжении первых десятилетий XXI века неоднократно фиксируются случаи образования новых сельских населенных пунктов на месте некогда ликвидированных.

Для получения исходной информации в ноябре 2023 года автором были направлены запросы в Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по УР (Удмуртстат)². Кроме этого, эмпирической базой исследования послужило содержание аккаунтов тематических интернет-сообществ, поддерживающихся инициативными группами вновь образованных поселений.

Результаты и обсуждение

Республику Удмуртия можно считать примером региона, в котором проявляется очень высокий интерес населения к историко-культурному наследию, связанному с упраздненными селами и деревнями. Так, 23 сентября 2017 года в д. Сеп Игринского муниципального района был открыт Народный музей исчезнувших деревень. Собранная усилиями заинтересованных добровольцев и местных жителей экспозиция создана с применением новейших технологий, в том числе интерактивных. Это первый в России пример тематического музея, непосредственно посвященного ликвидированным сельским поселениям. Подобная историческая реконструкция может стать импульсом к проявлению инициативы для возрождения некогда ликвидированных деревень.

Образование нового населенного пункта в Республике Удмуртия — сложный многоэтапный процесс. Федеральное законодательство предписывает считать населенный пункт таковым начиная с момента присвоения наименования, зафиксированного постановлением Правительства РФ. До этого Государственный совет республики фиксирует инициативу представительного органа муниципального района, где планируется образование поселения. Собранные необходимые документы направляются в Федеральную службу государственной регистрации, кадастра и картографии для проведения экспертизы и получения заключения Росреестра.

На уровне отдельных субъектов РФ образование нового населенного пункта регулируется законами об административно-территориальном устройстве³. В Республике Удмуртия основным услови-

2. Официальное обращение в Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по УР по предоставлению информации о перечне вновь образованных населенных пунктов в Республике Удмуртия. Зарегистрировано. Входящий № 1543 /4.8.2-03 от 21.11.23.
3. Статья 13. Образование населенного пункта // Закон Удмуртской Республики от 19 октября 2006 года № 46-РЗ «Об административно-территориальном устройстве Удмуртской Республики» (с изменениями на 24 октября 2023 года). Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/960012488?ysclid=lq5flhmg2d3676c84c67>

ем для этого декларируется наличие новой сосредоточенной жилой застройки, используемой для постоянного или преимущественно-го проживания населения (п. 1 ст. 13 № 46-РЗ). Некоторые ограничения связаны с границами предполагаемого населенного пункта и его расположением относительно прочих поселений, а также других муниципальных образований и субъектов РФ.

Представление об образовании нового поселения, помимо прочих документов, должно содержать сведения, свидетельствующие о его транспортно-инфраструктурной доступности: расстояние до поселкового или сельского совета, центра муниципального образования, железнодорожной станции, отделения почтовой связи. Кроме того, указывается количество людей, проживающих в пределах застройки на момент образования поселения и на перспективу.

С начала XXI века в Республике Удмуртия было образовано 5 новых сельских населенных пунктов. Их перечень в 2008 году открыла деревня Мувыр Игринского района⁴. В 1960-х она была признана неперспективной, но лишь в начале 1980-х годов, после расселения жителей по окрестным поселениям, официально упразднена, а площади переданы под пашню.

Возрождение деревни Мувыр стало результатом личной инициативы ее уроженца — А. Г. Корепанова, основавшего в 2000-х годах на территории, некогда занятой населенным пунктом, личное фермерское хозяйство. Условия для комфортного проживания на тот момент отсутствовали, поскольку инфраструктурой в виде проведения линий электропередач, водопровода, обслуживания транспортных коммуникаций ликвидированные населенные пункты не обеспечиваются. Спустя несколько лет его позитивный опыт ведения индивидуального хозяйства привлек в Мувыр людей, также желающих заняться фермерством. В результате на данный момент в деревне выстроено 12 частных жилых домов, где постоянно проживают около 30 человек. Их фермерские хозяйства насчитывают несколько десятков голов крупного рогатого скота, а удои молока перерабатываются на мини-заводе «Красный молочник», оборудованном и введенном в эксплуатацию преимущественно при государственной финансовой поддержке в виде гранта. Производимая кисломолочная продукция успешно реализуется на региональном рынке. Функционирует столярная мастерская, где принимаются заказы на изготовление деревянной мебели.

Постепенно разрастается инфраструктура населенного пункта: подведены линии электропередач, оборудована детская игровая площадка, выстроен подвесной мост, открыто кафе. Оно работает согласно расписанию по субботам и воскресеньям, но по предвари-

---

4. Постановление Государственного совета Удмуртской Республики от 16 декабря 2008 года № 205-IV «Об образовании населенного пункта — деревни Мувыр на территории Игринского района Удмуртской Республики».

тельному заказу обеспечивает питанием организованные экскурсионные группы и в будние дни.

В мае 2016 года в деревне Мувыр состоялось открытие православной часовни, освященной в честь св. Георгия Победоносца.

Еще одно важное направление хозяйственного развития возрожденного населенного пункта — туристско-рекреационное, в первую очередь связанное с агротуризмом. Причем как с предоставлением комплекта услуг с размещением в гостевых домах, так и с организацией и проведением событийных, экскурсионно-познавательных и культурно-досуговых мероприятий, в том числе ориентированных на детско-юношеские группы. Планируется дальнейшее расширение инфраструктуры в этом направлении и создание музея возрожденных деревень. Можно констатировать, что жители Мувыра обеспечены доходом от трудовой деятельности. Более того, на платформах информационных интернет-ресурсов представителями руководства организованных там мини-предприятий иногда размещаются объявления о вакансиях водителя, рабочего и т.д., что очень ценно для населения окрестных поселений.

Спустя два года после официального образования деревни Мувыр в Сарапульском районе была восстановлена деревня Лубянка⁵. Согласно сведениям, предоставленным в ответ на официальный запрос Постоянной комиссии по государственному строительству и местному самоуправлению Республики Удмуртия, это поселение было упразднено в 1986 году. Следует отметить, что в «Атласе исчезнувших деревень Удмуртии» — основном источнике информации, содержащем наиболее полный перечень ликвидированных населенных пунктов региона, она не упоминается. Расстояние по автодороге от деревни Лубянка до села Сигаево — административного центра Сарапульского района и самого крупного населенного пункта в пределах территории муниципального образования, составляет 9 км, а по прямому пути — 4 км. Доступность инфраструктуры районного центра служит импульсом для привлечения в деревню Лубянки людей, желающих заниматься фермерским хозяйством. По имеющимся данным на 2019 год, здесь проживали 23 человека⁶, есть недавно построенные дачные дома.

Сведения о факте исключения из учетных данных административно-территориального устройства УАССР в 1984 году деревни Русский Сарамак Кизнерского района также отсутствуют в интерактивном атласе и получены по официальному запросу. Поселение

О. А. Балабейкина
Феномен вновь образованных сельских населенных пунктов на примере Республики Удмуртия

5. Постановление Государственного совета Удмуртской Республики от 16 февраля 2010 года № 392-IV «Об образовании населенного пункта — деревни Лубянки на территории Сарапульского района Удмуртской Республики».

6. Проект «Внесение изменений в генеральный план муниципального образования Усть-Сарапульское Сарапульского района Удмуртской Республики». Ижевск, 2019. С. 21.

было восстановлено в статусе в 2011 году⁷. Фактически его территория стала осваиваться несколькими годами ранее за счет индивидуальных фермерских хозяйств, для чего была разделена на 50 земельных участков площадью в 1 га, доступных к приобретению. Все они были вскоре реализованы, причем покупателями большей частью выступают жители приграничных с Удмуртией районов Республики Татарстан, меняющие при этом регион проживания. Помимо выращивания и производства сельскохозяйственной продукции, население вовлечено в агротуризм⁸.

Благодаря обозначившимся в 2000-х годах и сохраняющимся по сей день тенденциям развития фермерского хозяйства в 2019 году в Республике Удмуртия были образованы деревни Родники Красногорского муниципального района⁹ и Большие Котляки Якшур-Бодьинского муниципального района¹⁰. Первая расположена на территории бывшей деревни Большие Котляки, исключенной из учетных данных населенных пунктов в 1978 году, а вторая была ликвидирована в 1963 году в связи с укрупнением сел и деревень.

По данным на 2019 год, в д. Большие Котляки числилось 52 человека, а постоянно проживало 15, а в д. Куртепово было 12 постоянных жителей. Население занято ведением личного подсобного хозяйства, пчеловодством. Намечены перспективы развития агротуризма.

Для полноты представления о роли вновь образованных сел и деревень в системе сельского расселения России было бы интересно и целесообразно рассмотреть процессы их восстановления на примере иных регионов, сравнив результаты с Республикой Удмуртия. Но на данный момент проделать это весьма затруднительно в силу отсутствия эмпирической базы, отражающей исходные данные на уровне всей страны. Однако даже полученные через официальные запросы в Территориальные органы федеральной службы государственной статистики по административным субъектам РФ разрозненные сведения, касающиеся Ленинградской области, Республик Карелия и Якутия, свидетельствуют о том, что

7. Постановление Государственного совета Удмуртской Республики от 27 сентября 2011 года № 634-IV «Об образовании населенного пункта — деревни Русский Сарамак на территории Кизнерского района Удмуртской Республики».
8. «Сарамакские узоры» (ППП Русский Сарамак) // КизнерТуризм. Сообщество «ВКонтакте». Режим доступа: https://vk.com/uslugi-219888686?screen=group&w=product-219888686_8614088%2Fquery
9. Постановление Государственного совета Удмуртской Республики от 24 июня 2019 года № 451-VI «Об образовании населенного пункта — деревни Родники на территории Красногорского района Удмуртской Республики».
10. Постановление Государственного совета Удмуртской Республики от 24 июня 2019 года № 452-VI «Об образовании населенного пункта — деревни Куртеково на территории Якшур-Бодьинского района Удмуртской Республики».

в последние десятилетия неоднократно фиксируются факты восстановления ранее упраздненных сельских населенных пунктов. Эти села и деревни характеризуются очень небольшой численностью населения, занятого в сельском хозяйстве или туристско-рекреационной сфере.

Но возрождение некогда ликвидированных и заброшенных поселений само по себе позитивный факт. Прецеденты создают импульс для выявления тенденций и закономерностей развития и функционирования вновь образованных сельских населенных пунктов на уровне отдельных регионов разного таксономического ранга, что открывает перспективы для развития нового научного направления в руралистике и смежных дисциплинах.

Заключение

Республика Удмуртия — пример одного из многих российских регионов, где на протяжении советского и постсоветского периодов активно проходили и продолжают процессы, ведущие к обезлюдению и последующей ликвидации сельских населенных пунктов. Однако в пределах рассматриваемого административно-территориального субъекта РФ фиксируется высокий интерес населения к сохранению памяти об упраздненных деревнях, реализуются достойные внимания и заимствования опыта инициативы, связанные с мемориализацией наследия снятых с административного учета сельских поселений.

Вновь образованные в начале XXI века деревни Удмуртии были ликвидированы в 1960–1980-х годах в рамках политики упразднения неперспективных сельских населенных пунктов. Но память о них у жителей и их потомков сохранилась, что во многом и послужило их последующему восстановлению.

Все пять образованных деревень Республики Удмуртия расположены в разных муниципальных районах — Игринском, Сарапульском, Кизнерском, Красногорском и Якшур-Бодьинском. Высокими хозяйственными результатами среди них выделяется деревня Мувыр Игринского района, инициатором воссоздания которой стал ее уроженец.

Обозначившийся процесс образования новых деревень на месте некогда ликвидированных следует рассматривать позитивно. Его результат — не только вовлечение в сельскохозяйственное производство и систему расселения заброшенных площадей, но и удовлетворение потребностей людей, желающих проживать в избранном месте, особенно в случаях, когда это связано с их семейно-родовыми корнями и традициями.

На данный момент факты образования новых сельских населенных пунктов в Республике Удмуртия носят единичный характер, но среди них имеются интересные примеры, что при должном

содействии со стороны местных органов власти может сделать возможным применение этого опыта и в других регионах России.

Библиография

- Балабейкина О. А.* (2023). Упраздненные поселения в системе функционирования туристско-рекреационного хозяйства // *Технико-технологические проблемы сервиса*. № 1(63). С. 98-104.
- Балабейкина О. А., Коробущенко В. Ю., Мазуренко А. А.* (2023). Упраздненные поселения северо-восточных районов Республики Карелия (1938–2005 гг.) // *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Естественные и физико-математические науки*. Т. 16. № 1. С. 3-12.
- Деметьев В. С., Клейменов С. П.* (2018). Изменения в сельском расселении на территории Псковской области в начале XXI века // *Псковский регионологический журнал*. № 2 (34). С. 40-55.
- Зубаревич Н.* (2017). Развитие сельских территорий России, социальные и гендерные проблемы // *Международный сельскохозяйственный журнал*. № 2. С. 12-14.
- Лекомцев А. Л., Литвинов А. А.* (2021). Сокращение числа сельских населенных пунктов: современные тенденции, факторы, формы (на примере Удмуртской Республики) // *Материалы международной научной конференции (XII Ежегодная научная Ассамблея АРГО) «Настоящее и будущее России в меняющемся мире: общественно-географический анализ и прогноз»*. С. 545-550.
- Никонов В. В.* (2022). Проект «сноса» 26 селений Московской области из-за действовавших в них православных храмов. 1951 г. // *Вестник архивиста*. № 2. С. 546-556.
- Петров Ю. В.* (2019). Процессы упразднения населенных пунктов на Юге Тюменской области в период 1989–2018 годов // *Горные ведомости*. № 1(161). С. 88-95.
- Полов С. А.* (2021). Материалы к «Словарю исчезнувших названий населенных пунктов Воронежской области» // *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*. № 4(43). С. 49-55.
- Савоскул М. С., Алексеев А. И.* (2021). Траектории трансформации одной неперспективной деревни (на примере деревни Кузрека Терского района Мурманской области) // *Крестьяноведение*. Т. 6. № 3. С. 111-123.
- Савоскул М. С., Алексеев А. И.* (2019). Сельско-городские сообщества в официально несуществующем населенном пункте // *Вестник Московского университета. Серия 5: География*. № 4. С. 119-123.
- Чучкалов А. С., Мишук С. Н., Греля Н. К.* (2021). Факторы трансформации пригородной сельской местности депрессивного региона (на примере Биробиджанского района Еврейской автономной области) // *Крестьяноведение*. Т. 6. № 4. С. 136-163.
- Rodríguez-Pose A.* (2018). The revenge of the places that don't matter (and what to do about it) // *Journal of Regions. Economy and Society*. Vol. 11, № 1. P. 189-209.

The phenomenon of new rural settlements on the example of the Republic of Udmurtia

Olga A. Balabeykina, PhD (Geography), Associate Professor, Department of Regional Economics and Environmental Management, Saint Petersburg State Economic University, Canala Griboedova Nab., 30–32, Letter A, Saint Petersburg, 191023.
E-mail: Olga8011@yandex.ru

Abstract. The article aims at presenting a list of new rural settlements in the Republic of Udmurtia, which were founded in the first two decades of the 21st century, and at

identifying the features of their social-economic functioning and economic significance. The article is based on the results of the author's official requests about the liquidation and emergence of new settlements, which were made in November 2023 to the authorities and administration of the Republic of Udmurtia; on the collected legal documents of regional importance, cartographic, scientific, and online sources. Thus, the author identifies quantitative and qualitative characteristics of restored villages in the Republic of Udmurtia, emphasizes the high interest in the liquidated rural settlements, presents a list of new villages which appeared on the site of the previously abolished ones, and describes the economic activity of villagers as predominantly agricultural and agrotourism. The available facts of the restoration of previously abolished villages in the Republic of Udmurtia show this restoration as an isolated phenomenon, but it should be evaluated positively in both economic and social terms.

Key words: village, creation of a settlement, Republic of Udmurtia, rural studies, rural area, abolished settlement

References

- Balabeykina O. A. (2023) Uprazdnennye poseleniya v sisteme funktsionirovaniya turist-sko-rekreatsionnogo khozajstva [Abolished settlements in the system of the tourism-recreation economy]. *Tekhniko-Tekhnologicheskie Problemy Servisa*, no 1, pp. 98–104.
- Balabeykina O. A., Korobushchenko V. Yu., Mazurenko A. A. (2023) Uprazdnennye poseleniya severo-vostochnyh rajonov Respubliki Kareliya (1938–2005 gg.) [Abolished settlements in the northeastern regions of the Republic of Karelia (1938–2005)]. *Vestnik PGU. Seriya: Estestvennye i Fiziko-Matematicheskie Nauki*, vol. 16, no 1, pp. 3–15.
- Dementiev V. S., Kleimenov S. P. (2018) Izmeneniya v selskom rasselenii na territorii Pskovskoj oblasti v nachale XXI veka [Changes in rural settlement in the Pskov Region at the beginning of the 21st century]. *Pskovsky Regionologicheskyy Zhurnal*, no 2, pp. 40–55.
- Chuchkalov A. S., Mishuk S. N., Grelya N. K. Faktory transformatsii prigorodnoj selskoj mestnosti depressivnogo regiona (na primere Birobidzhanskogo rajona Evrejskoj avtonomnoj oblasti) (2021) [Factors of the suburban rural areas transformation into a depressed region (on the example of the Birobidzhan district in the Jewish Autonomous Region)]. *Russian Peasant Studies*, vol. 6, no 4, pp. 136–163.
- Lekomtsev A. L., Litvinov A. A. (2021) Sokrashchenie chisla selskih naselennykh punktov: sovremennye tendentsii, faktory, formy (na primere Udmurtskoj respublikii) [Reduction in the number of rural settlements: Current trends, factors, forms (on the example of the Republic of Udmurtia)]. *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii (XII Ezhegodnaya nauchnaya Assambleya ARGO) "Nastoyashchee i budushchee Rossii v menyayushchemsya mire: obshchestvenno-geograficheskyy analiz i prognoz"*, город? pp. 545–550.
- Nikonov V. V. (2022) Proekt "snosa" 26 seleniy Moskovskoj oblasti iz-za deystvovavshih v nih pravoslavnykh khramov. 1951 [A project for the "demolition" of 26 villages in the Moscow Region due to the Orthodox churches operating in them. 1951]. *Vestnik Arkhivista*, no 2, pp. 546–556.
- Petrov Yu. V. (2019) Protsessy uprazhdeniya naselennykh punktov na Yuge Tyumenskoj oblasti v period 1989–2018 godov [Abolition of settlements in the south of the Tyumen region in 1989–2018]. *Gornyye Vedomosti*, no 1, pp. 88–95.
- Popov S. A. (2019) O roli zakonodatelnykh organov gosudarstvennoj vlasti sub`ektov RF v regulirovanii toponimicheskoy nominatsii [On the role of the state legislative bodies of the subjects of the Russian Federation in toponymic regulation]. *Aktualnye Voprosy Sovremennoy Filologii i Zhurnalistiki*, no 20, pp. 491–501.

- Savoskul M. S., Alekseev A. I. (2019) Selsko-gorodskie soobshchestva v ofitsialno nesushchestvuyushchem naselennom punkte [Rural-urban communities in the officially non-existent settlement], *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5: Geografiya*, no 4, pp. 119–123.
- Savoskul M. S. Alekseev A. I. (2021) Traektorii transformatsii odnoj neperspektivnoj derevni (na primere derevni Kuzreka Terskogo rajona Murmanskoy oblasti) [Trajectories of transformation of one unpromising village (on the example of the village of Kuzreka, Tersky district, Murmansk Region)]. *Russian Peasant Studies*, vol. 6, no 3, pp. 111–123.
- Rodríguez-Pose A. (2018) The revenge of the places that don't matter (and what to do about it). *Journal of Regions. Economy and Society*, vol. 11, no 1, pp. 189–209.
- Zubarevich N. (2017) Razvitie selskih territorij Rossii, sotsialnye i gendernye problemy [Rural development in Russia, social and gender issues]. *International Agricultural Journal*, no 2, pp. 12–14.

Влияние региональных социально-экономических факторов на незаконную добычу промысловых зверей

К. В. Захаров, Е. А. Макарова, А. М. Коновалов, М. А. Ломсков

Константин Валентинович Захаров, кандидат биологических наук, доцент, кафедра зоологии, экологии и охраны природы им. А. Г. Банникова, факультет биотехнологии и экологии, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии — МВА им. К. И. Скрябина. 109472 г. Москва, ул. Академика Скрябина, д. 23. E-mail: coz.prutkoff@yandex.ru

Елена Александровна Макарова, кандидат биологических наук, доцент, кафедра зоологии, экологии и охраны природы им. А. Г. Банникова, факультет биотехнологии и экологии, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии — МВА им. К. И. Скрябина. 109472 г. Москва, ул. Академика Скрябина, д. 23. E-mail: lelemakarov@mail.ru

Александр Михайлович Коновалов, кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, кафедра зоологии, экологии и охраны природы им. А. Г. Банникова, факультет биотехнологии и экологии, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии — МВА им. К. И. Скрябина. 109472 г. Москва, ул. Академика Скрябина, д. 23. E-mail: zoolog82@mail.ru

Михаил Александрович Ломсков, кандидат биологических наук, доцент, кафедра зоологии, экологии и охраны природы им. А. Г. Банникова, факультет биотехнологии и экологии, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии — МВА им. К. И. Скрябина. 109472 г. Москва, ул. Академика Скрябина, д. 23. E-mail: lomskovma@mail.ru

Аннотация. Феномен браконьерства представляет собой сложное явление, на которое влияют самые разные факторы, включая моральные, социальные, экономические и пр. Понимание причин браконьерства имеет не только научное, но и важное практическое значение. Для изучения влияния социально-экономических факторов на незаконную охоту мы сравнили регионы в РФ, сопоставив их показатели социально-экономического развития с долей незаконно добытых копытных и пушных зверей. Оказалось, эта доля существенно отличается между регионами, что подтверждено статистически. Кроме того, копытные звери — более привлекательный объект для браконьеров. Для изучения причин браконьерства мы выбрали несколько социально-экономических факторов: региональный валовой внутренний продукт (ВВП), персональные доходы жителей, индекс потребительских цен на товары и услуги, численность населения региона, доля сельских жителей и доля лиц с охотничьим билетом среди всего населения региона, а также показатель густоты автомобильных дорог. В результате установлены несколько достоверных предикторов (доля лиц с охотничьим билетом, доля сельских жителей, персональные доходы жителей и региональный ВВП), однако полученные модели объясняют очень незначительную долю дисперсии. Таким образом, наши результаты подтверждают вывод об очень сложной природе браконьерства, так, мы не смогли объяснить этот фено-

мен через набор нескольких, казалось бы, очевидных переменных, как это сделано для некоторых других стран.

Ключевые слова: браконьерство, охота, социально-экономические показатели, транспортная доступность, регионы России, промысловые звери

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-1-107-123

Незаконная добыча — браконьерство — представляет собой сложный феномен, на который влияют самые разные факторы и условия, начиная от морально-этических и до социально-политических (Duffy et al., 2015; Duffy, 2016; Carter et al., 2017). Изучение браконьерства, как и других проблем использования живой природы, вышло за пределы поля зрения юридических наук и охраны природы и привлекает внимание исследователей самого разного профиля, поскольку имеет важное практическое значение (Challender and MacMillan, 2014; von Essen et al., 2014). В результате обобщающих исследований установлено несколько причин браконьерства — от самозащиты до промысловой охоты (Muth, Bowe, 1998).

Экономические причины, такие как коммерческая охота или же домашнее потребление мяса, рассматриваются как существенные мотивы браконьерства (Mancini et al., 2011; Duffy et al., 2015). Особенно актуально это для бедных регионов, что показано в многочисленных работах, сделанных на примере Африканского континента, где незаконно добытые звери остаются важным источником мяса для сельских жителей (Rogan et al., 2018; Zyambo et al., 2022). В общемировом масштабе зафиксировано, что в бедных регионах выше потребление продукции, полученной из окружающей природной среды непосредственно вблизи места проживания (Angelsen et al., 2014). Более того, считается общепринятым, что бедность населения и потеря биологического разнообразия тесно связаны между собой (Adams et al., 2004). Наряду с экономическими, отмечается также и значение социальных факторов, таких как культурные традиции, социальное расхождение населения и пр. (von Essen et al., 2015; Carter et al., 2017).

В России незаконная охота также привлекает внимание исследователей и нередко вызывает широкий общественный резонанс (Braden, 2014). Несмотря на это, в отечественной литературе обычно встречаются субъективные суждения о причинах браконьерства, а не научные исследования этой проблемы (Kühl et al., 2009). В некоторых работах приводится криминологическая характеристика преступников (Ишигеев, Бондарь, 2013; Таюрская, 2018), однако так и остается непонятным, каковы же причины незаконной охоты в России? К сожалению, отечественные авторы практически не используют количественные методы для оценки воздействия социально-экономических факторов на браконьерство, за исключением нескольких попыток корреляционного анализа (Макарова, Проняев, 2013; Макарова, 2013).

Зарубежные исследования отмечают важность социально-экономических факторов, которые рассматриваются как существенные причины браконьерства (Carter et al., 2017; Lonstrum and Giva, 2020), однако в России о таких исследованиях нам неизвестно. Можно предположить, что влияние социально-экономической ситуации актуально и при изучении браконьерства в России, где социальное расслоение общества очень велико. Существенно различаются доходы различных слоев общества, регионов, сельских и городских жителей (Полтерович и др., 2009; Зубаревич и Сафронов, 2019; Zakharov et al., 2020), да и среди браконьеров заметно социальное неравенство (Braden, 2014). Кроме того, показатели социально-экономического развития, выраженные в количественных переменных, наравне с данными о браконьерстве, могут использоваться в анализе.

Объект и методы исследования

В качестве объекта исследования мы выбрали две группы охотничье-промысловых зверей — копытных и пушных. Это открывает возможности для использования материалов ежегодных учетов промысловых зверей в охотхозяйствах России, проводимых по стандартной методике, которая с различными изменениями применяется с 1970-х годов¹. С полным списком охотничье-промысловых зверей можно ознакомиться на сайте ФГБУ «ФНИЦ Охота»².

Обычно при изучении браконьерства внимание в первую очередь уделяется редким видам зверей (Challenger and MacMillan, 2014), мы же включили в наше исследование все виды копытных и пушных зверей (кроме внесенных в Красную книгу РФ). Такой подход обусловлен иным уровнем ответственности за добычу краснокнижных видов, что зачастую делает их объектом узкого круга «VIP-охотников» (Braden, 2014). В целом среди всех незаконно добытых промысловых зверей доля зверей и птиц, в отношении которых охота запрещена, не превышает 15% (Таюрская, 2018).

Изучение браконьерства, как и других форм незаконного использования природных ресурсов, — довольно сложная задача (Gavin et al., 2010; Carter et al., 2017). Ее решение сталкивается со значительными трудностями, в том числе с недостатком данных (Gavin et al., 2010; Duffy et al., 2015; Rogan et al., 2018; Lonstrum,

1. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. Методические рекомендации по организации, проведению и обработке данных зимнего маршрутного учета охотничьих животных в России (с алгоритмами расчета численности). Сост. В. С. Мирутенко и др. 2009. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902217266> (дата доступа: 07.05.2023)
2. ФГБУ «ФНИЦ Охота». Состояние охотничьих ресурсов. URL: <http://www.ohotcontrol.ru/> (дата доступа: 07.05.2023)

Giva, 2020) — очень непросто определить, сколько же зверей добыли браконьеры (Carter et al., 2017). В отечественной научной школе используются несколько подходов, Н. В. Краев (1990) выделяет три метода изучения браконьерства: *учетный, опросный и аналитический*.

Учетный метод заключается в определении общего количества нарушений на известной площади и экстраполяция этих оценок на определенную территорию. Затем для оценки латентности браконьерства полученный показатель сравнивается с официально зафиксированными случаями браконьерства. Этот подход был реализован дружинами по охране природы МГУ (Мартынов, Столбов, 1982). Полученная оценка латентности браконьерства составила 99%. В практике оценки браконьерства использовались и относительные учеты, основанные на показателях среднего количества выходов на охоту и доле браконьерских охот.

Основу *опросного метода* составляет либо непосредственный опрос лиц, связанных с охотой, или их анкетирование. Этот метод получил широкое распространение (Перовский, 2003; Валенцев, Пачковский, 2006; Вайсман и др., 2011; Валенцев, 2013). По результатам опросов выявляется латентность браконьерства, то есть объемы незаконной добычи, не попадающие в официальные сводки, а также оценки абсолютных величин незаконной добычи того или иного вида.

Аналитические методы разнообразны и определяются доступностью тех или иных материалов. Используется информация, содержащаяся в Интернете (Николаенко, 2007), широко привлекаются данные таможенной и пограничной служб, органов исполнительной власти (Дубовик и др., 2012); данные мониторинга зверей в заповедниках (Трепет, Ескина, 2011; 2012). Эта группа методов получает все большее распространение, что связано с вероятностным характером браконьерства и его высокой латентностью, для изучения которого требуются значительные объемы материала.

Выбор социально-экономических показателей

Отобрать корректные индикаторы социально-экономического развития не так просто, поскольку общий список достаточно велик, например, в отчетах Всемирного банка их насчитывается более 1400³, впрочем, при изучении браконьерства авторы используют, как правило, одни и те же показатели. В первую очередь это показатели бедности населения и валовой внутренний продукт (ВВП) (Di Minin et al., 2015; Hauenstien et al., 2019; Lunstrum and Giva, 2020), а также демографические данные (von Essen, 2014;

3. <https://data.worldbank.org/region/europe-and-central-asia> (дата доступа: 05.01.2024)

Duffy et al., 2016; Rogan et al., 2018). Схожей точки зрения придерживаются и исследователи незаконной охоты в России: считается, что браконьерство тесно связано с безработицей и низкими доходами в регионах (Kühl et al., 2009; Braden, 2014). Бедность и даже «обнищание» населения, особенно сельского, указывалось и в качестве одной из важнейших причин браконьерства в России еще в начале XX века известным охотоведом С. А. Силантьевым (Гуров, 2023). Наряду с показателями благосостояния привлекает внимание соотношение сельского и городского населения, поскольку считается, что незаконной охотой чаще занимаются жители населенных пунктов, расположенных поблизости от охотничьих угодий (Ишигеев, Бондарь, 2013; Таюрская, 2018), то есть доступность мест охоты.

В исследованиях экономического профиля социально-экономическое развитие рассматривается как сложная система процессов, каждый из которых может быть выражен несколькими показателями, из которых выделяется наиболее информативный (Demchenko and Melnikova, 2015). Так, ВВП наиболее полно описывает основные процессы социально-экономического развития, кроме того, показательны численность населения и прожиточный минимум, а уровень преступности характеризует процессы, препятствующие развитию (Demchenko and Melnikova, 2015). Мы скорректировали этот список с учетом специфики объекта исследования и доступности данных для регионов в рассматриваемый период. Транспортная доступность охотничьих угодий существенно различается, поэтому в анализ мы включили и показатель густоты автомобильных дорог. Так, например, поскольку было зафиксировано влияние этого показателя на незаконную вырубку леса в Европейской части России (Wendland et al., 2015), можно предположить значение степени развития транспортных коммуникаций и на браконьерство. Полный список социально-экономических параметров приведен в таблице 1.

Таблица 1. Список выбранных социально-экономических показателей и использованных источников

Экономические показатели	Валовой внутренний продукт (ВВП)	https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата доступа: 12.04.2023)
	Персональные доходы жителей	
	Индекс потребительских цен на товары и услуги	https://www.audit-it.ru/inform/inflation/inflation_regions.php?start_year=2003&end_year=2007 (дата доступа: 05.01.2024)

Социальные показатели	Численность населения региона	https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата доступа: 12.04.2023)
	Доля сельских жителей в регионе	
	Доля лиц с удостоверением на право охоты среди всего населения региона	Сборник «Состояние ресурсов охотничьих зверей в Российской Федерации в 2003–2007 гг.» (2007).
	Число выявленных незаконных охот	
Транспортная доступность	Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием (км на 1000 км ² территории)	https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B12_14p/lssWWW.exe/Stg/do2/18-11.htm (дата доступа: 05.01.2024)

Результаты, полученные другими авторами, позволили нам сформулировать гипотезу о влиянии социально-экономических факторов на вероятность незаконной добычи животных, которая возрастает с увеличением бедности и доли сельского населения, а также густоты автомобильных дорог.

Источники исследования и методы их анализа

В основу исследования легли официальные материалы ФГУ «Центроохотконтроль» за 2003, 2004 и 2005 годы. Данные по численности зверей и браконьерскому отлову взяты из сборника «Состояние ресурсов охотничьих зверей в Российской Федерации в 2003–2007 гг.» (2007). Именно за 2003–2007 годы публиковались данные о браконьерстве, в том числе латентном, что и определило выбор периода. В качестве источника социально-экономических показателей в основном использованы материалы Росстата. Все данные сведены в таблицу, где в строках перечислены регионы, а в столбцах — данные по незаконному отлову и социально-экономические показатели.

Поскольку регионы существенно отличаются по площади, мы использовали не абсолютные, а относительные данные, т.е. показатели по незаконной добыче, общей численности жителей, численности охотников и сельских жителей, которые были соотнесены с площадью региона. В 2004 году произошли административные изменения — несколько охотуправлений объединены, что, конечно, искажает социально-экономические показатели до и после объединения. Такие регионы, как и города федерального статуса с прилегающими областями, были исключены из анализа. Поэтому всего проанализировано 63 региона во всех федеральных округах.

Общая таблица построена в Microsoft Excel, для статистической обработки данных использовалась R. Для краткости каждый федеральный округ получил буквенное обозначение от A до G, тогда как каждому региону наряду с буквенным присвоено и цифровое обозначение. Для демонстрации объема незаконной добычи пушных и копытных зверей и различий между регионами мы использовали диаграммы размахов, построенные с помощью функции `boxplot()`. Следующий этап включает собственно анализ данных. Первоначально относительные данные по незаконной добыче проверены на наличие выбросов и нормальность с использованием функции `lillie.test()` из пакета `nortest`. Поскольку распределение отличается от нормального, данные были преобразованы путем возведения в степень или логарифмирования. Показатель степени определен с помощью функции `powerTransform()` из пакета `car`. Различия в незаконной добыче зверей между регионами также показаны графически, кроме того, для доказательства различий между регионами использовался непараметрический тест Краскела-Уоллиса — функция `kruskal.test()`. Достоверность различий средних показателей незаконной охоты между пушными и копытными животными оценивалась с использованием непараметрического теста Мана-Уитни, функция `wilcos.test()`.

Влияние региональных социально-экономических факторов на незаконную добычу пушных и копытных зверей оценивалось с помощью линейного регрессионного анализа, функция `lm()`. Показатели незаконно добытых пушных и копытных зверей в каждом регионе мы рассматривали как зависимые переменные, а социально-экономические показатели — как независимые предикторы.

Результаты

Различия в незаконной добыче копытных и пушных зверей между регионами показаны на рисунках 1 и 2, где даны диаграммы размахов от минимального до максимальных значений; серый прямоугольник показывает значения между верхней и нижней квартилями, а поперечная черная линия — медианные значения. Названия регионов мы приводить не стали из-за ограниченного размера диаграмм, однако межрегиональные различия прослеживаются весьма отчетливо. Так, наибольших показателей браконьерская охота на копытных достигла в Калмыкии, а на пушных зверей — в Астраханской области. В целом доля незаконно добытых копытных зверей заметно выше ($0,16 \pm 0,02$), чем пушных ($0,02 \pm 0,002$), то есть копытные привлекательнее для браконьеров, чем пушные. Этот вывод подтверждает результат теста Мана-Уитни.

Достоверные различия в количестве незаконно добытых зверей между регионами демонстрируют и результаты теста Краскела-Уоллиса, которые существенно меньше порогового значения 0,05. Таким образом, полученные результаты подтверждают достоверные различия в незаконной добыче разных групп животных в разных регионах, следовательно, мы можем попытаться понять, в чем же причина этих различий.

Распределение доли незаконно добытых зверей отличается от нормального, однако эта проблема решается возведением переменной в степень (0,045 для данных по копытным) или логарифмированием (данные по пушным зверям), что подтверждают результаты теста Колмогорова-Смирнова. Как показали результаты регрессионного анализа, ни один из выбранных нами предикторов не оказывает существенного воздействия на незаконную добычу зверей (табл. 2).

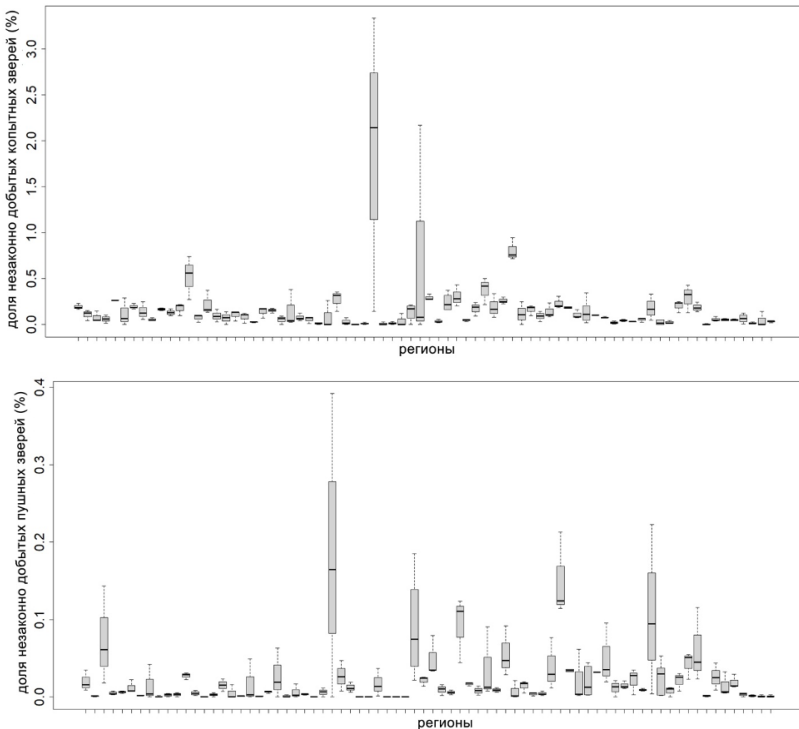

Рис. 1 и 2. Доля незаконно добытых копытных и пушных зверей в каждом регионе в период 2003–2005 гг.

Мы смоделировали влияние нескольких предикторов на копытных — модель 1, и пушных зверей — модель 2. Результаты показаны в таблицах 3 и 4. Модель 1 достоверна ($p = 4,15e-06$), однако объясняет лишь небольшую часть дисперсии ($R^2 = 0,17$).

Таблица 2. Результаты моделирования влияния социально-экономических показателей на незаконную охоту

Социально-экономические параметры	Результаты регрессионного анализа			
	Копытные звери		Пушные звери	
	p	R ²	p	R ²
Валовой внутренний продукт (ВВП)	0,340	0,005	0,330	0,006
Персональные доходы жителей	0,0005	0,070	0,150	0,013
Индекс потребительских цен на товары и услуги	0,650	0,001	0,950	0,004
Численность населения региона	0,003	0,050	0,020	0,040
Доля сельских жителей в регионе	0,470	0,003	0,030	0,030
Доля лиц с удостоверением на право охоты среди всего населения региона	5,03e-05	0,090	8,7e-05	0,096
Число выявленных незаконных охот	0,004	0,050	5,78e-05	0,100
Плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием (км на 1000 км ² территории)	0,030	0,040	0,370	0,005

Примечание: p — статистическая значимость модели, модели со значениями p выше 0,05 недостоверны; коэффициент детерминации R² показывает долю объясненной дисперсии, минимальное принятое значение R² — 0,40.

Таблица 3. Регрессионные коэффициенты множественной линейной регрессии, моделирующей влияние социально-экономических предикторов на незаконную добычу копытных

Регрессионные коэффициенты	Значение коэффициента	Стандартная ошибка	p-значение
(Intercept)	9,571e-01	1,304e-02	2e-16
Доля лиц с охотничьим билетом	-7,457e-01	3,084e-01	0,01670
Доля сельских жителей	-6,004e-02	2,837e-02	0,03583
Персональный доход	-5,281e-06	1,656e-06	0,00170
Региональный ВВП	5,982e-08	1,960e-08	0,00265

*К. В. Захаров,
Е. А. Макарова,
А. М. Коновалов,
М. А. Ломсков*
Влияние региональных социально-экономических факторов на незаконную добычу промысловых зверей

Таблица 4. Регрессионные коэффициенты множественной линейной регрессии, моделирующей влияние социально-экономических предикторов на незаконную добычу пушных зверей

Регрессионные коэффициенты	Значение коэффициента	Стандартная ошибка	p-значение
(Intercept)	-4,4504	0,3175	2e-16
Доля лиц с охотничьим билетом	-31,0231	-4,057	7,95e-05
Доля сельских жителей	1,8884	0,8212	0,0228

Регрессионная модель 2 статистически значима ($p = 3,712e-05$) и содержит два значимых коэффициента, но доля объясненной дисперсии также очень невысока ($R^2 = 0,115$). Поскольку коэффициенты детерминации R^2 для моделей 1 и 2 незначительны, мы не стали записывать регрессионные уравнения.

Таким образом, в результате регрессионного анализа установлены несколько статистически значимых социально-экономических предикторов, однако низкие значения коэффициента детерминации R^2 не позволяют объяснить феномен браконьерства с использованием нескольких предикторов.

Обсуждение

Как показали полученные нами результаты, копытные звери для браконьеров представляют больший интерес в качестве объекта охоты по сравнению с пушными зверями. Кроме того, доля незаконно добытых копытных и пушных зверей существенно различается между регионами. Однако попытка объяснить браконьерство только через социально-экономические отличия между регионами оказалась малопродуктивной. Использование в анализе таких, казалось бы, очевидных показателей, как среднедушевой доход или региональный ВВП, не позволило создать надежные модели, характеризующие незаконную добычу копытных и пушных зверей. Не оказывает значительного воздействия и густота дорожной сети. Возможно, это связано с охотой небогатых сельских жителей вблизи дома (Ишигеев, Бондарь, 2013; Таюрская, 2018), тогда как VIP-охотникам доступен любой транспорт, в том числе и воздушный (Braden, 2014).

По этой причине мы не можем согласиться с простым объяснением причин незаконной охоты как следствием материального благополучия, т.е. с выводами некоторых других авторов (Adams et al., 2004; Mackenzie et al., 2011; Nellemann et al., 2014; Hauenstein et al., 2019). Вероятно, такой аргумент уместен для развивающихся

стран, где нелегальная охота нередко связана не только с возможностью заработка самых бедных слоев населения, но и с добычей мяса для пропитания (Rogan et al., 2018; Zyambo et al., 2022). Мы же должны признать, что браконьерство — это очень сложный феномен, который нельзя рассматривать как влияние нескольких простых и очевидных факторов. Так, даже бедность населения представляет собой неоднозначный предиктор, который воздействует совместно с другими факторами, начиная от культурных традиций и заканчивая уровнем преступности (Duffy et al., 2016). Следует отметить, что в нашей работе оказались упущены психологические, культурные, политические факторы, которые не только могут оказывать влияние на браконьерство, но и существенно различаются от региона к региону (von Essen et al., 2015; Carter et al., 2017). Это те факторы, которые обычно используются при изучении девиаций, когда исследователи пытаются понять, что же толкает человека на преступление (Eliason, 2004; Osborn and Winstanley, 2006). Можно предположить, что включение в анализ переменных, характеризующих психологические и культурные условия, поможет создать более правдоподобные модели, однако формализовать такие показатели непросто.

Некоторые авторы рассматривают браконьерство не только как непростое явление, но и как сложные социоэкологические системы (SES, social-ecological systems). В состав таких систем входят общество и живая природа, а общественные и биофизические подсистемы взаимно влияют, в том числе и через обратные связи (Kaczensky et al., 2011; Carter et al., 2014; Carter et al., 2017). Возможно, такой подход к изучению феномена браконьерства в России может оказаться более продуктивным. Полученные же нами результаты показывают, что браконьерство нельзя объяснить через несколько простых переменных, и, несмотря на значительную разницу между социально-экономическими показателями разных регионов, изучение незаконной охоты требует более сложного, вероятно, системного подхода.

Библиография

- Вайсман А. Л., Матвейчук С. П., Миньков С. И. (2011). Достоинства и недостатки правового регулирования и борьбы с нарушениями в области охраны и использования ресурсов диких зверей. Владивосток: Апельсин.
- Валенцев А. С. (2013). Оценка нелегальной добычи камчатского бурого медведя // Вестник охотоведения. Т. 10. № 2. С. 177-182.
- Валенцев А. С., Пачковский Дж. (2006). Оценка легальной и нелегальной добычи бурого медведя на Камчатке // Бурый медведь Камчатки: экология, охрана и рациональное использование. Владивосток: Дальнаука. С. 65-70.
- Гуров В. (2023). Штрихи к портрету российского браконьера. <https://www.ohotniki.ru/hunting/societys/article/2023/03/06/662897-shtrihi-k-portretu-rossiyskogo-brakonera.html>. (дата доступа: 05.01.2024).

- Дубовик В. А., Макарова Е. А., Камалов Р. А., Лебенгарц Я. З., Сурьев В. И., Ларин В. А., Надежкина Е. В. (2012). Изменения численности населения диких копытных и браконьерство // Вестник охотоведения. Т. 9. № 1. С. 55-61.
- Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. (2019). Люди и деньги: доходы, потребление и финансовое поведение населения российских регионов в 2000–2017 гг. // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 5. С. 3-17.
- Ишигеев В. С., Бондарь А. Я. (2013). Особенности личности преступника в сфере незаконной охоты и добычи водных биологических ресурсов // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. № 2. С. 88-93.
- Краев Н. В. (1990). Проблема охотничьего браконьерства и пути ее решения // Интенсификация воспроизводства ресурсов охотничьих зверей. Сб. науч. трудов / ВНИИОЗ. Киров. С. 17-30.
- Макарова Е. А. (2013). Особенности структуры браконьерской добычи на территории России // Вестник охотоведения. Т. 10. № 1. С. 80-82.
- Макарова Е. А., Проняев А. В. (2013). Взаимосвязь браконьерства с составом и численностью населения // Вестник Российского государственного аграрного заочного университета. № 14 (19). С. 73-77.
- Мартынов А. С., Столбов Н. В. (1982). Оценка количества нарушений правил охоты в Московской области // Проблемы охраны фауны. М. Ч. 2. С. 98-100.
- Николаенко Э. Г. (2007). Результаты проекта по изучению нелегального соколиного бизнеса в Алтае-Саянском регионе в 2000–2006 гг. // Пернатые хищники и их охрана. № 8. С. 22-41.
- Перовский М. Д. (2003). Методы управления популяциями охотничьих зверей России. М.: Лион.
- Полтерович В. М., Попов В. В., Тонис А. С. (2009). Концентрация доходов, нестабильность демократии и экономический рост // Экономика и математические методы. Т. 45. № 1. С. 15-29.
- Состояние ресурсов охотничьих зверей в Российской Федерации в 2003–2007 гг. (2007). Информационно-аналитические материалы / Под ред. Ю. П. Губаря.
- Тяурская Е. А. (2018). Основные криминологические показатели преступности, связанной с незаконной охотой // Право и практика. № 3. 189-193.
- Трепет С. А., Ескина Т. Г. (2011). Влияние средовых факторов на динамику численности и пространственную структуру популяции благородного оленя (*Cervus elaphus maral*) в Кавказском заповеднике // Зоологический журнал. Т. 90. № 6. С. 1-13.
- Трепет С. А., Ескина Т. Г. (2012). Влияние факторов среды на динамику численности и пространственную структуру популяции серны (*Rupicapra rupicapra caucasica*) в Кавказском заповеднике // Зоологический журнал. Т. 91. № 9. С. 1510-1519.
- Adams W. M., Aveling R., Brockington D., Dickson B., Elliott J., Mutton J., Dilya R., Vira B., Wolmer W. (2004). Biodiversity conservation and the eradication of poverty // Science. № 306. P. 1146–1149.
- Angelsen A., Jagger P., Babigumira R., Belcher B., Hogarth N. J., Bauch S., Börner J., Smith-Hall C., Wunder S. (2014). Environmental income and rural livelihoods: a global-comparative analysis // World Dev. № 64. P. 12–28.
- Braden K. (2014). Illegal recreational hunting in Russia: the role of social norms and elite violators // Eurasian Geography and Economics. Vol. 55. № 5. P. 457-490.
- Carter N. H., Viña A., Hull V., McConnell W. J., Axinn W., Ghimire D. J. G., Liu J. (2014). Coupled human and natural systems approach to wildlife research and conservation // Ecology and Society. № 19. P. 43.
- Carter N. H., López-Bao J. V., Bruskotter J. T. et al. (2017). A conceptual framework for understanding illegal killing of large carnivores // Ambio. № 46. P. 251–264.
- Challender D. W. S., MacMillan D. C. (2014). Poaching is more than an Enforcement Problem // Conservation Letters. September/October. № 7(5). P. 484–494.

- Demchenko S. K., Melnikova T. A. (2015). The Methodology of Developing the System of Indicators to Evaluate the Socio-Economic Development Efficiency. *Journal of Siberian Federal University // Humanities and Social Sciences*. Vol. 8, № 11. P. 2356-2384.
- Di Minin E., Laitila J., Montesino-Pouzols F., Leader-Williams N., Slotow R., Goodman P. S., Conway A. J., Moilanen A. (2015). Identification of policies for a sustainable legal trade in rhinoceros horn based on population projection and socioeconomic models // *Conservation Biology*. № 29. P. 545-555.
- Duffy R., St. John F.A.V., Buscher B., Brockington D. (2015). Towards a new understanding of the links between poverty and illegal wildlife hunting // *Conservation Biology*. № 1 (30). P. 14-22.
- Duffy R. (2016). War, by conservation // *Geoforum*. № 69. P. 238-248.
- Eliason S. (2004). Accounts of Wildlife Law Violators: Motivations and Rationalizations // *Human Dimensions of Wildlife*. № 9. P. 119-131.
- Gavin M. C., Solomon J. N., S. G. Blank (2010). Measuring and monitoring illegal use of natural resources // *Conservation Biology*. № 24. P. 89-100.
- Hauenstein S., Kshatriya M., Blanc J., Dormann C. F., Beale C. M. (2019). African elephant poaching rates correlate with local poverty, national corruption and global ivory price // *Nature Communications*. № 10 (1). P. 2242
- Kaczynsky P., Jerina K., Jonozovič M., Krofel M., Skrbinšek T., Rauer G., Kos I., Gutleb B. (2011). Illegal killings may hamper brown bear recovery in the Eastern Alps // *Ursus*. № 22. P. 37-46.
- Kühl A., Balinova N., Bykova E., Arylov Yu. N., Esipov A., Lushchekina A., Milner-Gulland E. (2009). The role of saiga poaching in rural communities: Linkages between attitudes, socio-economic circumstances and behavior // *Biol. Conserv.* Vol. 142. Issue 7. July. P. 1442-1449.
- Lunstrum E., Givá N. (2020). What Drives Commercial Poaching? From Poverty to Economic Inequality // *Biological Conservation*. May. № 245(6). P.108505
- Mackenzie C., Chapman C. A., Sengupta R. (2011). Spatial patterns of illegal resource extraction in Kibale National Park, Uganda // *Environmental Conservation*. № 39. P. 38-50.
- Mancini A., Senko J., Borquez-Reyes R., Guzman Poo J., Seminoff J., Koch V. (2011). To Poach or Not to Poach an Endangered Species: Elucidating the Economic and Social Drivers Behind Illegal Sea Turtle Hunting in Baja California Sur, Mexico // *Journal of Human Ecology*. № 39. P. 743-56.
- Muth R. M., Bowe J. F. (1998). Illegal Harvest of Renewable Natural Resources in North America: Toward a Typology of the Motivations for Poaching // *Society & Natural Resources*. № 11. P. 9-24.
- Nellemann C., Henriksen R., Raxter P., Ash N., Mrema E. (Eds). (2014). The environmental crime crisis — threats to sustainable development from illegal exploitation and trade in wildlife and forest resources. A UNEP Rapid Response Assessment. UN Environment Programme and GRID-Arendal, Nairobi and Arendal. <https://www.grida.no/publications/178> (дата доступа 12.01.2024)
- Rogan M. S., Miller J. R.B., Lindsey P. A., McNutt J. W. (2018). Socioeconomic drivers of illegal bushmeat hunting in a Southern African Savanna // *Biological Conservation*. № 226. P. 24-31.
- von Essen E., Hansen H., Kallstrom H., Peterson M., Peterson T. (2014). Deconstructing the poaching phenomenon: A review of typologies for understanding illegal hunting // *British Journal of Criminology*. № 54. P. 632-651.
- Wendland K. J., Baumann M., Lewis D. J., Sieber A., Radeloff V. C. (2015). Protected Area Effectiveness in European Russia: A Post-Matching Panel Data Analysis // *Land Economics*. № 91(1). P. 149-168.
- Zakharov K. V. (2020). The assessment of the efficiency of environmental activities in Moscow // *Ecology, Environment and Conservation*. № 26(3)
- Zyambo P., Kalaba F. K., Nyirenda V. R., Mwitwa J. (2022). Conceptualising Drivers of Illegal Hunting by Local Hunters Living in or Adjacent to African Protected Areas: A Scoping Review // *Sustainability*. № 14. P. 11204.

К. В. Захаров,
Е. А. Макарова,
А. М. Коновалов,
М. А. Ломсков
Влияние регио-
нальных социаль-
но-экономических
факторов на не-
законную добы-
чу промысловых
зверей

The influence of regional social-economic factors on the illegal hunting of fur-bearing animals

Konstantin V. Zakharov, PhD (Biology), Associate Professor, Department of Zoology, Ecology and Protection of Nature named after A. G. Bannikov, Faculty of Biotechnology and Ecology, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K. I. Skryabin. Akademika Skryabina St., 23, Moscow, 109472.
E-mail: coz.prutkoff@yandex.ru

Elena A. Makarova, PhD (Biology), Associate Professor, Department of Zoology, Ecology and Protection of Nature named after A. G. Bannikov, Faculty of Biotechnology and Ecology, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K. I. Skryabin. Akademika Skryabina St., 23, Moscow, 109472.
E-mail: lelemakarov@mail.ru

Alexander M. Kononov, PhD (Agricultural Sciences), Associate Professor, Department of Zoology, Ecology and Protection of Nature named after A. G. Bannikov, Faculty of Biotechnology and Ecology, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K. I. Skryabin. Akademika Skryabina St., 23, Moscow, 109472. E-mail: zoolog82@mail.ru

Mikhail A. Lomskov, PhD (Biology), Associate Professor, Department of Zoology, Ecology and Protection of Nature named after A. G. Bannikov, Faculty of Biotechnology and Ecology, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K. I. Skryabin. Akademika Skryabina St., 23, Moscow, 109472. E-mail: lomskovma@mail.ru

Abstract. Poaching is a complex phenomenon influenced by a variety of factors, including moral, social, economic and other; therefore, the study of its causes has scientific and practical significance. To identify the influence of social-economic factors on illegal hunting, the authors considered some regions of the Russian Federation, comparing their indicators of social-economic development with the share of illegally hunted ungulates and fur-bearing animals; this share differs significantly by region; ungulates are a more attractive target for poachers. To study the causes of poaching, the authors focused on the following social-economic factors: regional gross domestic product (GDP), incomes of residents, consumer price index for goods and services, population size, the share of villagers and the share of people with the hunting license in the regional population, and road network density. Some reliable factors were identified (the share of people with the hunting license, the share of villagers, incomes of residents and regional GDP), but the resulting models explain a small part of the variance. However, the study confirmed the complex nature of poaching as it failed to explain this phenomenon through a set of seemingly obvious variables, which was done for other countries.

Key words: poaching, hunting, social-economic indicators, transport accessibility, Russian regions, fur-bearing animals

References

- Adams W. M., Aveling R., Brockington D., Dickson B., Elliott J., Mutton J., Dilys R., Vira B., Wolmer W. (2004) Biodiversity conservation and the eradication of poverty. *Science*, no 306, pp. 1146–1149.
- Angelsen A., Jagger P., Babigumira R., Belcher B., Hogarth N. J., Bauch S., Börner J., Smith-Hall C., Wunder S. (2014) Environmental income and rural livelihoods: A global-comparative analysis. *World Development*, no 64, pp. 12–28.

- Braden K. (2014) Illegal recreational hunting in Russia: The role of social norms and elite violators. *Eurasian Geography and Economics*, vol. 55, no 5, pp. 457–490.
- Carter N. H., Viña A., Hull V., McConnell W. J., Axinn W., Ghimire D. J. G., Liu J. (2014) Coupled human and natural systems approach to wildlife research and conservation. *Ecology and Society*, no 19, pp. 43–63.
- Carter N. H., López-Bao J. V., Bruskotter J. T. et al. (2017) A conceptual framework for understanding illegal killing of large carnivores. *Ambio*, no 46, pp. 251–264.
- Challender D. W. S., MacMillan D. C. (2014) Poaching is more than an enforcement problem. *Conservation Letters*, vol. 7, no 5, pp. 484–494.
- Demchenko S. K., Melnikova T. A. (2015) The methodology for developing a system of indicators to evaluate the social-economic development efficiency. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, vol. 8, no 11, pp. 2356–2384.
- Di Minin E., Laitila J., Montesino-Pouzols F., Leader-Williams N., Slotow R., Goodman P. S., Conway A. J., Moilanen A. (2015) Identification of policies for a sustainable legal trade in rhinoceros horn based on population projection and socioeconomic models. *Conservation Biology*, no 29, pp. 545–555.
- Dubovik V. A., Makarova E. A., Kamalov R. A., Lebengarc Ja. Z., Suriev V. I., Larin V. A., Nadezhkina E. V. (2012) Izmeneniya chislennosti naseleniya dikih kopytnyh i brakonierstvo [Changes in wild ungulate populations and poaching]. *Vestnik Okhotovedeniya*, vol. 9, no 1, pp. 55–61.
- Duffy R., Freya J. St., A. V., Buscher B., Brockington D. (2015) Towards a new understanding of the links between poverty and illegal wildlife hunting. *Conservation Biology*, vol. 30, no 1, pp. 14–22.
- Duffy R. (2016) War, by conservation. *Geoforum*, no 69, pp. 238–248.
- Eliason S. (2004) Accounts of wildlife law violators: Motivations and rationalizations. *Human Dimensions of Wildlife*, no 9, pp. 119–131.
- Gavin M. C., Solomon J. N., Blank S. G. (2010) Measuring and monitoring illegal use of natural resources. *Conservation Biology*, no 24, pp. 89–100.
- Gurov V. (2023) *Shtrikhi k portretu rossijskogo brakoniera* [Touches to the portrait of the Russian poacher]. URL: <https://www.ohotniki.ru/hunting/societys/article/2023/03/06/662897-shtrihi-k-portretu-rossijskogo-brakonera.html>.
- Hauenstein S., Kshatriya M., Blanc J., Dormann C. F., Beale C. M. (2019) African elephant poaching rates correlate with local poverty, national corruption and global ivory price. *Nature Communications*, vol. 10, no 1, pp. 22–42.
- Ishigeev V. S., Bondar A. Ya. (2013) Osobennosti lichnosti prestupnika v sfere nezakonnoj okhoty i dobychi vodnyh biologicheskikh resursov [Features of the criminal personality in illegal hunting and extraction of water biological resources]. *Kriminologicheskoy Zhurnal BGUEP*, no 2, pp. 88–93.
- Kaczensky P., Jerina K., Jonozović M., Krofel M., Skrbinšek T., Rauer G., Kos I., Gutleb B. (2011) Illegal killings may hamper brown bear recovery in the Eastern Alps. *Ursus*, no 22, pp. 37–46.
- Kraev N. V. (1990) Problema okhotnichiego brakonierstva i puti ee resheniya [The problem of poaching and ways to solve it]. *Intensifikatsiya vosproizvodstva resursov okhotnichih zhivotnyh*, Kirov: VNIIOZ, pp. 17–30.
- Kühl A., Balinova N., Bykova E., Arylov Yu. N., Esipov A., Lushchekina A., Milner-Gulland E. (2009) The role of saiga poaching in rural communities: Linkages between attitudes, socio-economic circumstances and behavior. *Biological Conservation*, vol. 142, no 7, pp. 1442–1449.
- Lunstrum E., Givá N. (2020) What drives commercial poaching? From poverty to economic inequality. *Biological Conservation*, vol. 245, no 6, pp. 108–155.
- Mackenzie C., Chapman C. A., Sengupta R. (2011) Spatial patterns of illegal resource extraction in Kibale National Park, Uganda. *Environmental Conservation*, no 39, pp. 38–50.

К. В. Захаров,
Е. А. Макарова,
А. М. Коновалов,
М. А. Ломсков
Влияние регио-
нальных социаль-
но-экономических
факторов на не-
законную добы-
чу промысловых
зверей

- Makarova E. A. (2013) Osobennosti struktury brakonierskoj dobychi na territorii Rossii [Features of the structure of poaching in Russia]. *Vestnik Okhotovedeniya*, vol. 10, no 1, pp. 80–82.
- Makarova E. A., Pronyaev A. V. (2013) Vzaimosvjaz brakonierstva s sostavom i chislennostiju naselenija [The dependence of poaching on the composition and number of population]. *Vestnik RGAZU*, vol. 14, no 19, pp. 73–77.
- Mancini A., Senko J., Borquez-Reyes R., Guzman Poo J., Seminoff J., Koch V. (2011) To poach or not to poach an endangered species: Elucidating the economic and social drivers behind illegal sea turtle hunting in Baja California Sur, Mexico. *Journal of Human Ecology*, no 39, pp. 743–756.
- Martynov A. S., Stolbov N. V. (1982) Otsenka kolichestva narushenij pravil okhoty v Moskovskoj oblasti [The assessment of the number of those breaking the hunting rules in the Moscow Region]. *Problemy Okhrany Fauny*. Part 2, Moscow, pp. 98–100.
- Muth R. M., Bowe J. F. (1998) Illegal harvest of renewable natural resources in North America: Toward a typology of the motivations for poaching. *Society & Natural Resources*, no 11, pp. 9–24.
- Nellemann C., Henriksen R., Raxter P., Ash N., Mrema E. (Eds.). (2014) The environmental crime crisis — threats to sustainable development from illegal exploitation and trade in wildlife and forest resources. *A UNEP Rapid Response Assessment. UN Environment Program and GRID-Arendal, Nairobi and Arendal*. URL: <https://www.grida.no/publications/178>.
- Nikolaenko E. G. (2007) Rezultaty proekta po izucheniju nelegalnogo sokolinogo biznesa v Altae-Sayanskom regione v 2000-2006 gg. [The results of the illegal falconry research project in the Altai-Sayan Region]. *Pernatye Khishchniki i Ih Okhrana*, no 8, pp. 22–41.
- Perovsky M. D. (2003) *Metody upravlenija populjatsijami okhotnichiyh zhivotnyh Rossii* [Methods for Regulating the Game Animals Population], Moscow: Lion.
- Polterovich V. M., Popov V. V., Tonis A. S. (2009) Income concentration, instability of democracy and the economic growth. *Economics and Mathematical Methods*, vol. 45, no 1, pp. 15–29.
- Rogan M. S., Miller J. R. B., Lindsey P. A., McNutt, J. W. (2018) Socioeconomic drivers of illegal bushmeat hunting in a Southern African Savanna. *Biological Conservation*, no 226, pp. 24–31.
- Sostoyanie resursov okhotnichiykh zverey v Rossijskoj Federatsii v 2003–2007 gg. (2007) [State of Game Resources in the Russian Federation in 2003–2007]. Pod red. Yu. P. Gubar, Moscow.
- Tayurskaya E. A. (2018) Osnovnye kriminologicheskie pokazateli prestupnosti, svyazanny s nezakonnoy okhotoy [Basic indicators of crime related to illegal hunting]. *Pravo i Praktika*, no 3, pp. 189–193.
- Trepet S. A., Eskina T. G. (2011) Vliyanie sredovykh faktorov na dinamiku chislennosti i prostranstvennyuyu strukturu populyatsii blagorodnogo olenya (*Cervus elaphus maral*) v Kavkazskom zapovednike [The influence of environmental factors on the number and spatial structure of the red deer (*Cervus elaphus maral*) population in the Caucasian reserve]. *Zoologicheskij Zhurnal*, vol. 90, no 6, pp. 1–13.
- Trepet S. A., Eskina T. G. (2012) Vliyanie faktorov sredy na dinamiku chislennosti i prostranstvennyuyu strukturu populyatsii serny (*Rupicapra rupicapra caucasica*) v Kavkazskom zapovednike [The influence of environmental factors on the number and spatial structure of the chamois (*Rupicapra rupicapra caucasica*) population in the Caucasian reserve]. *Zoologicheskij Zhurnal*, vol. 91, no 9, pp. 1510–1519.
- Vaysman A. L., Matveychuk S. P., Minkov S. I. (2011) *Dostoinstva i nedostatki pravovogo regulirovaniya i borby s narushenijami v oblasti okhrany i ispolzovaniya resursov dikih zhivotnyh* [Advantages and disadvantages of the law regulation and struggle for the protection and use of wild animals resources], Vladivostok: Apelsin.
- Valentsev A. S. (2013) Otsenka nelegalnoj dobychi kamchatskogo burogo medvedja [The assessment of the illegal hunting of the Kamchatka bear]. *Vestnik Okhotovedeniya*, vol. 10, no 2, pp. 177–182.

- Valentsev A. S., Pachkovsky G. (2006) Otsenka legalnoj i nelegalnoj dobychi burogo medvedja na Kamchatke [The assessment of the legal and illegal hunting of the brown bear at Kamchatka]. *Bury medved Kamchatki: ekologija, okhrana i ratsionalnoe ispolzovanie*, Vladivostok: Dalnauka, pp. 65–70.
- von Essen E., Hansen H., Kallstrom H., Peterson M., Peterson T. (2014) Deconstructing the poaching phenomenon: A review of typologies for understanding illegal hunting. *British Journal of Criminology*, no 54, pp. 632–651.
- Wendland K. J., Baumann M., Lewis D. J., Sieber A., Radeloff V. C. (2015) Protected area effectiveness in European Russia: A post-matching panel data analysis. *Land Economics*, vol. 91, no 1, pp. 149–168.
- Zakharov K. V. (2020) The assessment of the efficiency of environmental activities in Moscow. *Ecology, Environment and Conservation*, vol. 26, no 3, pp. 1043–1048
- Zubarevich N. V., Safronov S. G. (2019) Lyudi i dengi: dokhody, potreblenie i finansovoe povedenie naseleniya rossijskih regionov v 2000–2017 gg. [People and money: Incomes, consumption and financial behavior of the population in Russian regions in 2000–2017]. *Izvestija RAN. Serija Geograficheskaja*, vol. 5, pp. 3–17.
- Zyambo P., Kalaba F. K., Nyirenda V. R., Mwitwa J. (2022) Conceptualizing drivers of illegal hunting by local hunters living in or adjacent to African protected areas: A scoping review. *Sustainability*, no 14, pp. 112–124.

*К. В. Захаров,
Е. А. Макарова,
А. М. Коновалов,
М. А. Ломсков*
Влияние региональных социальных-экономических факторов на незаконную добычу промысловых зверей

Основные товарные свойства шкурок фермерского помесного соболя¹

Т. В. Реусова, О. А. Стрепетова, Н. А. Балакирев, М. В. Новиков, Е. А. Орлова

Татьяна Викторовна Реусова, кандидат технических наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии — МВА имени К. И. Скрябина. 109472 Москва, ул. Академика Скрябина, д. 23.
E-mail: 5018458@gmail.com

Оксана Алексеевна Стрепетова, кандидат технических наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии — МВА имени К. И. Скрябина. 109472 Москва, ул. Академика Скрябина, д. 23.
E-mail: strepetova@bk.ru

Николай Александрович Балакирев, академик РАН, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии — МВА имени К. И. Скрябина. 109472 Москва, ул. Академика Скрябина, д. 23. E-mail: balakirev@mgavm.ru

Михаил Вячеславович Новиков, кандидат технических наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии — МВА имени К. И. Скрябина. 109472 г. Москва, ул. Академика Скрябина, д. 23.
E-mail: 6773285@gmail.com

Елена Александровна Орлова, кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии — МВА имени К. И. Скрябина. 109472, г. Москва, ул. Академика Скрябина, д. 23.
E-mail: l-orlova@bk.ru

Аннотация. Для повышения конкурентоспособности отечественной продукции соболеводства в соответствии с требованиями современного мехового рынка было проведено комплексное исследование свойств шкурок фермерского и промышленного соболя. В статье приведены результаты исследования товарных свойств шкурок помесного фермерского соболя, определяющие их качество: высота и густота волосяного покрова, длина и толщина различных категорий волос, толщина кожного покрова в зависимости от топографического участка. Проведен мониторинг реализации пушного товара на совместном международном аукционе АК «Союзушнина» и БАК «Русский соболь» в г. Санкт-Петербурге в период с февраля 2022 по сентябрь 2023 года. Материалом для исследования служили невыделанные шкурки помесного фермерского соболя (самцы и самки) третьего и пятого цветов. Установлено, что в результате скрещивания самок соболя фермерского и самцов соболя якутского кряжа у шкурок помесных особей повысилась уравненность волосяного покрова по топографическим участкам, благодаря

---

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-26-00213, <https://rscf.ru/project/22-26-00213/>

уменьшению показателя толщины ости волосяной покров шкурки стал более мягким и шелковистым. Анализ итогов торгов показал, что шкурки соболя светлых цветов имеют высокий процент реализации (68–72%) и пользуются устойчивым спросом. Селекционная работа, направленная на повышение показателей качества волосяного покрова и увеличение вариабельности окраски помесного соболя, обеспечит шкуркам фермерского соболя востребованность на меховом рынке.

Ключевые слова: шкурки фермерского соболя, свойства, аукцион, мониторинг, реализация

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-1-124-140

*Т. В. Реусова,
О. А. Стрепетова,
Н. А. Балакирев,
М. В. Новиков,
Е. А. Орлова*
Основные товарные
свойства шкурки
фермерского помес-
ного соболя

Звероводство — одно из значимых отраслей агропромышленного комплекса России, которая исторически обладает экспортным потенциалом (Балакирев, 2015а) и при правильной организации производства становится инструментом продвижения национальных интересов, поскольку обладает реальными конкурентными преимуществами на мировых рынках (Андреева, Малышева, 2020).

Организационно-экономические и технико-технологические основы звероводства способны обеспечить занятость населения в районах, где отсутствует ресурсный потенциал и экономический интерес для вложения крупного капитала. Важно отметить, что особенностью отрасли является использование возобновляемых ресурсов и природных технологий, не разрушающих окружающую среду. Однако в столь перспективной отрасли наблюдаются негативные тенденции: производство клеточной пушнины сократилось более чем в два раза; наряду с уменьшением основного стада пушных зверей происходит снижение плодовитости самок и ухудшение других производственно-экономических показателей.

Соболеводство, несмотря на сложную экономическую ситуацию и спад производства продукции пушного звероводства, относительно благополучно продолжает выпуск шкурковой продукции, пользующейся устойчивым спросом на международном пушном рынке (Балакирев и др., 2022б; Реусова, Стрепетова, 2020; Яковлева, 2022).

Одна из лидирующих компаний в России, занимающаяся организацией и проведением аукционов по продаже пушного сырья — АК «Союзпушнина». На аукционах, проводимых АК «Союзпушнина» совместно с БАК «Русский соболь» в Санкт-Петербурге, представлена пушнина из разных регионов России². Вместе с тем основная направленность заключается в формировании и реализации большой коллекции шкурки русского соболя, как промыслового, так и клеточного. Соответственно, аукционная форма торговли мехом наиболее точно учитывает рыночный спрос и предложение на пушнину, тем самым формируя объективную цену на представленный товар, что выгодно как для продавца, так и для покупателя (Реусова, Стрепетова, 2020).

2. История компании. Москва, 2023. URL: <https://sojuzpushnina.ru/> (дата обращения: 10.09.2023).

Однако в последнее время при постоянном интересе покупателей к шкуркам промыслового соболя спрос на шкурки соболя клеточного разведения заметно снизился (Балакирев и др., 2022в). Ранее проведенные исследования показали, что у шкурок соболя клеточного разведения волосяной покров стал более толстый и грубый, менее шелковистый, с низкой вариабельностью окраски и тона (Новиков, Реусова, Стрепетова, 2022), что влияет на невысокую заинтересованность покупателей в данном товаре.

В настоящее время активно ведется научно-исследовательская работа, направленная на изучение качества шкурок соболя клеточного и промыслового разведения, что в совокупности с постоянным изучением спроса, процента реализации и средней цены на данную продукцию позволит повысить конкурентоспособность шкурок соболя клеточного разведения. Так, в рамках научной работы, выполняемой за счет гранта Российского научного фонда № 22-26-00213 (<https://rscf.ru/project/22-26-00213/>), были изучены основные свойства шкурок родительских пар соболей, определяющих их качество. Для проведения селекционной работы, направленной на расширение цветового разнообразия шкурок соболя клеточного разведения, исследованы шкурки самцов соболя якутского кряжа пятого цвета, среднего тона, каштанового оттенка и шкурок самок соболя клеточного разведения — второго цвета, темного тона, голубого оттенка, что послужило основой для поиска образца качества волосяного покрова с заданными свойствами шкурки соболя клеточного разведения. В 2022 году в результате скрещивания самок соболя клеточного разведения и самцов соболя якутского кряжа получены первые особи помесного молодняка двух цветов: третьего и пятого, среднего тона, каштанового оттенка. Целью данной работы было исследование основных свойств шкурок соболя помесного, полученного в результате скрещивания самок соболя клеточного разведения и самцов соболя якутского кряжа, формирующих качество, спрос и ценовую политику меховых товаров.

Материалы и методы исследований

Исследования проведены на кафедре технологии и управления качеством продукции АПК им. С. А. Каспарьянца и кафедре экономики и цифровых технологий в АПК ФГБОУ ВО МГAVМиБ-МВА им. К. И. Скрябина.

Объектами исследования служили шкурки помесного соболя клеточного разведения: 1-я группа — шкурки самцов помесного соболя третьего цвета, среднего тона, каштанового оттенка; 2-я группа — шкурки самок помесного соболя третьего цвета, среднего тона, каштанового оттенка; 3-я группа — шкурки самцов помесного соболя пятого цвета, среднего тона, каштанового оттенка; 4-я группа — шкурки самок помесного соболя пятого

цвета, среднего тона, каштанового оттенка (рис. 1). Количество шкурок помесного соболя в каждой группе — 10 штук.

Рис. 1. Шкурки помесного соболя клеточного разведения: А) 1-я группа; Б) 2-я группа; В) 3-я группа; Г) 4-я группа

*Т. В. Реусова,
О. А. Стрелетова,
Н. А. Балакирев,
М. В. Новиков,
Е. А. Орлова*
Основные товарные
свойства шкурок
фермерского помес-
ного соболя

Экспериментальные исследования проводились в соответствии с методиками (Беседин, Каспарьянц, Игнатенко, 2007), принятыми в отрасли. Отбор проб для изучения осуществлялся в соответствии с ГОСТ 32077-2013.

Высоту волосяного покрова шкурок определяли от кожного покрова до кончиков кроющих волос с учетом угла залегания волоса в кожном покрове. Длину различных категорий волос шкурок — с помощью миллиметровой линейки, закрепленной на планшете, к которой прикладывали каждый измеряемый волос.

Для определения толщины различных категорий волос шкурок использовали биологический микроскоп Levenhuk модели 870T и окуляр-микрометр. Толщину остевых волос определяли в гранне. Коэффициент мягкости волосяного покрова рассчитывали по формуле:

$$K = \frac{T}{D} \quad (1)$$

T — толщина волоса, мкм; D — длина волоса, мм

Блеск и шелковистость волосяного покрова шкурок определяли органолептическим способом по оценочной шкале (Новиков, Реусова, Стрелетова, 2022). Густоту волосяного покрова шкурок — методом прямого подсчета количества волос на единице площади (см^2) шкурки. Толщину кожного покрова шкурок измеряли на трех топографических участках (хребет, огузок, бок) с помощью микрометра точечного типа МК-ТП, с ценой деления 0,01 мм.

Для определения длины и толщины волос различных категорий,

коэффициента мягкости волосяного покрова со шкурок были отобраны пробы волос с трех топографических участков: хребет, бок, огузок.

Полученные экспериментальные данные обработаны с помощью методов вариационной статистики с применением компьютерной программы Microsoft Excel для Windows и распространенных пакетов статистического анализа Statistica 6.0. Уровень доверительной вероятности $p = 0,05$.

Результаты исследования и их обсуждение

Эстетические и теплозащитные свойства меховых товаров в значительной мере зависят от высоты волосяного покрова пушной шкурки. Результаты исследования высоты волосяного покрова шкурок помесного соболя клеточного разведения представлены на рисунке 2.

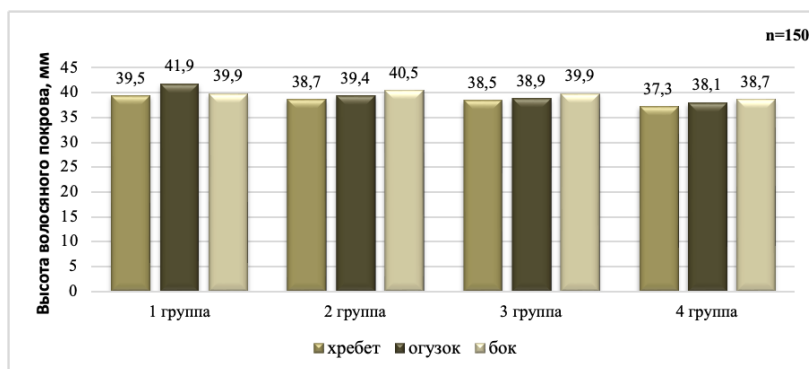

Рис. 2. Высота волосяного покрова шкурок помесного соболя

Установлено, что показатели высоты волосяного покрова на боку у шкурок 2, 3 и 4-й групп достоверно ($t_d(2,16; 2,05) \geq t_{st}(1,98)$, при $p = 0,95$) превышают аналогичные показатели на хребте и огузке в среднем на 2–4%. Высота волосяного покрова на огузке у 1-й группы больше, чем на хребте и боку на 5% и 6% соответственно. Выявлено, что в результате скрещивания самок соболя клеточного разведения и самцов соболя якутского кряжа уже в первом поколении были получены помеси с более уравненным волосяным покровом, особенно на боку.

Длина волос пушной шкурки в значительной степени определяет процесс проектирования мехового изделия и качество готовой продукции (Стрепетова, Горбачева, Реусова, 2020, 2022; Сухинина, Бобылева, 2014; Земцова, Сапожникова, Есепенок, 2020). Результаты определения длины различных категорий волос шкурок помесного соболя клеточного разведения представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1. Длина направляющих волос шкурок помесного соболя, мм
n = 150

Опытные группы	Топографический участок шкурки		
	хребет	огузок	бок
1 группа	50,4±0,6	50,6±0,6	51,3±0,5
2 группа	47,8±0,5	48,3±0,5	49,9±0,4
3 группа	49,7±0,5	49,5±0,5	51,2±0,4
4 группа	48,5±0,5	48,2±0,4	50,1±0,4

*Т. В. Реусова,
О. А. Стрелетова,
Н. А. Балакирев,
М. В. Новиков,
Е. А. Орлова*
Основные товарные
свойства шкурок
фермерского помес-
ного соболя

Длина направляющего волоса шкурок помесного соболя 2, 3 и 4-й групп достоверно больше на боку ($td(2,5; 2,3; 2,1; 2,9) \geq t_{st}(1,98)$, при $p \leq 0,05$), чем на хребте и огузке, в среднем на 3–4%. Показатели длины направляющего волоса шкурок 1-й группы достоверно ($td(3,1; 2,9; 2,7) \geq t_{st}(1,98)$) превышают аналогичные показатели 2-й группы на соответствующих топографических участках. Между длиной направляющих волос у 3-й и 4-й групп шкурок на соответствующих участках достоверной разницы не установлено ($td(1,7; 1,7; 0,8) \leq t_{st}(1,98)$).

Таблица 2. Длина различных категорий волос шкурок помесного соболя, мм
n = 150

Опытные группы	Топографический участок шкурки					
	хребет		огузок		бок	
	Ест.1	Ист.2	Ест.1	Ист.2	Ест.1	Ист.2
Остевой волос						
1 группа	42,5±0,5	44,2±0,4	43,4±0,2	45,7±0,3	43,5±0,4	46,6±0,6
2 группа	41,7±0,5	43,0±0,3	42,5±0,4	44,1±0,3	43,8±0,4	44,9±0,5
3 группа	40,4±0,3	42,5±0,4	40,1±0,3	43,5±0,3	43,5±0,3	44,9±0,5
4 группа	39,4±0,4	41,7±0,4	40,5±0,2	42,9±0,2	42,1±0,4	43,1±0,3
Переходный волос						
1 группа	38,4±0,5	40,1±0,5	38,6±0,4	41,5±0,5	39,6±0,7	41,7±0,5
2 группа	35,5±0,4	37,2±0,4	33,7±0,4	36,6±0,5	35,4±0,1	38,2±0,4
3 группа	34,6±0,8	36,4±0,6	35,2±0,3	38,3±0,6	35,5±0,3	38,5±0,4
4 группа	32,5±0,6	34,8±0,5	34,6±0,5	36,8±0,2	34,7±0,5	36,5±0,4
Пуховой волос						
1 группа	32,4±0,5	35,9±0,6	32,5±0,4	35,6±0,5	33,5±0,5	35,7±0,5
2 группа	29,5±0,5	34,0±0,6	30,5±0,4	34,3±0,5	29,6±0,3	33,2±0,4
3 группа	28,4±0,4	30,8±0,5	27,3±0,4	30,4±0,5	28,8±0,3	30,4±0,3
4 группа	24,4±0,3	27,6±0,5	26,7±0,4	29,1±0,2	25,5±0,3	27,2±0,3

Примечание: 1 — естественная длина волоса, 2 — истинная длина волоса.

Установлено, что длина всех категорий волос шкурок самцов помесного соболя на соответствующих топографических участках

достоверно превышает аналогичные показатели шкурок самок ($td(2,1; 2,3; 2,2; 3,4) \geq t_{st}(1,98)$ при $p \leq 0,05$) в среднем от 3 до 10%.

Выявлено, что в результате скрещивания клеточного соболя с промысловым волосяной покров по топографии шкурок помесного соболя стал более уравненным, разница между показателями длины ости на боку и огузке недостоверна ($td(1,2; 1,5) \leq t_{st}(1,98)$, при $p \leq 0,05$) у всех изученных групп.

Теплозащитные свойства и носкость мехового изделия в значительной степени зависят от толщины волос шкурок. Результаты определения толщины волос различных категорий шкурок помесного соболя клеточного разведения представлены в таблице 3.

Таблица 3. Толщина различных категорий волос шкурок помесного соболя, мкм
n = 150

Опытные группы	Топографический участок шкурки		
	хребет	огузок	бок
Направляющий волос			
1 группа	95,3±1,2	96,1±0,7	95,7±1,2
2 группа	94,9±1,0	95,2±1,0	95,6±0,8
3 группа	94,6±0,6	95,8±0,7	95,6±1,2
4 группа	93,9±1,0	94,8±1,0	94,5±0,8
Остевой волос			
1 группа	78,3±0,7	79,5±0,6	81,2±0,6
2 группа	75,4±0,6	74,4±0,7	76,8±0,9
3 группа	61,2±1,0	62,5±0,9	61,1±0,9
4 группа	59,1±1,1	60,3±1,0	60,9±0,9
Переходный волос			
1 группа	40,6±0,5	42,7±0,6	42,9±0,9
2 группа	38,5±0,4	38,7±0,7	39,5±0,6
3 группа	35,5±0,7	36,4±0,6	36,7±1,0
4 группа	33,8±0,5	34,5±0,7	35,9±0,7
Пуховой волос			
1 группа	13,5±0,4	13,6±0,7	13,7±0,8
2 группа	13,1±0,4	12,9±0,4	13,0±0,6
3 группа	13,1±0,5	13,4±0,3	13,1±0,6
4 группа	12,2±0,4	12,4±0,6	12,6±0,9

Установлено, что показатели толщины направляющих и пуховых волос шкурок помесного соболя всех исследуемых групп не имеют достоверной разницы ($t_{st}(1,98) \geq td(1,34; 0,79; 1,1; 0,85)$, при $p \leq 0,05$).

Показатели толщины остевого и переходного волос шкурок 1-й и 2-й групп достоверно превышают аналогичные показатели на соответствующих топографических участках шкурок 3-й и 4-й групп в среднем на 18–24%.

Характеристику мягкости волосяного покрова традиционно выражают через коэффициент мягкости.

Таблица 4. Коэффициент мягкости волосяного покрова шкурок помесного соболя, Км

Опытные группы	Топографический участок шкурки		
	хребет	огузок	бок
1 группа	1,8	1,8	1,9
2 группа	1,8	1,8	1,7
3 группа	1,5	1,6	1,4
4 группа	1,5	1,5	1,4

Расчетные данные коэффициента мягкости показывают, что шкурки соболя помесного пятого цвета (3-я и 4-я группы) характеризуются более мягким волосяным покровом по сравнению со шкурками соболя помесного третьего цвета 1-й и 2-й групп, у которых данный показатель выше и составляет 1,7–1,9. Мягкость волосяного покрова пушных шкурок в значительной мере влияет по покупательский спрос и востребованность меха.

К числу важных ценообразующих товарных свойств пушного сырья, при сортировке и подготовке лотов для реализации на аукционе, относят блеск и шелковистость волосяного покрова шкурок (Филатова, Реусова, 2019).

Блеск и шелковистость волосяного покрова шкурок соболя помесного определяли, используя оценочную шкалу (Новиков, Реусова, Стрепетова, 2022), результаты представлены в таблице 5.

Таблица 5. Распределение шкурок помесного соболя по степени блеска и шелковистости, %

Наименование показателя	Характеристика показателя	Опытные группы			
		1 группа	2 группа	3 группа	4 группа
Блеск	Шелковисто-блестящий	90,0	80,0	80,0	90,0
	Слабоблестящий	-	10,0	20,0	10,0
	Стекловидный	10,0	10,0	-	-
	Матовый	-	-	-	-
Шелковистость	Шелковистый	80,0	90,0	90,0	100
	Слабшелковистый	20,0	10,0	10,0	-
	Грубый	-	-	-	-

*Т. В. Реусова,
О. А. Стрепетова,
Н. А. Балакирев,
М. В. Новиков,
Е. А. Орлова*
Основные товарные свойства шкурок фермерского помесного соболя

Для всех исследуемых групп шкурки помесного соболя был характерен желательный блеск волосяного покрова — шелковисто-блестящий (80–90%). Слабоблестящие шкурки встречались во 2-й и 4-й опытных группах по 10% в каждой, в 3-й группе — 20%. Нежелательный стекловидный блеск выявлен в 1-й и 2-й группах шкурки помесного соболя, по 10% в каждой.

Значительное количество шкурки соболя помесного каждой опытной группы характеризовались шелковистым волосяным покровом (80–100%), слабшелковистый волосяной покров был выявлен у шкурки 1-й группы и составил 20%.

Густота волосяного покрова шкурки пушных зверей служит важным признаком их качества, и от величины данного показателя зависят степень теплопроводности, носкости меха.

Таблица 6. Густота волосяного покрова шкурки помесного соболя клеточного разведения

n = 5

Опытные группы	Густота волосяного покрова, шт/1 см ²		
	хребет	огузок	бок
1 группа	19 016,0±469,4	21 009,0±601,9	18 479,0±557,1
2 группа	18 099,0±451,2	19 942,0±523,1	18 036,0±537,7
3 группа	18 069,0±568,7	20 154,0±515,5	18 085,0±543,2
4 группа	18 057,0±502,6	19 979,0±518,0	17 669,0±526,4

Густота волосяного покрова шкурки помесного соболя всех групп зависит от топографического участка. Установлено, что на огузке в каждой опытной группе густота волосяного покрова достоверно превышает аналогичный показатель на хребте и боку ($tst(2,57) \leq td(2,6; 2,6; 2,7; 3,0)$, при $p = 0,95$) в среднем на 9–10%.

Следует отметить, что достоверной разницы по густоте волосяного покрова между опытными группами шкурки на соответствующих топографических участках не выявлено.

Показатели густоты волосяного покрова шкурки помесного соболя позволяют характеризовать их как осологоволосыми, в соответствии с терминологией, принятой в меховом производстве.

Толщина кожного покрова определяет товарную ценность пушной шкурки, оказывает влияние на легкость мехового изделия.

Выявлено, что показатели толщины кожного покрова шкурки всех исследованных групп достоверно (при $p = 0,95$) не различаются в зависимости от топографического участка. Показатели толщины кожного покрова 1-й и 3-й группы шкурки достоверно ($td(3,5; 2,9; 4,2) \geq tst(1,98)$, при $p = 0,95$) превышают аналогичные показатели шкурки 2-й и 4-й группы на изучаемых топографических участках в среднем на 12,5–13,0%.

Таблица 7. Толщина кожного покрова шкурок помесного соболя
n = 100

Опытные группы	Толщина кожного покрова, мм		
	хребет	огузок	бок
1 группа	0,40±0,01	0,39±0,01	0,39±0,01
2 группа	0,35±0,01	0,34±0,01	0,33±0,01
3 группа	0,39±0,01	0,39±0,01	0,38±0,01
4 группа	0,33±0,01	0,34±0,01	0,33±0,01

Т. В. Реусова,
О. А. Стрелетова,
Н. А. Балакирев,
М. В. Новиков,
Е. А. Орлова
Основные товарные свойства шкурок фермерского помесного соболя

Полученные результаты исследования основных свойств шкурок помесного соболя позволяют утверждать, что при скрещивании самок соболя клеточного разведения и самцов соболя якутского кряжа у помесных особей повысилась уравнированность волосяного покрова шкурок по топографическим участкам, волосяной покров шкурок стал более мягким и шелковистым благодаря уменьшению показателя толщины ости. Продолжение исследований в данной области по улучшению качества шкурок фермерского соболя позволит повысить конкурентоспособность шкурковой продукции в соответствии с требованиями современного рынка.

Для анализа предложений и спроса на шкурки соболя был проведен мониторинг реализации пушного товара на совместном международном аукционе АК «Союзпушнина» и БАК «Русский соболь» в г. Санкт-Петербурге в период с февраля 2022 по сентябрь 2023 года (рис. 3).

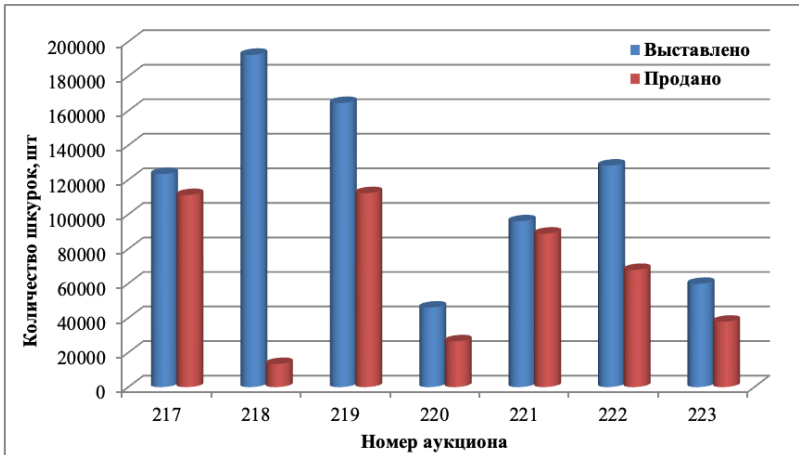

Рис. 3 Динамика общего количества выставленных и проданных шкурок промыслового соболя на аукционе АК «Союзпушнина»

Представленные данные свидетельствуют о том, что в период с февраля 2022 по сентябрь 2023 года количество выставленных на торги шкурок промыслового соболя традиционно велико и успешно реализуется на 60–93%, к исключению можно отнести 218-й аукцион, который проходил в мае 2022 года. Спад реализации в данный период можно объяснить большим количеством шкурок промыслового соболя — 192 376 штук, выставленных на торги в конце сезона. меховая индустрия характеризуется резко выраженной сезонной зависимостью.

Повышенный интерес вызывают предложения и спрос на шкурки соболя третьего, пятого и шестого цветов, именно такой окраски соболя участвуют в научном эксперименте по скрещиванию фермерских и промысловых особей (рис. 4).

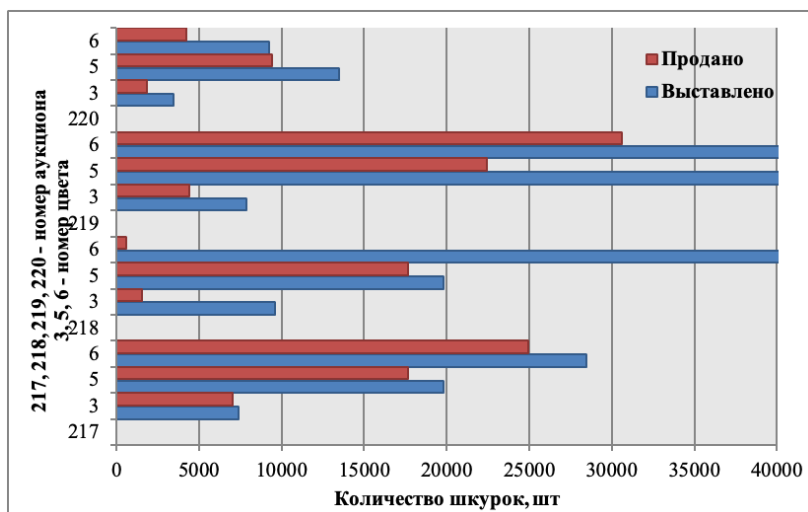

Рис. 4 Динамика количества выставленных и проданных шкурок промыслового соболя различных цветов на аукционе АК «Союзпушнина»

В период с февраля по декабрь 2022 года количество выставленных на торги шкурок промыслового соболя третьего цвета уступало аналогичным показателям шкурок пятого и шестого цветов в среднем на 60–80%. Шкурки промыслового соболя третьего цвета за указанный период были реализованы в среднем на 68%, пятого цвета — на 72% и шестого цвета — на 70%. Большое количество шкурок пятого и шестого цветов, выставленных для торгов, и высокий процент реализации свидетельствуют о постоянном, устойчивом спросе на промышленную пушнину светлых цветов.

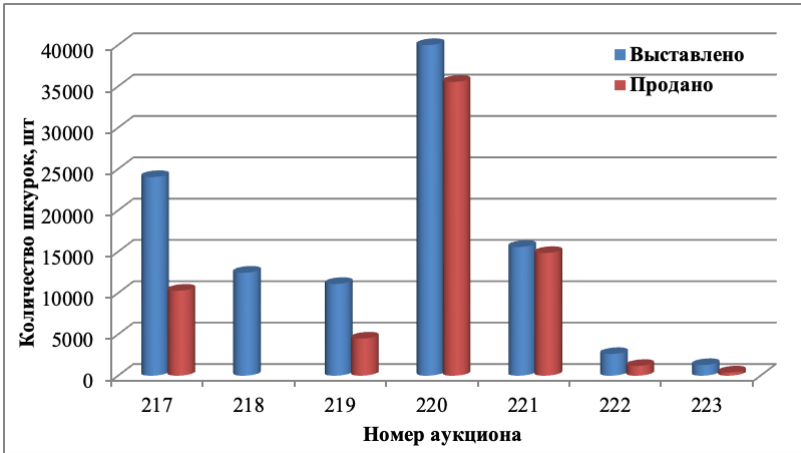

Рис. 5 Динамика общего количества выставленных и проданных шкурки соболя клеточного разведения на аукционе АК «Союзпушнина»

Данные, представленные на рисунке 5, указывают на то, что в период с февраля 2022 по сентябрь 2023 года количество выставленных на торги шкурки фермерского соболя значительно различалось от 1287 шт. и 2622 шт. на 223-м (май 2023) и 222-м (сентябрь 2023) аукционах до 40 471 шт. на 220-м (декабрь 2022) аукционе. На декабрьских аукционах в основном реализуют фермерскую пушнину, заготовки которой проходят в ноябре. Процент продаж шкурки фермерского соболя в указанный период носил скачкообразный характер: на 217, 219, 222 и 223-м аукционах в среднем он составил 40%, на 220-м и 221-м аукционах 90% и 95% соответственно, на 218-м аукционе товар не реализовали. Отсутствие стабильного спроса подтверждает необходимость проведения научных исследований по скрещиванию фермерского соболя и промышленного для повышения качества шкурочной продукции.

Анализ данных, представленных на рисунке 6, показал, что за период с февраля по декабрь 2022 года количество выставленных на торги шкурки фермерского соболя третьего цвета превышало аналогичные показатели шкурки пятого и шестого цветов в среднем на 96–98%. Шкурки фермерского соболя за указанный период третьего цвета были реализованы на 217-м аукционе на 47,5%, на 219-м — 29,7%, на 220-м — на 87%. Низкий покупательский спрос был зафиксирован на шкурки фермерского соболя пятого цвета 65,5% (217) и 49,5% (220). На 218-м и 219-м аукционах коллекцию шкурки фермерского соболя пятого цвета реализовать не удалось. Шкурки фермерского соболя шестого цвета не пользовались спросом в изученный период, кроме 220-го аукциона, где приобрели лишь 13 шт. Небольшое количество и невысокое качество светлого (пятого и шестого цветов) шкурки фермерского соболя снижают покупательский интерес. Решением обозначенной проблемы может стать продолжение селекционной

работы, направленной на повышение показателей качества волосяного покрова и увеличения вариабельности окраски помесного соболя.

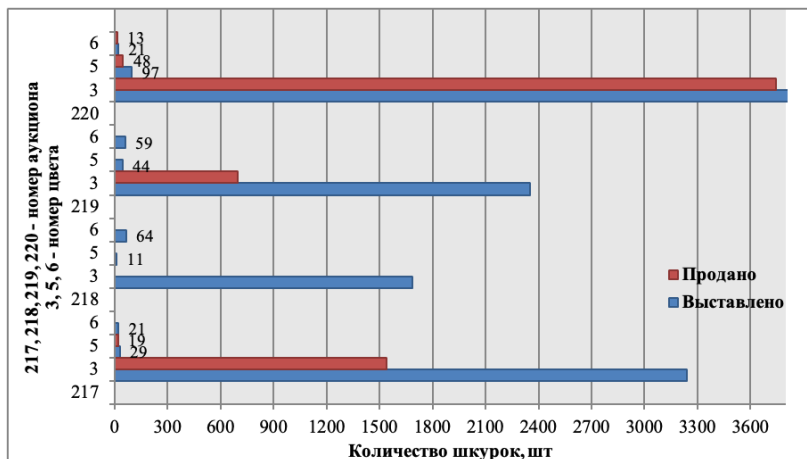

Рис. 6 Динамика количества выставленных и проданных шкурок соболя клеточного разведения различных цветов на аукционе АК «Союзпушнина»

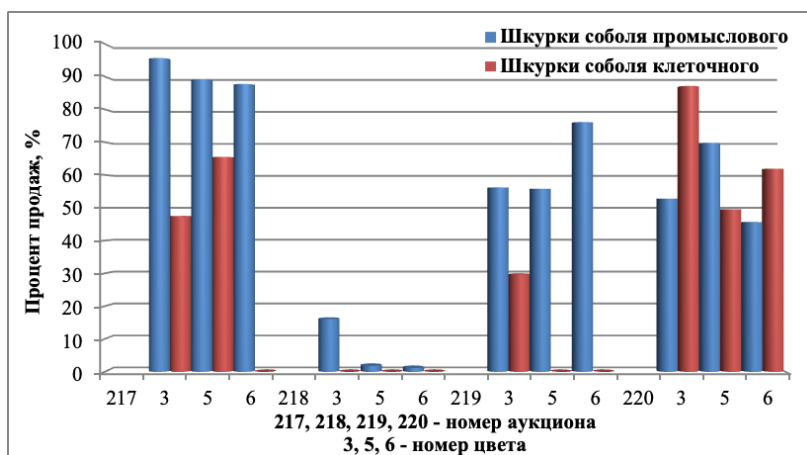

Рис. 7 Процент продаж шкурок соболя промышленного и клеточного разведения различных цветов на аукционе АК «Союзпушнина»

Процент реализации шкурок промышленного соболя третьего цвета на 217 и 219-м, аукционах, прошедших в период с февраля по декабрь 2022 года, превышает аналогичный показатель шкурок фермерского соболя в среднем на 37%, на 220-м аукционе процент продаж шкурок фермерского соболя превысил показатель шкурок промышленного соболя третьего цвета на 34% (рис. 7).

Разница между показателями процента реализации шкурок промыслового соболя и шкурок фермерского соболя пятого цвета сократилась до 23% на 217-м аукционе и до 20% на 220-м аукционе. Максимальный показатель доли проданных шкурок фермерского соболя шестого цвета за изученный период составил 62% на 220-м аукционе в декабре 2022 года.

По мнению специалистов, организующих работу пушных аукционов, одной из причин невысокого спроса на фермерскую продукцию является цветовое однообразие волосяного покрова соболя.

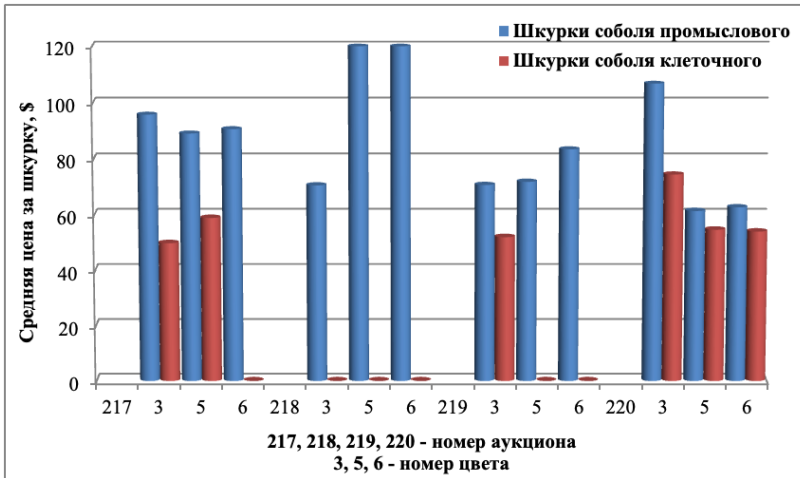

Рис. 8 Средняя цена за шкурку соболя промыслового и клеточного разведения различных цветов на аукционе АК «Союзпушнина»

Согласно данным о результатах продаж в период с февраля по декабрь 2022 года, средняя цена за шкурку промыслового соболя третьего цвета превысила аналогичный показатель за шкурку фермерского соболя на \$46 (217), на \$19 (219) и на \$32,5 (220). Средняя цена за шкурку промыслового соболя пятого цвета превысила аналогичный показатель за шкурку фермерского соболя на \$30 (217) и на \$6,7 (220) (рис. 8). Разница между средней ценой за шкурку промыслового соболя и шкурку фермерского соболя шестого цвета составила \$15 на 220-м аукционе в пользу шкурок, добытых охотой.

Заключение

Представленные выше результаты исследования шкурок фермерского помесного соболя позволяют утверждать, что у изученных опытных групп повысилась уравнированность волосяного покрова по топографическим участкам, благодаря уменьшению показателя толщины ости волосяной

покров шкурки стал более мягким и шелковистым. Выявленный устойчивый спрос на шкурки соболя светлых цветов подтверждает необходимость продолжения исследований, которые позволят получить помесный молодняк с заданными показателями свойств волосяного покрова. В результате целенаправленного отбора молодняк по желательным признакам возможно получение шкурковой продукции, отвечающей требованиям потребительского спроса.

Библиография

- Андреева Е. Л., Малышева Е. В. (2020). Теоретические подходы к исследованию экспортного потенциала национальной экономики // Журнал экономической теории. Т. 17. № 2. С. 265-275.
- Балакирев Н. А. (2015). Возможности импортозамещения продукции клеточного пушного звероводства России // Ветеринария, зоотехния и биотехнология. № 9. С. 29-34.
- Балакирев Н. А., Новиков М. В., Реусова Т. В., Стрелетова О. А., Орлова Е. А., Баймуханов Д. А. (2022). Мониторинг современного состояния заготовки и реализации шкурки соболя в Российской Федерации // Доклады НАН РК. № 4. С. 5-17.
- Балакирев Н. А., Шумилина Н. Н., Федорова О. И., Орлова Е. А., Ларина Е. Е. (2022). Соболеводство России: история, состояние и перспективы его развития // Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н. Э. Баумана. Т. 251. № 3. С. 20-27.
- Беседин А. Н., Каспарьянц С. А., Игнатенко В. Б. (2007). Товароведение и экспертиза меховых товаров: учебник. М.: Академия.
- Земцова Л. К., Сапожникова А. И., Есепенок К. В. (2020). Анализ торгового ассортимента пушно-меховых изделий некоторых специализированных магазинов г. Москвы // Товароведение, технология и экспертиза: инновационные решения и перспективы развития: материалы национальной научно-практической конференции. М.: ЗооВетКнига. С. 33-39.
- Новиков М. В., Реусова Т. В., Стрелетова О. А. (2023). Исследование основных свойств волосяного покрова шкурки соболя клеточного разведения и промыслового // Кролиководство и звероводство. № 3. С. 16-26.
- Реусова Т. В., Стрелетова О. А. (2020). Основные свойства шкурки соболя, формирующие качество, спрос и ценовую политику меховых товаров // Костюмология. Т. 5. № 4. С. 15.
- Стрелетова О. А., Горбачева М. В., Реусова Т. В. (2022). Влияние видовых особенностей на структурно-геометрические характеристики свойств полуфабриката фишера // Костюмология. Т. 7. № 3.
- Стрелетова О. А., Горбачева М. В., Реусова Т. В. (2020). Дизайн-проектирование меховых изделий из шкурки кролика коротковолосого // Костюмология. Т. 5. № 4. С. 4.
- Сухинина Т. В., Бобылева О. В. (2014). Влияние способов раскроя мехового полуфабриката на выход готовых меховых изделий // Актуальные проблемы ветеринарной медицины, зоотехнии и биотехнологии: сборник научных трудов. М.: МГАВМиБ им. К. И. Скрябина. С. 425-426.
- Филатова К. В., Реусова Т. В. (2019). Оценка шкурки норки для характеристики товарных наименований (вельвет, стандарт, длинноволосая) // Дизайн и технологии. № 73(115). С. 60-67.
- Яковлева О. А. (2022). Анализ влияния объемов и ассортимента шкурки соболя на выручку от реализации // Актуальные проблемы ветеринарной медицины, зоотехнии, биотехнологии и экспертизы сырья и продуктов животного происхождения: сборник трудов научно-практической конференции. М.: Сельскохозяйственные технологии. С. 557-558.

Main commercial features of local sable skins

Tatiana V. Reusova, PhD (Technical Sciences), Associate Professor, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K. I. Scryabin. Akademika Scryabina St., 23, Moscow, 109472. E-mail: 5018458@gmail.com

Oksana A. Strepetova, PhD (Technical Sciences), Associate Professor, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after of K. I. Scryabin. Akademika Scryabina St., 23, Moscow, 109472. E-mail: strepetova@bk.ru

Nikolai A. Balakirev, Academician of the Russian Academy of Sciences, DSc (Agricultural Sciences), Professor, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K. I. Scryabin. Akademika Scryabina St., 23, Moscow, 109472. E-mail: E-mail: balakirev@mgavm.ru

Mikhail V. Novikov, PhD (Technical Sciences), Associate Professor, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K. I. Scryabin. Akademika Scryabina St., 23, Moscow, 109472. E-mail: 6773285@gmail.com

Elena A. Orlova, PhD (Agricultural Sciences), Associate Professor, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology named after K. I. Scryabin. Akademika Scryabina St., 23, Moscow, 109472. E-mail: l-orlova@bk.ru

Abstract. To increase the competitiveness of the Russian sable products according to the requirements of the contemporary fur market, we need a comprehensive study of the properties of farmed and commercial sable skins. The article presents the results of the study of the commercial properties of the farmed crossbred sable skins, which determine their quality: height and thickness of hair, length and thickness of different categories of hair, and skin thickness depending on the topographic area. The authors conducted a monitoring of the fur goods sales at the joint international auction of the auction company “Fur Union” and the Baikal auction company “Russian Sable” in Saint Petersburg from February 2022 to September 2023, focusing on the untreated skins of the farmed crossbred sable (males and females) of the third and fifth colors. According to the results, the crossing of females of farmed sable with males of Yakut sable determined the increased uniformity of the skin hair of crossbred sable by topographic area, and the reduced thickness of the upper tier, which made the sable skin hair softer and silkier. The analysis of the auction results showed that the light-colored sable skins have a higher share of sales (68%–72%) and are in steady demand. Thus, the breeding work aimed at improving the quality of the sable skin hair and at increasing the color variability of the crossbred sable will ensure demand for farmed sable skins on the fur market.

Key words: skins of farmed sable, properties of skins, auction, monitoring, trade sales

References

- Andreeva E. L., Malysheva E. V. (2020) Teoreticheskie podkhody k issledovaniyu eksportnogo potentsiala natsionalnoj ekonomiki [Theoretical approaches to the study of the export potential of the national economy]. *Zhurnal Ekonomicheskoy Teorii*, vol. 17, no 2, pp. 265–275.
- Balakirev N. A. (2015) Vozmozhnosti importozameshchenija produktsii kletochnogo pushnogo zverovodstva Rossii [Possibilities of the import substitution in the caged fur farming in Russia]. *Veterinariya, Zootekhnija i Biotekhnologija*, no 9, pp. 29–34.
- Balakirev N. A., Novikov M. V., Reusova T. V., Strepetova O. A., Orlova E. A., Bajmukanov D. A. (2022) Monitoring sovremennogo sostojanija zagotovki i real-

- izatsii shkurok sobolja v Rossijskoj Federatsii [Monitoring of the current state of procurement and sale of sable skins in the Russian Federation]. *Doklady NAN RK*, no 4, pp. 5–17.
- Balakirev N. A., Shumilina N. N., Fedorova O. I., Orlova E. A., Larina E. E. (2022) Sobolevodstvo Rossii: istorija, sostojanie i perspektivy ego razvitiya [Sable breeding in Russia: History, current state and prospects for development]. *Uchenye Zapiski KGAVM im. N. E. Baumana*, vol. 251, no 3, pp. 20–27.
- Besedin A. N., Kasparyants S. A., Ignatenko V. B. (2007) *Tovarovedenie i ekspertiza mekhovyh tovarov* [Commodity Research and Expertise of Fur Goods], Moscow: *Academiya*.
- Zemtsova L. K., Sapozhnikova A. I., Esepenok K. V. (2020) Analiz torgovogo assortimenta pushno-mehovyh izdelij nekotoryh spetsializirovannyh magazinov g. Moskvy [Analysis of the product range of fur products in some specialized stores in Moscow]. *Tovarovedenie, tekhnologija i ekspertiza: innovatsionnye reshenija i perspektivy razvitiya: materialy natsionalnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii*, Moscow: *ZooVet-Kniga*, pp. 33–39.
- Novikov M. V., Reusova T. V., Strepetova O. A. (2023) Issledovanie osnovnyh svojstv volosjanogo pokrova shkurok sobolja kletchnogo razvedenija i promyslovogo [The study of the basic properties of the sable skin hair in cage and commercial breeding]. *Krolikovodstvo i Zverovodstvo*, no 3, pp. 16–26.
- Reusova T. V., Strepetova O. A. (2020) Osnovnye svojstva shkurok sobolja, formirujushchie kachestvo, spros i tsenovuju politiku mekhovyh tovarov [The main properties of sable skins, which determine the quality, demand and price policy for fur goods]. *Kostyumologiya*, vol. 5, no 4.
- Strepetova O. A., Gorbacheva M. V., Reusova T. V. (2022) Vlijanie vidovyh osobennostej na strukturno-geometricheskie kharakteristiki svojstv polufabrikata fishera [The influence of species characteristics on the structural-geometric characteristics of the fisher semi-finished product]. *Kostyumologiya*, vol. 7, no 3.
- Strepetova O. A., Gorbacheva M. V., Reusova T. V. (2020) Dizajn-proektirovanie mekhovyh izdelij iz shkurok krolika korotkovolosogo [Design of fur products from short-haired rabbit skins]. *Kostyumologiya*, vol. 5, no 4.
- Sukhinina T. V., Bobyleva O. V. (2014) Vlijanie sposobov raskroja mekhovogo polufabrikata na vykhod gotovyh mekhovyh izdelij [The influence of methods for cutting semi-finished fur products on the finished fur products output]. *Aktualnye problemy veterinarnoj meditsiny, zootekhnii i biotekhnologii*, Moscow: *MGAVMiB im. K. I. Skryabina*, pp. 425–426.
- Filatova K. V., Reusova T. V. (2019) Otsenka shkurok norki dlja kharakteristiki tovarnyh naimenovaniy (velvet, standart, dlinnovolosaja) [The assessment of mink skins for identifying trade names (corduroy, standard, long-haired)]. *Dizajn i Tekhnologii*, no 73, pp. 60–67.
- Yakovleva O. A. (2022) Analiz vlijanija ob`emov i assortimenta shkurok sobolja na vyruchku ot realizatsii [The influence of volume and assortment of sable skins on the sales revenue]. *Aktualnye problemy veterinarnoj meditsiny, zootekhnii i biotekhnologii*, Moscow: *MGAVMiB im. K. I. Skryabina*, pp. 557–558.

Угнетенные умственностью

Рецензия на книгу: Зверев В. В. (2023). Прогресс, община и будущее России в творчестве В. П. Воронцова. М.; СПб.: Ин-т рос. истории Рос. акад. наук; Центр гуманитарных инициатив. — 452 с. ISBN 978-5-8055-0427-4

В. В. Бабашкин

Владимир Валентинович Бабашкин, доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571 Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-1-141-149

В России конца XIX — начала XX века быть интеллигентным человеком и не знать, кто такой Василий Павлович Воронцов, было как-то нехорошо, неправильно. И само слово-то «интеллигентный», равно как и образованное от него существительное «интеллигенция», в русском языке набрало тогда отчетливые оттенки смыслов, вовсе не свойственные, скажем, английскому прилагательному *intelligent*. В последнем случае словарь дает такую трактовку: «умный, сообразительный, смысленый». У историка, профессионально занимающегося проблемами аграрной истории нашей страны, такой синонимический ряд не может не ассоциироваться с крестьянином.

Но это если говорить о современном крестьяноведении. Тогда же, на рубеже веков, интеллигенцией, как правило, обозначали образованных людей, искренне переживавших за то несправедливое положение, в котором пребывал деревенский люд Российской империи, составлявший, как известно, огромное большинство населения нашей родины. Народники самого разного образа мысли были людьми самоотверженными и в основном бескорыстными. А уж образ мысли их определялся целым рядом факторов: уровень образованности, глубина мышления, личный темперамент, степень бескорыстия и самоотверженности, наконец — то, какие тексты из политической экономии и других областей обществоведения представлялись им правильными (научными). Человек, пишущий и публикующий такие тексты на русском языке, мог выглядеть в глазах революционного студенчества буквально полубогом.

В. В. Зверев, настоящий эксперт в области всего того, что связано в нашей истории с деятельностью народников, их статьями и книгами, в недавно опубликованной своей монографии, которая

посвящена жизни и творчеству В. П. Воронцова, упоминает такой факт. В 1888 году Воронцов и выдающийся русский писатель, в какой-то мере и в какое-то время разделявший народнические убеждения, Н. Н. Златовратский решили, что было бы здорово создать научно-литературный журнал «Эпоха» с целью пропаганды этих самых взглядов и убеждений. Помимо ученых планировалось привлечь к сотрудничеству таких «инженеров человеческих душ», как Г. И. Успенский, В. Г. Короленко, А. П. Чехов. Требовались известные материальные затраты.

«С целью сбора средств, — пишет далее Зверев, — Воронцов отправился к своим знакомым в Сумы, где его пути пересеклись с Чеховым, который писал в свойственной ему полупушотливо-ироничной манере А. Н. Плещееву: “К Линтварёвым приехал полубог Воронцов — очень вумная политико-экономическая фигура с гиппократовским выражением лица, вечно молчащая и думающая о спасении России... Человечина угнетен сухою умственностью и насквозь протух чужими мыслями, но, по всей видимости, малый добрый, несчастный и чистый в своих намерениях”. Зная скептическое отношение Чехова к ученым, можно понять и объяснить прозвучавшую в его письме иронию по отношению к Воронцову. Но тон сообщения свидетельствует, на наш взгляд, о подспудно проявившемся интересе писателя к личности народнического экономиста» (с. 15).

У меня на этот счет несколько иной взгляд. Чехов, не расставаясь со своей «родной сестрой — краткостью», в телеграфном стиле фиксирует в июньском письме к известному литератору череду событий, к которым был так или иначе причастен в тот период своей жизни, когда в 1888–1889 годах проживал в усадьбе Линтварёвых под Сумами. После фразы о думах, как спасти Россию, через точку с запятой идет такой текст: «у меня гостит Баранцевич». И все. И дальше — столь же кратко о каких-то других сугубо бытовых делах. А замечательная фраза об угнетенности того «полубога» сухою умственностью это уже из другого — июльского письма к тому же адресату. Плещеев в письме к Чехову от 2 июля коснулся Воронцова следующим образом: «Мне сдается, что он приехал на Луку не без задней мысли. Затеваает он, как я слышал, с компанией столь же “умственных” сочинителей журнал, двухнедельный, и, вероятно, ищет на это денег. Если Линтварёвы дадут, то глупо сделают. Не стоило для этого рубить лес Павлу Михайловичу». Поэтому аттестация Воронцова как «малого доброго, несчастного и чистого в своих намерениях» — это не просыпающийся интерес великого писателя к фигуре русского политэконома, но аргумент Чехова в обоснование следующей своей фразы: «Ваше предположение о его намерении окрестить Линтварёвых “Эпохой” едва ли основательно. Он, как старый знакомый Л<интварё>вых, отлично знает, что у них совсем нет денег».

Затея с журналом «Эпоха» не удалась. «Вышел только один его номер, — пишет Зверев. — И уже в октябре 1888 года Златоврат-

ский и Воронцов покинули редакцию из-за разногласий с издателем А. П. Калачевским» (с. 15). Лично мне этот эпизод куда более интересен не тем, что Воронцов и другие политэкономы гипотетически могли оказывать влияние на умы выдающихся деятелей великой русской литературы, но именно тем, с каким недоумением эти последние относились к «научным» спорам между людьми, считавшими себя экономистами, людьми, которых Плещеев назвал ««умственными» сочинителями».

В этой связи позволю себе привести куда более известную цитату из писем Чехова. 22 февраля 1899 года он писал из Ялты талантливому полиграфисту И. И. Орлову. «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр. Я верую в отдельных людей, я вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям — интеллигенты они или мужики, — в них сила, хотя их и мало. Несть праведен пророк в отечестве своем; и отдельные личности, о которых я говорю, играют незаметную роль в обществе, они не доминируют, но работа их видна; что бы там ни было, наука все подвигается вперед и вперед, общественное самосознание нарастает, нравственные вопросы начинают приобретать беспокойный характер и т.д., и т.д. — и все это делается помимо прокуроров, инженеров, гувернеров, помимо интеллигенции *en masse* и несмотря ни на что».

Отметим, что это писал уже автор произведений «Мужики», «Новая дача» и «В овраге», имевших такую популярность у российской читающей общественности, что собственные же слова о том, что «работа их видна; ...наука все продвигается вперед и вперед», великий писатель с полным правом и отнюдь не в последнюю очередь мог отнести и к самому себе. В данном случае это — наука о крестьянах вообще и о русских крестьянах пореформенных десятилетий в частности. Тут важно разобраться, насколько правомерно относить продвижение такой науки к тем самым «малым делам», которые так занимали умы Воронцова и его многочисленных единомышленников. Или это все же — большое дело?

Чтобы составить представление о том, что именно считали наукой о народе сторонники идей Воронцова, обратимся к одной из многочисленных публикаций теоретика народничества, которые автор рецензируемой книги цитирует в достаточном количестве. «Его формула народничества, — пишет Зверев, — выглядела следующим образом: “Народные интересы как цель; формы, вырабатываемые коллективной мыслью народа, или другие, соответствующие его желаниям, как средство; и самодеятельность населения как рычаг общественной эволюции; таковы три положения, характеризующие новейшее народничество, каким оно выросло в пореформенную эпоху нашей истории”. Практическое осуществление этих благих пожеланий русского народничества, по мнению Воронцова,

требовало “умственного подъема массы”, который он и ставил в качестве главной задачи переживаемого момента» (с. 17). Вот и разберись, чем в этой блестящей формуле цель отличается от средства, а главная задача от рычага. Дело явно непростое. Даже тот комментарий, что все это были не более чем благие пожелания русского народничества, не очень проясняет, то ли конституции им хотелось, то ли, как говорится, «севрюжины с хреном». Вероятно, легальным народникам — конституции, представителям же революционного их крыла мыслилось в перспективе что-то и поострее.

Чтение упомянутых небольших повестей Чехова или большой повести «Устои. История одной деревни» Златовратского¹ дает возможность понять, что за словосочетанием «народные интересы» (обозначенные в формуле как «цель») стоит настолько сложная и многообразная историческая реальность, что трудно сказать, что требовалось в большей степени на рубеже XIX и XX столетий: «умственный подъем массы» (надо полагать, до уровня интеллигенции народнического толка) или умственный же подъем иных городских мыслителей и страдальцев за народ.

Хочу особо подчеркнуть, что размышления последних в нужном направлении могли бы обеспечить не столько знакомство их с теоретическими статьями западных специалистов в области политической экономии (совсем не обязательно было насквозь пропитываться чужими мыслями), сколько наличие в пространстве «великого, могучего, правдивого и свободного русского языка» таких текстов, как второй том «Мертвых душ» Н. В. Гоголя², «Власть земли» Г. И. Успенского, «Дневник провинциала в Петербурге» М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Письма из деревни» А. Н. Энгельгардта³ и еще многое другое. Конечно, это другое включало отнюдь не все те случаи, когда беллетристы считали своим долгом затронуть «один из проклятых вопросов русской жизни»⁴, но его было достаточно.

1. См. об этом: *Бабашкин В. В.* (2017). Крестьянин как романтик. Рецензия на книгу: Златовратский Н. Н. Устои. История одной деревни. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1951 // Крестьяноведение. Т. 2. №. 3. С. 152-161.
2. См. об этом: *Бабашкин В. В.* (2013). Писатели о крестьянах и крестьяне о писателях. Рецензия на книгу: Казарезов В. В. Крестьяне в произведениях русских писателей. М.: Достоинство, 2012 // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2013. М. С. 474-478.
3. См. об этом: *Бабашкин В. В.* (2008). О некоторых особенностях социального поведения крестьян: историк и художественная литература // Пути России: культура — общество — человек: материалы Международного симпозиума (25–26 января 2008 года) / Под общ. ред. А. М. Никулина. М. С. 365-375.
4. Литературный критик либеральной газеты «Биржевые ведомости» писал в январе 1899 года, что рассказ Чехова «Новая дача» «живо затрагивает один из проклятых вопросов русской жизни — страшную разнь, какая лежит между бариним и мужиком, устраняя всякую возможность не только слияния или сближения, но даже простой солидарности...».

Смысл словосочетания «проклятый вопрос» известен. Так называются большие проблемы, важность которых очевидна, но решить которые очень сложно по той причине, что при их осмыслении от внимания аналитиков все время ускользает что-то весьма и весьма существенное. «Этот проклятый крестьянский вопрос займет у меня еще неделю. А ведь я завален срочной работой», — писал Ф. Энгельс Лауре Лафарг 12 ноября 1894 года. Этот же вопрос был едва ли не главным для создателя науки политэкономии К. Маркса в поздний период его научно-творческой деятельности, когда он много сотрудничал с русскими народниками и в первом же из четырех проектов ответа на письмо В. И. Засулич написал как раз то, что в дальнейшем и воплотилось в историческую реальность: «Для спасения русской общины должна состояться Русская революция»⁵. Отмечу, к слову, что этот же вопрос составлял лейтмотив переписки Энгельса с Каутским⁶, ставшей «знаменитой» благодаря талантливому телефильму режиссера В. В. Бортко «Собачье сердце» (1988). Позднесоветский телезритель, будучи до предела утомлен и где-то даже угнетен той фальшью, что характеризовала тогда официальную идеологию СССР — «марксизм-ленинизм», с глубоким облегчением наблюдал: вот сейчас с подачи очень симпатичного героя Е. А. Евстигнеева эта самая переписка полетит в печку. Ведь с Запада (а откуда же еще?) должна прийти на смену некая новая идеология, которая позволит жить как-то по-другому. Однако от проклятых вопросов так просто не избавляются. Иначе, практика показывает, они будут все время всплывать при осмыслении прошлого, а следовательно, настоящего и будущего страны.

Воронцов, кажется, был убежден, что точно знает, как решить именно этот проклятый вопрос. По-видимому, он полагал, что вышеупомянутая формула народничества и является хорошим ответом. Но в десятом номере журнала «Русское богатство» за 1893 год резкой критике его взгляды подверг столь авторитетный народнический идеолог Н. К. Михайловский. «Под пером главного публициста и критика журнала, — пишет Зверев, — Воронцов получил характеристику “одностороннего и очень путаного мыслителя”, совершенно некомпетентного в неэкономических вопросах. ...Как писал Михайловский, необходимо было отказаться от “горделивого самообмана”, что коллективная мысль простого народа совпадает с идеалами передовой интеллигенции. А ей только и следует стремиться к развитию общественной самодеятельности масс» (с. 18). В случае с Во-

См.: *Чехов А. П.* (1962). Собрание сочинений в двенадцати томах. Т. 8. М. С. 547-548.

5. *Shanin T.* (Ed.) (1983). *Late Marx and the Russian Road*. N. Y. P. 116.

6. See: *Alavi H., Shanin T.* (1990). *Peasants and Capitalism: Karl Kautsky on “The Agrarian Question”* // *Shanin T. Defining Peasants: Essays concerning Rural Societies, Expolary Economies, and Learning from them in the Contemporary World*. Oxford. P. 251-279.

ронцовым этот самообман был настолько «горделив», что «вопрос приобрел характер дискуссии “о правах сотрудника журнала вообще и моральных отношениях между сотрудниками журнала «Русское Б<огатство>»”, и Воронцов не собирался останавливаться в его решении вплоть до обращения в петербургский суд» (с. 20).

В суд подать — это любопытный способ выяснения, какая из теоретических позиций в проклятом крестьянском вопросе ближе к истине. Интересно также словоупотребление в приведенной цитате: «*моральные* отношения» между сотрудниками «Русского богатства». Мог ли представить себе Воронцов, что сотню лет спустя человечество благополучно продолжит биться над этим вопросом, и наиболее адекватное направление этих мозговых атак будет обозначаться тогда словосочетанием «моральная экономика крестьянства»? Да, в последние десятилетия XX века эта концепция получила путевку в жизнь мощными усилиями западных историков-социологов, этнологов, или, как они сами себя позиционировали, антропологов⁸. Но невозможно отрицать, что выдающиеся русские писатели придерживались приблизительно этого же взгляда на вещи, отражая бытие крестьянской общины. И ни те, ни другие даже и не мыслили отделаться одной лишь «сухой умственностью». Тут требовалось кое-что другое.

Вопрос о научности и антинаучности тех или иных писаний о крестьянстве имеет, естественно, первостепенное значение в контексте изучения творчества идеологов народничества (равно как и любых других политических течений и партий, появившихся к началу XX века). В этой связи привлекают внимание две зарисовки очного столкновения Воронцова с Лениным в январе 1894 года. Автор монографии приводит их со ссылками на мемуары лидера эсеров В. М. Чернова и на архивные документы. Во-первых, обратим внимание на аргументацию Воронцова, который напал на будущего лидера большевиков, изрекая следующее: «Ваши положения бездоказательны, ваши утверждения голословны. Покажите нам, что дает вам право утверждать подобные вещи: предъявите нам ваш анализ цифр и фактов действительности. Я имею право на свои утверждения, я его заработал: за меня говорят мои книги. Вот, с другой стороны, дал свой анализ Николай-он (в то время только что появились его “Очерки”). А где ваш анализ? Где ваши труды? Их нет!» (с. 21). Мы коснемся ниже и того, какие труды по аграрно-крестьянскому вопросу появились позднее из-под пера Ленина, и того, кто такой «Николай-он».

7. См. об этом: *Бабашкин В. В., Бужовец О. Г.* (2022). «Моральная экономика» как концепт и П. П. Марченя как ее исследователь // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 1 (61). С. 11-28.

8. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке (2015). М. С. 26-70.

Во-вторых, оба свидетельства — и В. М. Чернова, и присутствовавшего на мероприятии полицейского осведомителя — единодушны: Ленин в споре выглядел куда предпочтительнее. «Даже под пером Чернова, непримиримого противника Ленина, — пишет Зверев, — выступление Воронцова представляется достаточно блеклым, от него веет духом самоуверенного академизма...» (с. 22). Трудно представить себе что-либо, менее пригодное при анализе и осмыслении проклятых вопросов, чем самоуверенный академизм. Всего лишь пять лет спустя Ленин опубликовал увесистый и весьма академично выглядевший том «Развитие капитализма в России», стремительно набиравший популярность в революционных кругах. Впору было почитать на лаврах видного теоретика. Меньшевики ведь приблизительно так и сделали. Но в том-то и была сила лидера большевиков, что через несколько лет, столкнувшись с реальностью разворачивавшейся в стране крестьянской революции и увидев, насколько плохо соответствует эта реальность сформулированным в его толстой книге социально-политическим выводам из, казалось бы, фундаментального экономического анализа, Ленин предпочел реальность, решительно переосмысливая прежние убеждения. Это очень хорошо показано в одной из лучших, с моей точки зрения, работ Т. Шанина под названием «Четыре с половиной аграрных программы В. И. Ленина»⁹.

И Зверев вполне резонно использует ленинскую фразеологию, решая свою задачу: максимально объективно оценить идейно-теоретическую значимость научно-творческого наследия Воронцова. Хотя иногда такое использование буквально провоцирует на комментарии. «Борьба с народничеством, — пишет, в частности, Зверев, — которая стала одной из главных целей в начале его [Ленина. — В. Б.] политической деятельности, была направлена на доказательство правильности единственно верной научной теории развития общества (марксизма). Собственно, такой подход и позволял объяснить эволюцию народничества от “крестьянского социализма” 1869–1870-х годов до его “растворения” в либерализме в 80–90-е годы XIX в. Ленин был совершенно прав, констатируя, что не все народничество придерживалось социалистической ориентации. Но, указав на этот факт, он предпочел ограничиться его констатацией с чисто классовых, а не научных позиций.

Столь линейно-прикладное отношение к совокупности народнических идей отражалось и на рассмотрении взглядов отдельных ее [совокупности? — В. Б.] представителей. По мнению Ленина, Воронцов вместе с Даниельсоном “всего цельнее” разрабатывал экономическую теорию народников. В его работах содержались “превосходные описания” хозяйственной жизни страны последней трети XIX в., благодаря чему “старое русское народничество перестало быть одним мечтательным взглядом в будущее и дало обо-

9. См.: Там же. С. 659–693.

готившие русскую общественную мысль исследования экономической действительности России». Постановка вопроса о характере отечественного капитализма также являлась крупной заслугой Воронцова» (с. 72).

Комментарий первый. Почему слова «единственно верная научная теория развития общества (марксизм)» автор не заключил в кавычки? Ведь известно, что даже сам Маркс не был марксистом — не говоря уже о Ленине с его постоянным пересмотром программы партии по «проклятому вопросу». Без учета этого важного обстоятельства слова о «чисто классовых, а не научных позициях» теряют смысл.

Комментарий второй (и отнюдь не последний из возможных). Автор монографии снабжает эти два абзаца своей работы одной ссылкой на три работы Ленина из 12-го, 22-го и 2-го томов полного собрания сочинений Ленина (это, соответственно, небольшая статья «О народничестве» начала 1913 года, большая работа «Победа кадетов и задачи рабочей партии» от марта-апреля 1906 года и столь же обстоятельная статья «От какого наследства мы отказываемся?», впервые опубликованная в 1898 году). Но нельзя же так! Ведь с учетом вышесказанного это были, образно говоря, три разных Ленина. К примеру, в работе 1898 года будущий лидер большевиков излагает свои убеждения с теоретических позиций своей будущей книги «Развитие капитализма в России», много внимания уделяет «Письмам из деревни» А. Н. Энгельгардта, однако видит там, мягко говоря, не совсем то, что увидит приверженец современного крестьяноведения. И эту мысль можно развивать сколь угодно долго и подробно.

Ну и, наконец, кто такой «Николай-он». Так подписывал многие из своих работ вечный оппонент В. П. Воронцова ученый-народник Н. Ф. Даниельсон. Я в заключение приведу небольшую выдержку из монографии Зверева, посвященной этому человеку, и судите сами, кто же из этих вечных спорщиков второй половины XIX — начала XX века о судьбах России подошел ближе к истине: «Радикальное изменение общественного строя связывалось Даниельсоном с возрождением института общины. Ее существование на протяжении многих веков рассматривалось им как свидетельство жизненной силы и возможности перехода к социализму в русских условиях. Даниельсон не отрицал того факта, что при капитализме община поставлена в исключительно сложное положение, когда ее существование как производственной организации подрывалось всем ходом развития товарно-денежных отношений. Но его взгляды защитника интересов крестьянства содержали попытку обоснования альтернативной капитализму модели социалистического общества. Для этого Даниельсон считал необходимым привить общине те достижения науки и техники, которые позволили бы достигнуть уровня производительности труда, необходимого для удовлетворения материальных потребностей всех членов социума. Подоб-

ное изменение мыслилось им на основе предоставления всей земли в пользование крестьянства на коллективных условиях ведения хозяйства и перехода всех средств производства как в аграрном, так и в промышленном секторах экономики в руки трудящихся»¹⁰.

Fatigue from intelligence

Review of the book: Zverev V. V. (2023). Progress, Community and the Future of Russia in the Works of V. P. Vorontsov. Moscow; Saint Petersburg: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; Center for Humanitarian Initiatives, 452 p. ISBN 978-5-8055-0427-4

Vladimir V. Babashkin, DSc (History), Professor, Department of Political-Legal Disciplines and Social Communications, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82., Moscow 119571.
E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

---

10. *Зверев В. В.* (2018). Капитализм и будущее России в идейном наследии Н. Ф. Даниельсона. М. С. 259-260.

В поисках «самодетерминирующей социальной реальности»

Рецензия на книгу: Кедров Н. Г. (2022). Апокриф аграрной историографии. Очерки изучения коллективизации в советской и российской исторической науке. Вологда: Полиграф-Периодика, 2022. — 339 с. ISBN 978-5-91965-300-4

И. А. Кузнецов

Игорь Анатольевич Кузнецов, кандидат исторических наук, РАНХиГС, 119571 Москва, пр-т. Вернадского, 82, стр. 1; Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН), 125009 Москва, Газетный пер., д. 3-5, стр. 1. E-mail: repytwd68@mail.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-1-150-155

Историография — самостоятельная отрасль исторической науки, играющая роль рефлексии, внутренней критики и своего рода аудита научного знания. Работ, посвященных историографии коллективизации, написано уже много, но потребность в них не снижается, поскольку сама коллективизация принадлежит к числу наиболее дискуссионных тем в отечественной исторической науке. Появление на этом исследовательском поле историографической книги Николая Геннадьевича Кедрова можно только приветствовать.

Книга представляет собой сборник авторских очерков, опубликованных в течение последнего десятилетия в виде отдельных статей, в том числе на страницах «Крестьяноведения», поэтому основные идеи автора уже знакомы профессиональному сообществу. Однако, будучи несколько переработанными и собранными воедино, эти тексты приобрели и некоторое новое качество, поэтому заслуживают презентации и обсуждения.

Книга содержит два раздела и четыре приложения, обрамленных Введением и Заключением. Каждый раздел открывается проблемно-хронологическим очерком, за которым следуют по три очерка, посвященных не столько биографиям, сколько «персональным делам» отдельных историков, избранных автором для более детального анализа. Проблемный очерк первого раздела «Замкнутый круг российской историографии коллективизации крестьянства» освещает смену исследовательских программ и парадигм от сталинского «Краткого курса» до начала 2000-х годов. Второй проблемный очерк «Аграрная историография между традицией и “реформацией”»: российские исследования коллективизации (1990-е — середина

2010-х годов)» хронологически пересекается с первым, но переносит акцент на региональную историографию. Героями персональных очерков стали: из поколения историков, пришедших в науку в период Оттепели, — Ю. А. Мошков, Н. Я. Гуцин и В. П. Данилов, а из представителей следующего научного поколения — И. С. Кузнецов, С. И. Савельев и М. А. Безнин. В качестве приложений автор включил свои рецензии на четыре книги: сибирских историков под редакцией В. А. Ильиных (2015), М. Н. Глумной (2011), Л. В. Изюмовой (2010) и И. Е. Козновой (2016). Хотя разбору взглядов Данилова посвящен лишь один специальный очерк, поставленный в конец первого раздела, фигура этого историка выступает в книге Кедрова центральной: страницы, на которых хотя бы один раз упоминается имя Виктора Петровича, занимают 64% общего объема текста (183 из 287 страниц, за вычетом списка литературы). Отдельную часть и ценность работы составляет библиографический список, занимающий 42 страницы.

Предметом своего анализа Кедров считает исследовательские программы и парадигмы наших историков. Научно-исследовательской программой он называет «комплекс концептуальных, инструментальных и эвристических подходов», а «по сути дела» — «те принципиально новые по отношению к предшествующему знанию вопросы, на которые ученые стремятся найти ответ» (с. 17). Именно программа, по его мнению, «формирует другие важнейшие характеристики в изучении определенной темы: используемые методы исследования, внутреннюю рубрикацию темы и иерархию исследовательских сюжетов, конкретные оценки частных научных проблем». Научная парадигма «понимается как совокупность наиболее характерных для данного этапа изучения темы представлений об объекте и методах его исследования» (с. 17). При этом парадигма, по мысли автора, не предзадана исследованию, а скорее формируется исследователями в процессе реализации исследовательской программы (с. 18). Вводятся также понятия «дискурс», «ядро дискурса», «исследовательские стратегии», «историографические поля» и др. Однако в изложении своего материала наш автор далеко не всегда придерживается строго определенной терминологии, часто применяя термины ситуативно. Так, в главе о Данилове он предпочитает оперировать традиционным для отечественной историографии термином «концепция», в очерке о Кузнецове и в Заключении активно прибегает к использованию концепта мифа и мифологии и т.п. В таких случаях читателю приходится уяснять для себя соотношения различных авторских терминов по контексту.

Важнейшим атрибутом той парадигмы, в которой находилась советская историческая мысль, начиная с появления «Краткого курса истории ВКП(б)» до Оттепели, автор считает взгляд на коллективизацию как на элемент аграрной политики государства. Благодаря Оттепели в 1950-е годы сформировалась новая исследовательская программа, которая предполагала «выяснение объективных

закономерностей истории советского общества» (с. 33). Программа была реализована новым поколением историков лишь частично, поскольку с конца 1960-х годов политический курс приобрел «охранительный характер» и наступили цензурные ограничения (с. 42). В 1960–1980-е годы советская историография «превратилась в метатекст, полный полутонов и скрытых смыслов. Здесь существовали всевозможные “табу” и процветал язык иносказания» (с. 247). Перестройка с конца 1980-х годов вернула в повестку дня оттепельную исследовательскую программу, и историографическая революция 1990-х годов во многом строилась на ее основе. Эта программа в течение следующих десятилетий «была выполнена российскими историками во всех ее основных элементах» (с. 53), причем в значительной мере благодаря региональным исследованиям коллективизации (с. 163). Современная ситуация с этой точки зрения выглядит как исчерпание прежней исследовательской программы, в ходе выполнения которой историкам все же не удалось создать «многоаспектной обновленной истории деревни» (с. 166), и поэтому наша историография «остро нуждается в разработке новых концептуальных подходов» (с. 60).

В каком направлении автор предполагает искать новые подходы? Для изложения своей позиции он прибегает к принципиальному разграничению в исследовательских практиках историков двух подходов — «субъектного» и «объектного». (Читателю книги не следует путать их с понятиями «субъективного» и «объективного».) Столкновение этих подходов он называет «основным научным противоречием» в изучении коллективизации (с. 8) и прослеживает его на протяжении всего своего повествования. Субъектным Кедров называет такой взгляд, при котором исторические процессы видятся историку продуктом воли, плана или деятельности некоего субъекта, «субъекта действия, абстрактного исторического персонажа» (с. 85). Применительно к коллективизации это означает понимание колхозного строительства как действия государства (власти), при котором крестьянству отводится пассивная, страдательная роль: «История деревни изучалась через призму отношений в системе “государство — крестьянство” <...> Крестьянство в этой исторической модели выступало лишь в качестве объекта государственного воздействия» (с. 55–56).

Субъектный подход отвергается автором. Ограниченность и тупик российской историографии он видит в господстве этого подхода. Он находит его, во-первых, в основе сталинской парадигмы, затем с сожалением констатирует, что заложенные в период Оттепели интенции выхода за рамки субъектного подхода не были реализованы, сугубо винит Данилова за то, что субъектный подход был воскрешен и усилен им в 1990–2000-е годы, наконец, резко, порой в неакадемических выражениях нападает на историков, которые сегодня полагают, что наша историография уже преодолела концептуальные стереотипы советской эпохи (с. 252), тогда как,

по его мнению, произошла лишь смена знаков с плюса на минус, но суть подхода — субъектное понимание истории коллективизации — не изменилась. Как представляли историки коллективизацию «революцией сверху», так и сегодня продолжают, только если раньше деяния, идущие «сверху», однозначно считали благом, теперь, после историографической революции 1990-х, — скорее злом.

Этому автор противопоставляет объектный подход, который, наверное, точнее было бы назвать бессубъектным, но он избегает этого слова. Речь идет о понимании истории как «самодетерминирующей социальной реальности» (с. 59, 90), «социальные процессы в ней выступают самодетерминантами развития» (с. 103). Каким именно образом автор представляет себе реализацию такого подхода в конкретном историческом исследовании, остается не вполне понятным, поскольку этот подход еще нигде не был реализован. Были лишь отдельные шаги в этом направлении, которые автор старательно отыскивает в работах отечественных историков. Именно этим обусловлен его выбор «героев» для своих очерков. Все, что в их работах расширяло контекст коллективизации за рамки парадигмы «крестьянство и власть», а еще лучше выводило государственную власть за скобки, отмечается автором как позитивные тенденции в науке. Поэтому, например, даже соглашаясь с существующей в литературе критикой концепции М. А. Безнина и Т. М. Димони, автор тем не менее склоняется к положительной оценке этой концепции, так как находит в ней элементы «объектного подхода», ведь здесь «деревня изучается посредством анализа объективных процессов» (с. 59). В целом Кедров лишь констатирует, что в ходе российской историографической революции «объективации подхода так и не произошло» (с. 48), «лишь отдельные авторы вступили на путь реформации» (с. 187), и в итоге «современный исследователь стоит на краю “долины” практически неизученного знания о реальных процессах на селе эпохи “великого перелома”» (с. 254). Весьма пессимистическая оценка проделанной российскими историками работы!

Не вступая в спор о плодотворности для исторического исследования точки зрения «самодетерминирующей социальной реальности» в принципе, хотелось бы отметить, что желаемая нашим автором «многоаспектная» история деревни неизбежно должна включать и аспект взаимоотношения деревни и государства. Добросовестный историк, каким бы подходом он ни пользовался, если его подход научный, не может игнорировать ту активную роль, которую играют в истории политические лидеры и политические элиты.

В историографической работе представляется важным видеть не только эволюцию концепций, исследовательских программ и парадигм историков. История исторической науки включает в себя также и историю освоения исторических источников. С этой точки зрения можно заметить, что пресловутый субъектный подход к изучению коллективизации сам имеет определенную объектив-

ную основу. То, что может на первый взгляд показаться ошибочными дискурсивными практиками, лишь отражает источниковую базу, которая есть в распоряжении исследователей, поскольку источники по истории коллективизации — это главным образом документы органов власти, освещающие деятельность этих органов и представителей власти, а также управленческая и отчетная документация разного рода. Если это статистика, то для данного периода нет негосударственной статистики. Для периода НЭПа в нашем распоряжении еще есть разнообразные наблюдения современников, экономические, социологические или этнографические исследования, описывающие жизнь деревни и крестьянства изнутри, но с началом коллективизации они исчезают (как исчезли и многие из их авторов). Если обратиться к комплексам писем крестьян и колхозников во власть, то этот источник скорее способен утвердить историка в мысли о всеилии государства над деревней и бессилии деревни, то есть в правильности «субъектного подхода». На такой источниковой базе любая революция будет рисоваться «революцией сверху». Кедров упоминает об этой проблеме, цитируя в Заключении слова Мошкова (с. 254), но в целом этот аспект остается в его книге без развития. Можно критиковать поздние работы Данилова за склонность к тоталитарной концепции, но как быть с тем фактом, что не только содержание отдельных источников, но сама структура источниковой базы этого периода запечатлела в себе тотальное проникновение государства во все сферы жизни деревни?

Из частных утверждений автора кажется неверным ставить в заслугу историкам, защищавшим диссертации вскоре после смерти Сталина, отсутствие ссылок на Сталина (с. 34, 82) — как известно, это было тогда общим требованием диссертационных советов.

Представляется преувеличением мнение автора о том, что замена в современной литературе термина «коллективизация сельского хозяйства» термином «коллективизация крестьянства» является симптомом некоего концептуального сдвига в сторону «объектного подхода» (с. 187). Еще в сталинском «Кратком курсе» использовались разные термины: «сплошная коллективизация» без указания на объект, «переход крестьян на рельсы коллективизма», а термин «коллективизация сельского хозяйства» был логичен в контексте разъяснения, что в колхозе «коллективизируются только основные средства производства». Примечательно, что в монографии советских историков 1982 года широко использовался термин «коллективизация крестьянских хозяйств»¹, но на концепции эти терминологические нюансы никак не отражались. Концепт «коллективизация крестьянства», если он используется сегодня историками осознанно, может подразумевать тотальное поглощение колхозом не толь-

1. Коллективизация сельского хозяйства в СССР (1982): пути, формы, достижения / Вылцан М. А., Данилов В. П., Кабанов В. В., Мошков Ю. А. М.: Колос. С. 3 и др.

ко хозяйства, но и личности крестьянина, что скорее характеризует этот подход, в терминах Кедрова, как субъектный.

В целом рецензируемая книга представляет собой серьезное, вдумчивое аналитическое исследование, далеко не свободное от недостатков, которое выводит разговор об историографии коллективизации за рамки ставшего у нас традиционным облегченного пересказа биографий и трудов предшественников и дает повод для размышлений над парадигмальными сдвигами в современной российской исторической науке.

И. А. Кузнецов

В поисках «самодетерминирующей социальной реальности»

In search of a “self-determining social reality”

Review of the book: Kedrov N. G. (2022). *Apocrypha of Agrarian Historiography. Essays on the Study of Collectivization in Soviet and Russian Historical Science*, Vologda: Polygraph-Periodicals, 2022, 339 p. ISBN 978-5-91965-300-4

Igor A. Kuznetsov, PhD (History), Senior Researcher, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Vernadsky Avenue, 82, Moscow, 119571; Moscow School of Social and Economic Sciences, Gazetny Lane, 3-5, Moscow, 125009. E-mail: repytwjd68@mail.ru

Павел Зырянов: община, государство, личность в истории России¹

**Рецензия на книгу: Раздвигая научные горизонты... (2023).
Сборник статей памяти доктора исторических наук
П. Н. Зырянова (к 80-летию со дня рождения) / [отв. ред.
Л. В. Мельникова]. — М.: Ин-т рос. истории РАН — 352 с.
ISBN 978-5-8055-0423-6**

А. М. Никулин, Е. С. Никулина

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; проректор по научной работе МВШСЭН. 119571 Москва, пр. Вернадского, 82. E-mail: harmina@yandex.ru

Екатерина Сергеевна Никулина, научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571 Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: nikulina@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-1-156-162

Данная книга являет собой сборник статей, посвященный 80-летнему юбилею замечательного ученого, историка П. Н. Зырянова (1943–2007).

Павел Николаевич Зырянов ушел из жизни 17 лет назад, но это уже вторая коллективная монография друзей и коллег ученого, посвященная его памяти. Первая книга о Зырянове вышла вскоре после смерти ученого и содержала не только статьи, анализирующие его биографию и творческое наследие, но также и ряд текстов, которые Зырянов подготовил, но не успел опубликовать из-за скоропостижной смерти от сердечного приступа².

Новая рецензируемая книга состоит из двух разделов: воспоминания и статьи.

Во вступлении Л. В. Мельникова, ученица П. Н. Зырянова, проанализировала основные вехи его биографии, выходяца из рабочей, до коллективизации крестьянско-казачьей, уральской семьи, чело-

-
1. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.
  2. Долг и судьба историка (2008). Сборник статей памяти доктора исторических наук П. Н. Зырянова / [отв. ред. В. В. Шелохаев]. М.: РОССПЭН. — 464 с.

века, который сам себя сделал крупным академическим интеллектуалом, конечно, при определенной поддержке учителей и коллег.

Заметки А. К. Алексеева «Дядя Павлик»: воспоминания о П. Н. Зырянове и его семье», В. В. Шелохаева «Перебирая узелки памяти», В. И. Дурновцева «Однажды жарким летом 1962 года» содержат описания многих особенностей характера и судьбы Зырянова, связанной с разносторонностью как его личностных гуманитарных интересов, так и верностью гуманистическим ценностям и идеалам.

В книге опубликованы также фотографии, отражающие основные вехи жизненного пути юбиляра.

Но основной корпус текстов книги, конечно, составляют научные статьи, посвященные важнейшим направлениям научно-исследовательской деятельности Зырянова: крестьянская община, церковная организация, местное самоуправление, биографика государственных деятелей России XIX–XX веков.

Каждое из вышеперечисленных направлений представлено несколькими аналитическими статьями. Так, проблематика общины открывается материалом Кондрашина В. В. «Актуальность исследований П. Н. Зырянова о крестьянской общине в современной аграрной историографии». Автор статьи совершенно обоснованно утверждает, что ученый являлся одним из самых активных и успешных исследователей крестьянской поземельной общины в России. Кратко охарактеризовав основные этапы зыряновской работы над проблематикой общины, Кондрашин солидаризируется с зыряновским выводом: «Проблема общины сплела в гордиев узел многие важные вопросы социально-экономической и политической истории России. И этот узел нельзя разрубить. Его надо распутать кропотливой работой многих исследователей»³. Сам Зырянов являл собой образец подобного рода работы, вводя в научный оборот аналитику по истории русской общины, основанную на материалах архивных фондов различных уровней государственной и местной власти, результатов обследований Вольного экономического и Русского географического обществ, земской статистики, периодической печати, крестьянских размышлений.

В результате Зырянов совершенно правомерно указывал на огромное значение использования общинных форм организации крестьянства в Русской революции. При этом он подчеркивал, что сама по себе община не являлась революционной организацией, а на революционную активность ее прежде всего подталкивали факторы малоземелья, различные виды эксплуатации и угнетения крестьянства.

Вместе с тем он не соглашался с утверждением, что община была исключительно косным, консервативным институтом, невос-

*А. М. Никулин,
Е. С. Никулина*
Павел Зырянов:
община, государство,
личность
в истории России

3. Зырянов П. Н. (1992). Крестьянская община европейской России, 1907–1914 гг. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. М.: Наука. С. 5.

примчивым к инновациям и нововведениям. Так, им была написана специальная статья о роли крестьянской общины в использовании и восстановлении естественных ресурсов. В этой и других публикациях Зырянов убедительно продемонстрировал активность общины в различных видах хозяйственно-агркультурной деятельности: переход на широкие полосы, внедрение травосеяния и многополья, сбережение общественных вод и лесов.

В своей главной монографии, посвященной истории русской общины 1907–1914 годов, он достаточно критически оценил столыпинскую политику в отношении общины, отмечая, например, что: «... само по себе столыпинское землеустройство не гарантировало вышедшим из общины крестьянам подъем агрикультуры в их “фермерских хозяйствах”»⁴.

К слабостям столыпинской аграрной реформы Зырянов относил также недоучет регионального фактора, местных природных и социокультурных условий, связанных с общиной. Этот подход Зырянова Кондрашин характеризует следующим образом: «Распад общины в России начался с западных и южных окраин, где более мягкий климат и более сильный дух европейского индивидуализма позволили активно развиваться фермерскому единоличному хозяйствованию. Что же касается остальных районов Европейской России, то там ситуация была иной. Община сохранила свои позиции» (с. 59).

Наконец, по мнению Зырянова, главная стратегическая цель столыпинской реформы — разрушение общины — так и не была достигнута. Но при этом земельные отношения в деревне «окончательно запутались», а малоземелье сохранялось, одновременно с помещичьим землевладением.

Главный вывод, который делают современные историки, опирающиеся на работы Зырянова, заключается в том, что: «Прошедшая через все испытания первых десятилетий XX века община оставалась механизмом крестьянского самоуправления и решения насущных проблем деревни вплоть до ее слома сталинским режимом в конце 1920-х гг.» (с. 60-61).

Следующий автор этой книги В. В. Бабашкин в статье «Крестьянская община: от недооценки к переосмыслению», высоко оценивая значение общинных исследований Зырянова, радикально подчеркивает их революционное значение для общинной историографии России (с. 67-68). В развитие этого утверждения в статье увлекательно анализируются основные вехи советских и постсоветских дискуссий о роли общины в российских реформах XX века, особенно всесторонне, как считает Бабашкин, представленные в заседаниях легендарного аграрного семинара В. П. Данилова и Теодора Шанина. Его активным участником являлся и Зырянов.

4. Там же. С. 58.

Наконец, О. А. Сухова в статье «“Мир — велик человек”: общинный архетип в условиях эмансипации российского крестьянства», анализируя зыряновские характеристики общинности в контексте современных крестьяноведческих исследований, формулирует парадоксы соотношения революционности и архаичности русской общины в следующем заключительном утверждении: «Революция 1917 г., похоронившая Российскую империю и пробудившая к жизни самые архаичные практики самоорганизации, незамедлительно была прочитана крестьянством и в контексте семиотики культуры оказалась самой что ни на есть благоприятной средой для проявления общинной солидарности» (с. 226).

Весьма специфический и трагический опыт крестьянской самоорганизации в эпоху революций и гражданских войн, которому ученый уделил особое внимание в своих монографических исследованиях, связанных с личностью Колчака, представлен в статье Н. А. Ивановой «“Атаманщина”. Общественное движение в России в понимании П. Н. Зырянова». Автор статьи рассмотрела эволюцию зыряновских взглядов на воинствующую стихийность народных и солдатских масс в эпоху революций и Гражданской войны в России. Как отмечал Зырянов, некоторые первые тревожные признаки так называемой «атаманщины» продемонстрировала потерпевшая поражение русская армия еще в Порт-Артуре и Маньчжурии в 1905 году, когда уставшие, раздосадованные проигранной войной солдаты выходили из-под контроля командования, сплываясь в банды, занимавшиеся насилием и грабежом. Новые несравненно более обширные и грозные волны «атаманщины» захлестнули Россию в 1917 году и гуляли по ней вплоть до окончания Гражданской войны. Зырянов так характеризовал эту ужасную угрозу революционной эпохи: «Самое страшное, что могло быть, — крушение государства и небывалое развитие “атаманщины”... В условиях охватившего страну небывалого социально-экономического кризиса общество стало скатываться к догосударственным формам своей организации, к строю так называемой “военной демократии”»⁵. Той самой демократии, которую исследовал еще Л. Г. Морган, а его концепцию в свою очередь учитывали и анализировали еще К. Маркс и Ф. Энгельс. При этом Зырянов продемонстрировал далеко не однозначную роль большевиков в их взаимодействии с «атаманщиной». Если на волне революционного подъема 1917 года большевики заигрывали с ней, часто поощряя это живое насильственное творчество народных масс во имя собственного прихода к власти, то уже в годы Гражданской войны, всерьез опасаясь потерять власть из-за разгула пресловутой «атаманщины» разнообразных «зеленых» крестьянских армий и партизанских отрядов, большевикам пришлось вступить в кровавую борьбу с «атаманщиной» ради установления своего нового государственного порядка.

*А. М. Никулин,
Е. С. Никулина*
Павел Зырянов:
община, государство,
личность
в истории России

5. Долг и судьба историка (2008). Сборник статей памяти доктора исторических наук П. Н. Зырянова / [отв. ред. В. В. Шелохаев]. М.: РОССПЭН. С. 324.

Реконструируя зырянские подходы к изучению феномена «атаманщины», Иванова дает ее следующее определение: «Атаманщина» — это стихийное движение народных масс, приводящее к разрушению, в том числе вооруженным путем, существующей государственности и скатыванию общества к догосударственным формам его существования — к военной демократии» (с. 126). Впрочем, здесь надо отметить, что автор статьи, к сожалению, не проводит разграничений между «атаманщиной» и возможными другими формами и явлениями народных движений в эпоху революции, отчего в статье иногда размываются границы между понятиями «атаманщина» и «общественное движение» в целом. В этой же статье также предпринимается попытка увязать проблематику «атаманщины» с фундаментальной зырянской концепцией исторических циклов взаимодействия государства и общества в России XIX–XX веков.

Церковная проблематика в наследии Зырянова, связанная с тематикой взаимодействия местных религиозных общин с государством и обществом, представлена в сборнике в статьях Е. В. Беляковой «Русская Церковь между революциями 1905 г. и 1917 г.: к проблеме разрушения традиционной религиозности», Е. Б. Емченко «Уставы и дисциплинарные правила женских монастырей и общин в Синодальный период», М. И. Белховой «Захоронения в монастырях: положения Студийского устава и русская практика», Д. Н. Шиловой Материалы к «Русскому провинциальному некрополю» как источник сведений о духовенстве.

Наконец, не менее значимая и объемная, чем община, тема, представленная в этом сборнике, — проблематика взаимодействия государства и личности в истории России. Она затрагивается в статьях П. С. Кабытова «Последний русский реформатор П. А. Столыпин в оценках П. Н. Зырянова», В. П. Булдакова «Адмирал Колчак: реалии и вымысел», К. А. Соловьева «П. А. Столыпин и октябристы: конфликты и взаимодействие», Н. Б. Хайловой «Столыпинская аграрная реформа: к вопросу об иностранном опыте», И. В. Омелянчука «Оценка деятельности П. А. Столыпина на страницах правой газеты “Русское знамя”», А. С. Минакова «Губернаторы в начале XX в.: проблема эффективности управленческих решений», О. А. Плех «Бюрократия в сословной структуре российского общества последней четверти XVIII — первой половины XIX в.», А. С. Рогожиной «Проблема эффективности местного управления в продовольственном обеспечении российской пореформенной деревни», А. Е. Иванова «Высшая школа России в 1917 году: между двумя революциями».

Хотелось бы особо отметить ряд заключений Кабытова о личности и реформаторской деятельности Столыпина, основанных на бережном прочтении и интерпретации соответствующих зырянских работ, по-прежнему остающихся одними из самых объективных и пронизательных в оценке этого последнего действительно яркого и самостоятельного царского премьер-министра. Так, Кабытов считает, что, в отличие от многих своих предшественников и современников, Зырянов, анализируя итоги столыпинской реформы, ни-

когда не оперировал термином «крах реформы», предпочитая более сдержанные, возможно, объективно противоречивые оценки, например: «властям не удалось ни разрушить общину, ни создать устойчивый и достаточно массовый слой крестьян-собственников» (с. 92). Подобные неоднозначные мнения Кабытов обнаруживает в подходе Зырянова к определению масштабов и особенностей столыпинской личности, приводя следующие цитаты: «Деятельность Столыпина не поддается однозначной оценке. В целом он был, несомненно, крупным государственным деятелем, хотя вряд ли особо выдающимся... И все же Столыпин видел гораздо дальше и глубже, чем царь, его окружение, помещики, сановники, министры — все, кто олицетворял собою старую дворянскую Россию, с которой тысячу нитей был связан и он сам»⁶. Здесь Кабытов вновь солидаризуется с Зыряновым, утверждая, что «Столыпин не был принят ни новыми временами, ни старой Россией»⁷. В целом в этом подходе Кабытова-Зырянова к оценке столыпинского феномена есть что-то от гамлетовского «Все остальное тайна...». В своих штудиях Зырянов и писал о том, что «Столыпинных было несколько» и «подлинного Столыпина мы до сих пор не знаем»⁸.

Еще более противоречивые оценки увлекательно анализирует и интерпретирует В. П. Булдаков в связи с биографическими исследованиями жизни и деятельности Колчака⁹. Отмечая, что зыряновская книга о знаменитом адмирале, изданная менее чем 20 лет назад в серии ЖЗЛ и уже выдержавшая пять переизданий, по-прежнему остается лучшей биографией Колчака по многим параметрам не только исторической, но и художественной литературы, Булдаков приходит к следующему заключению: «Перечитывая книгу Зырянова о Колчаке, начинаешь почти физически ощущать, что последовавшая за Первой мировой российской Гражданская война была не просто отнюдь не чисто военным столкновением “красных” и “белых”, не просто противостоянием элит и толп, даже не бинарным разрядом наэлектризованного культурного пространства... Случившееся в России — больше, чем война и революция. И потому, учитывая географические — по большей части вынужденные, нежели целенаправленные — перемещения Колчака, начинаешь понимать, что Россия была и империей, и культурой, и просто “большой страной”, требующей от своих подданных много большего интеллектуально-нравственного совершенства и личной ответственности, нежели это было характерно для ее правителей. Иначе ее не спасут те немногие оставшиеся люди долга, готовые погибнуть со своим “кораблем”» (с. 112).

6. *Зырянов П. Н.* (1992). Пётр Столыпин: Политический портрет. М.: Высшая школа. С. 56.

7. Там же. С. 71.

8. Там же. С. 3.

9. *Зырянов П. Н.* (2006). Адмирал Колчак, верховный правитель России. М.: Молодая гвардия.

В продолжение отметим две статьи сборника, посвященные пространственно-исторической теме, связанной с границами развития России, так волновавшей Зырянова: О. В. Волобуев «Имперостроительство на окраинах дореформенной России: генерал-губернаторы М. С. Воронцов и Н. Н. Муравьев-Амурский» и Н. Ф. Бугай «Проблема пограничного фактора в условиях современной России: реалии и востребованность изучения».

Оба автора этих статей приводят зыряновские мнения о важном значении проблематики пограничья в истории России. Например, Бугай вспоминает: «Как-то с Павлом Николаевичем в одной из бесед мы затронули проблему пограничности, периферийности в истории на пространствах государства, в том числе и российско-го. Он заметил, что этот вопрос изучен недостаточно, имеет исторический смысл и полное право на жизнь...» (с. 339).

А Волобуев, вспоминая о своей личной беседе с Зыряновым, так характеризует его последний, незавершенный замысел написания биографии одного из замечательнейших государственных деятелей России XIX века: «Павел Николаевич... остановился на фигуре Н. Н. Муравьева-Амурского... Говорил он каждый раз о своем новом герое с увлечением и даже, можно сказать, с вдохновением. Мне кажется, что его как историка привлекала тема открытия, приобретения, освоения новых земель и историческая роль незаурядных личностей, вложивших немалые труды в дело строительства великой державы» (с. 131).

Переходя от границ мироздания и держав к границам познания обществоведческих и гуманитарных дисциплин, мы должны признать, что Павел Николаевич Зырянов был их замечательным, любознательным и отважным исследователем. Его научные пути и открытия остаются по-прежнему актуальными, перспективными, чему свидетельством и является рецензируемая книга с таким характерным названием «Раздвигая научные горизонты...».

Pavel Zyryanov: community, state, personality in the Russian history

Review of the book: Expanding Scientific Horizons...(2023) Collection of Articles in Memory of the DSc (History) P. N. Zyryanov (for the 80th Birthday). Ed. by L. V. Melnikova, Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 352 p. ISBN 978-5-8055-0423-6

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Vice-Rector for Research, Moscow School of Social and Economic Sciences. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, 119571. E-mail: harmina@yandex.ru

Ekaterina S. Nikulina, Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Prosp. Vernadskogo, 82 Moscow, 119571, Russia. E-mail: nikulina@ranepa.ru

«Человеческий капитал в сельском развитии»: обзор международной российско-китайской научно-практической конференции¹

В. М. Гречухина

Гречухина Варвара Максимовна, научный сотрудник Центра полевых исследований Московской высшей школы социальных и экономических наук. 125009 Москва, Газетный пер, д. 3-5, стр. 1. E-mail: grechukhinavarvara@gmail.com

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-1-163-167

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ и Китайский аграрный университет провели совместную научную конференцию «Человеческий капитал в сельском развитии: Россия и мир». Мероприятие прошло 30 ноября 2023 года в смешанном формате: с возможностью онлайн-подключения. Модераторами дискуссии выступили Александр Никулин, директор Центра аграрных исследований РАНХиГС, а также декан Института гуманитарных наук и девелопментализма Китайского аграрного университета Цзинцон Е.

В основном фокусе конференции оказались концептуальные и практические аспекты понятия «человеческий капитал» применительно к «крестьянскому вопросу». Участников интересовали эмпирические сюжеты из разнообразных локальностей: поселения, регионы и государства в контексте анализа экономических, социальных, политических, географических и исторических аспектов развития сельских территорий.

Конференцию с докладом «Роль человеческого капитала в развитии сельских территорий России» открыла *Любовь Овчинцева*, к.э.н., старший научный сотрудник Центра аграрных исследований РАНХиГС. Выступление началось с реконструкции основных теоретических подходов к концепту *человеческий капитал*, был описан корпус релевантной литературы, сделан обзор способов замера и оценки человеческого капитала. Эмпирическая часть была посвящена анализу количественных оперантов концепта в России. Также автор выделила основные факторы, влияющие на развитие человеческого капитала и сельских районов. Доклад

---

1. Мероприятие было проведено при поддержке гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-326 от 25.04.2022) в рамках консорциума НЦМУ.

чик сделала следующие выводы: регионы России существенно различаются по уровню развития человеческого капитала из-за разнообразия форм занятости, источников дохода, типов сельского хозяйства и климата; в период коллективизации многие сельские жители утратили навыки, необходимые для ведения сельского хозяйства, стали наемными работниками, поэтому не воспользовались возможностью в начале 1990-х годов вести собственное хозяйство, а уехали в города; люди, переезжающие сегодня из городов в сельскую местность, в основном не заняты в сельском хозяйстве, т.к. экономически связаны с городами (удаленная занятость) или работают в цифровой среде (блогеры, ютуберы и т.д.). Последняя категория, совмещающая сельский и городской образ жизни, привносит новый опыт и практики в развитие села.

Следующий доклад «Новое крестьянство как человеческий ресурс альтернативной продовольственной системы» сделал *Конгжи Хэ*, к.с.н., доцент кафедры социальной политики и деволюционализма Китайского аграрного университета. В центре его внимания — феномен «новых крестьян», возникновение которого постепенно становится символом «рекрестьянизации» Китая. Исследователь описал, как их появление в сельской местности, с одной стороны, привлекает больше внимания со стороны общества и государственных структур, а с другой — стимулирует создание альтернативных продовольственных систем. Кроме того, он отметил неоднородность состава группы: к этой категории относятся те, кто приехал из города; имеют высшее образование и накопили определенный капитал; являются новичками в сельском хозяйстве и аутсайдерами сельских общин, арендуют участок земли определенного размера у местных мелких хозяйств и нанимают сельскохозяйственных рабочих из местных общин. Среди других отличительных черт: использование инновационных технологий и дополнительные предпочтения в маркетинге и информационных технологиях; внимание к агроэкологическим продуктам и услугам с высокой добавленной стоимостью; фрагментация группы на определенные школы со специфической экспертизой; использование разнообразных стратегий создания рынков и пр. В результате исследования были выявлены напряжения, с которыми сталкиваются представители группы: высокие затраты на аренду земли, сельскохозяйственные риски; ориентация на ограниченные группы потребителей. Хотя появление новой группы способствует развитию продовольственной системы Китая, практики ее членов ориентированы скорее на обеспеченных городских потребителей, что приводит к разрыву связи с сельскими общинами и ограничениям в решении более широких проблем продовольственной системы и развития сельских районов.

Конференция продолжилась докладом «Вода камень точит»: формы низовой самоорганизации как инструмент развития человеческого капитала», который сделала *Варвара Гречухина*, со-

трудник Центра полевых исследований МВШСЭН. Основной его сюжет — формирование сообществ пациентов с орфанными заболеваниями и их родителей в России. Было продемонстрировано, что государственное управление человеческим капиталом, к которому относится и здоровье, в российском контексте диагностики и лечения орфанных заболеваний оказывается неоднородным, раскоординированным и вовлеченным в политику неопределенности. Важным и необходимым проводником такой политики являются пациентские организации — объединения пациентов и их родителей, которые начинают бороться за свои права в условиях ограниченных ресурсов. Так, пациенты с орфанными заболеваниями в малых городах и сельской местности часто не имеют доступа к своевременной диагностике и медицинской помощи, включая жизненно важное лечение и медицинские манипуляции. В сельской местности остро ощущается нехватка медицинских специалистов, и зачастую пациентам приходится ехать в города федерального значения, чтобы уточнить диагноз и получить должные рекомендации. Роль пациентских организаций трудно переоценить — они ориентируют пациентов в сложной медицинской системе, оказывают логистическую помощь и поддерживают своих подопечных на пути к лечению. В заключение было указано на основные особенности орфанной медицинской бюрократии и сделан вывод о том, что пациентские организации — это человеческий капитал, который направлен на улучшение положения пациентов как на индивидуальном уровне (доступ к диагностике и лечению), так и на уровне пациентов с орфанными заболеваниями как группы (влияние на развитие системы здравоохранения, пациентоориентированного подхода и равного доступа к лечению и уходу).

Продолжилась работа докладом «Кто возродит сельский Китай? Тяжелые времена для репатриантов и переселенцев в агропромышленном секторе» *Сэнь Чжана* и *Хуан Лю*, аспиранта и доцента кафедры социальной политики и девелопментализма Китайского аграрного университета. Коллеги рассказали о возвращенцах-мигрантах в сельском Китае, которые привносят урбанизированные образы жизни и современные идеологии в деревню, особенно те из них, кто занимается сельским хозяйством. Для подобной категории характерно сохранение работы в городе для поддержания существования собственных сельских предприятий, вовлечение в местную политику. В результате исследования стало понятно, что мотивации для возвращения различны: экономическая выгода, промышленное земледелие, вовлечение в сообщество, политические амбиции и изменение образа жизни. Однако эти люди сталкиваются с проблемами, часто обусловленными недостаточно полным представлением о жизни в сельской местности. Среди основных трудностей: ограниченный доступ к земле; рыночные каналы сбыта, через которые большую часть прибыли извлекают электронные платформы и логистические компании; взаимоотношения

с местными властями и традиционными структурами власти, конфигурация которых влияет на степень поддержки проектов; давление со стороны семьи из-за отсутствия быстрой прибыли. Впрочем, именно социальный капитал играет ключевую роль в их интеграции, позволяя использовать ресурсы деревни и получать внешнюю поддержку. Исследователи подчеркивают, что мигрантам-возвращенцам необходимо оставаться внимательными к спросу со стороны местных жителей и ориентироваться на возможность внесения инновационного вклада в социально-экономическое развитие региона. Делается предположение, что для поддержки работы возвращенцев-мигрантов в сельских районах со стороны государства развитие социальных институтов продуктивнее, чем прямые экономические субсидии.

Доклад *Владимира Картавцева*, к.ф.н., руководителя Центра полевых исследований МВШСЭН, «Влияние креативных индустрий на развитие человеческого капитала: на примере башкирского города Дюртюли» завершил серию выступлений коллег из России. В сообщении говорилось об эффектах влияния креативных индустрий, одним из которых можно считать развитие человеческого капитала через повышение количества людей с высшим образованием, пространственную и профессиональную мобильность и пр. Были отмечены локальные особенности Дюртюли: река Белая как транспортный путь, туристический потенциал, сельский характер жизни и дисперсия объектов творческих индустрий; сделан обзор состояния базовых отраслей промышленности и городской экономики сферы услуг, стратегий профессионализации жителей и способов получения образования. В качестве основных выводов представлен обзор эффектов развития креативных индустрий в городе, сформирован набор рекомендаций для дальнейшего развития. Среди ключевых рекомендаций: необходимое соответствие экономических и социальных метрик, отражающих эффекты от развития креативных индустрий, местной идентичности; повышение внимания к данным, полученным с помощью полевых социально-антропологических исследований.

Мероприятие завершилось выступлением «Парадокс деквалификации: курьеры в эпоху искусственного интеллекта» к.с.н., доцента кафедры социальной политики и девелопментализма ИГНД КАОУ *Лонг Чена*. Его исследование отталкивалось от предположения, что курьеры сервисов доставки еды рассматриваются как низкоквалифицированные рабочие и могут быть заменены автоматизированными системами. В докладе было показано, что такое предположение ложно, а курьеры с длительным опытом работы зарабатывают больше, чем новички. Подобное наблюдение позволяет задать вопрос о том, почему так происходит. Делается предположение, что курьеры обладают разными навыками, а уровни и области квалификации могут стать причиной разницы в доходах. Основной фокус доклада — указание на парадокс деквалификации, где само пред-

положение об особенностях работы курьеров становится неверным. Исследователь демонстрирует, что наличие разнородных навыков ставит под вопрос возможное вытеснение курьеров с рынка труда.

Конференция была положительно оценена участниками прежде всего из-за того, что предоставила уникальную возможность поделиться опытом и познакомиться с исследовательскими проектами коллег. Несмотря на разные объекты изучения и теоретические подходы, каждое выступление сопровождалось серией вопросов и активным обсуждением. Несомненно, важный эффект такого сотрудничества — укрепление институциональных связей, появление новых возможностей для результативного партнерства.

В. М. Гречухина
«Человеческий капитал в сельском развитии»...

“Human capital in rural development”: A review of the international Russian-Chinese scientific-practical conference

Varvara M. Grechukhina, Researcher, Center for Field Research, Moscow School of Social and Economic Sciences. Gazetny Lane, 3-5, building 1, Moscow, 125009.
E-mail: grechukhinavarvara@gmail.com

Крестьяноведение

2024. Том 9. №1

Учредитель: Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать
Усл. печ. л. 14,7. Заказ
Тираж 100 экз.

Формат 70×100/16.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru